

По мнѣнію историковъ, онъ непремѣнно долженъ былъ окончиться тѣмъ, чѣмъ окончился, даже если бы и не было татаръ. Иначе, совсѣмъ иначе смотреть гр. Алексѣй Толстой. Его можно назвать романтикомъ удѣльнаго періода,—до того привлекательно ему кажется наша древняя, вѣчевая и княжеская старина. Онъ воспѣвалъ ее въ своихъ поэмахъ, балладахъ и былинахъ, въ своихъ историческихъ драмахъ («Посадникъ»), проповѣдывалъ въ письмахъ. Изучая древнѣйшій періодъ нашей исторіи, онъ приходитъ въ восторгъ, встрѣчая несомнѣнныя доказательства живого общенія тогдашней Руси съ Западомъ. «У Ярослава были три дочери,—пишетъ онъ:—Елизавета, Анна и Анастасія. Анна вышла замужъ за Генриха I, короля Франціи, который, чтобы просить ея руки, прислалъ въ Кіевъ епископа шалонскаго Рожера, въ сопровожденіи 12 монаховъ и 60 рыцарей. Третья, Анастасія, была женой Андрея Венгерскаго, а первая, Елизавета, была сватана Гаральдомъ Норвежскимъ, тѣмъ самымъ, который сражался противъ Гаральда Англійскаго; онъ былъ бѣдный человѣкъ, и ему отказали. Огорченный своею неудачей, онъ сдѣлался пиратомъ въ Сициліи, Африкѣ и на Босфорѣ, откуда и вернулся въ Кіевъ съ большимъ богатствомъ и былъ принятъ въ зятя Ярослава». Алексѣй Толстой восхищенъ этимъ лишнимъ доказательствомъ почетнаго положенія Кіева въ семьѣ народовъ, и онъ пишетъ балладу о Гаральдѣ. «Кстати, знаете ли вы,—пишетъ онъ,—что Григорій VII, знаменитый Гильдебрантъ, былъ признанъ Изяславомъ? И что его предшественникъ, папа Климентъ, не знаю который, послалъ посольство въ Кіевъ? Что вы на это скажете? Католическій нунцій на византійскихъ улицахъ Кіева! Генрихъ IV, императоръ германскій, посылающій съ своей стороны посольство къ Изяславу; монахи свиты нунція, чокающіеся съ «печерскими иноками»! Византія и Римъ ссорятся, но ихъ ссоры не достигаютъ еще народовъ, которые, сознавая себя одинаково недавними христіанами, братаются между собою, какъ о томъ свидѣлствуютъ безчисленные браки между нашею и другими европейскими династіями. Графиня Матильда де-Бѣлоозеро? А? Что вы скажете на это? Есть въ этомъ колоритъ? А? Подходить ли это къ моей теоріи?» Написавъ балладу о Гаральдѣ, Алексѣй Толстой написалъ исторію Даніи Дальмана и, къ своему восторгу, нашель тамъ «подтвержденіе многимъ подробностямъ, кото-

рыя написалъ по найтію». Дальманъ, между прочимъ, говорить, что скандинавами былъ вложенъ въ русскую почву «благородный зародышъ германской государственности, уничтоженный лишь яростью монголовъ, которые, какъ туча саранчи, напали на Россію. То время, когда говорили: «кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» не было замѣнено ни Іоанномъ III, ни Іоанномъ IV, ни Петромъ Великимъ». Алексѣй Толстой очень радъ, что встрѣтилъ поддержку со стороны Дальмана, но горячо возражаетъ, будто скандинавы принесли въ Россію зародышъ нашей государственности. «Дальманъ, — пишетъ онъ, — ошибается, приписывая скандинавамъ наши начала свободы. Скандинавы не установили, а нашли вѣче уже совсѣмъ «установленнымъ». Ихъ заслуга въ томъ, что они его подтвердили, тогда какъ отвратительная Москва уничтожила его, — вѣчный стыдъ Москвѣ! Не было надобности уничтожать свободу, чтобы покорить татаръ. Не стоило уничтожать менѣе сильный деспотизмъ, чтобы замѣнить его «болѣе сильнымъ. Собираніе русской земли!» Собирать хорошо, но надо знать, «что собирать»? Горсточка земли лучше огромной кучи...» Вотъ до какой дерзости противъ установленныхъ взглядовъ доходилъ нашъ поэтъ. И какъ онъ одинокъ былъ въ своемъ благородномъ идеализмѣ! Сколько страданій причиняло ему торжество совсѣмъ иной, псевдо-патріотической школы.

VII.

Люди темперамента гр. А. Толстого могутъ влачить дни свои во всякую эпоху, среди всякихъ мерзостей; связанные, они могутъ молча выносить свои страданія, но не страдать они не могутъ. Примириться съ униженіемъ — никогда! Они могутъ жить потому, что, кромѣ горькихъ огорченій отъ людской глупости, остается еще красота природы и красота ихъ собственной души, такъ что жить всегда хочется. Полюбуйтесь, какою страстной жизнью горитъ 52-лѣтній поэтъ (въ 1869 году): «Теперь ночь, тепло, громъ гремитъ, дождь идетъ, но если погода разгуляется, я живо сяду верхомъ и поѣду въ лѣсъ съ докторомъ стрѣлять глухарей, что я дѣлаю каждую ночь, съ тѣхъ поръ какъ они токують... Въ часъ ночи, всякій день аккуратно я сажусь верхомъ и ѣду вереть за десять ждаты у горящаго костра восходящую зарю, чтобы

стрѣлять великолѣпныхъ глухарей... Третьяго дня я взялъ съ собою мою жену, и она была такъ восхищена всѣмъ, что видѣла и слышала, что ей жаль было уѣзжать. Луна была полная, и, прежде чѣмъ заря появилась, лѣсъ зашѣлъ! — Цапли, дикія утки и особенный сортъ маленькихъ бекасовъ проснулись, и начался весь ихъ гармоническій шумъ и гамъ...» Совершенно богатырское времяпрепровожденіе, радость свѣжей, первобытной души. Сказать кстати, этотъ пѣвецъ богатырскихъ временъ богатырь былъ и тѣломъ, обладая огромною силой. Немудрено, что его тянуло къ мощной жизни природы. Но онъ не могъ быть счастливъ. Его сердце точитъ все та же мысль о нашемъ историческомъ горѣ, о китаизмѣ, которымъ насъ отравили монголы. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ описываетъ ночи на охотѣ, Толстой посылаетъ шуточную, очень горькую «балладу». Главный мандаринъ Дху-Кинь-Дцинъ, по порученію владыки, спрашиваетъ совѣтъ мандариновъ: «Зачѣмъ у насъ, въ Китаѣ, досель порядка нѣтъ?»

Китайцы всѣ присѣли,
Задами потрясли,
Гласятъ: «Зачѣмъ досель
Порядка нѣтъ въ земли,
Что мы, вѣдь, очень молоды,
Намъ тысячъ пять лишь лѣтъ,—
Зачѣмъ у насъ нѣтъ складу,
Зачѣмъ порядку нѣтъ.
Клянемся разнымъ чаемъ,
И желтымъ, и простымъ,
Мы много общаемъ,
И много совершимъ!».

Мандарину отвѣтъ этотъ понравился, но на всякій случай

... Приказалъ онъ высѣчь
Немедля весь совѣтъ.

Живя въ черниговской глуши, стрѣляя глухарей, А. Толстой не могъ превратиться, какъ большинство помѣщиковъ, самъ въ глухаря, совершенно равнодушнаго къ судьбѣ своего народа. «Лукавый царедворецъ» и «консерваторъ», онъ болѣлъ вопросами времени не меньше, чѣмъ другой прославленный поэтъ, издатель передоваго журнала, жившій въ Петербургѣ. Если Некрасову нельзя отказать въ искренности душевныхъ мученій, то нельзя въ ней отказать и Алексѣю

Толстому, который составлялъ во многомъ антиподъ Некрасова. Пусть Некрасовъ провелъ молодость въ петербургскихъ трущобахъ, а Толстой въ придворныхъ сферахъ—оба поэта были истерзаны современной жизнью, каждый на свой образецъ. Некрасову, съ преобладаніемъ у него ума надъ чувствомъ; гнетъ тогдашняго настроенія, пожалуй, былъ даже легче, чѣмъ пылкому и страстному Алексѣю Толстому. Одно изъ писемъ, помѣченное 20-мъ апрѣля 1869 года, отражаетъ душевное волненіе поэта совсѣмъ не деревенскаго характера:

«Какой русскій не желалъ бы слянія польскаго элемента съ русскимъ? Но не запрещеніемъ говорить по-польски на улицахъ, въ кофейняхъ и въ аптекахъ этого достигаютъ... Вы имѣете грустную храбрость порицать мой тостъ за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, какова бы ни была ихъ нація. Но знаете ли, что вы и ваши... тѣмъ самымъ утверждаете польскую національность гораздо болѣе меня, ставя ее внѣ закона. Вы говорите: «Нѣтъ болѣе поляковъ», и нападаете съ кулаками на все польское! Вы называете себя русскими, а ваши упрёки за мой тостъ—это однѣ нѣмецкія придирки. Вы вмѣстѣ съ бѣднымъ Щербиной *) говорите, что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милыя дѣти, посмотрите въ лексиконъ! Что такое національность? Вы смѣшиваете государство съ національностями; нельзя допустить разныя государства; но не отъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности. Армяне, подвластные Россіи, будутъ армянами; татары—татарами; нѣмцы—нѣмцами; поляки—поляками... Старайтесь—я буду очень радъ—рядомъ искусныхъ мѣрь обрусить различныя національности вашего государства. Но главное—будьте искусны и не будьте глупы и грубы... Возвращенныя губерніи должны быть русскими,—кто въ этомъ сомнѣвается? Но какъ? Дѣлая то, что Пруссія сдѣлала для Познани, а не отрицая польскую національность, которая тѣмъ или другимъ способомъ установилась. Фактъ существуетъ, цифры не при чемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше цифръ, тѣмъ менѣе вамъ извинительно употреблять мѣры насилія и топтать ногами соціальныя законы...

*) Извѣстный статистикъ, этнографъ и знатокъ быта русскаго народа.

Еще одно слово: наша глупость, запрещающая католикамъ молиться по-русски, не оправдываетъ глупости въ противномъ смыслѣ. Это — исторія пьяницы, который не можетъ влѣзть на лошадь, но все или перескочить или не доскочить... И когда я вспомню о красотѣ нашего языка, когда я думаю о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хочется броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія: что мы сдѣлали съ дарами, которые далъ намъ Богъ?!»

VIII.

Вы видите, какъ близко къ сердцу принималъ поэтъ даже такіе отдаленные отъ поэзіи вопросы, какъ положеніе русскихъ инородцевъ. Нынѣшніе разнѣженные, изнеможенные поэты сочли бы ужасомъ дотронуться до столь прозаической вещи: что для нихъ исторія, историческая справедливость, народное достоинство? Что для нихъ страданія народныя? Совсѣмъ что-то ненужное, неинтересное, «пошрое»...

Но поэты шестидесятыхъ годовъ были иного склада: они — даже такими аристократами, какъ А. Толстой, даже въ придворномъ званіи, способны были «броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія» при видѣ торжества грубости нашей, нашей все еще монгольской жестокости въ отношеніи къ ближайшимъ братьямъ и даже къ самимъ себѣ...

Любовь къ «народному» достоинству составляетъ самую рельефную черту поэзіи гр. А. Толстого. Онъ не демагогъ, онъ ненавидитъ «красныхъ», онъ монархистъ — и ужъ, конечно, честный монархистъ, не торгующій, какъ иные наши «исты» (обоихъ лагерей), своими политическими убѣжденіями, — но онъ въ то же время народолюбецъ, да еще какой! Одна мысль о народномъ рабствѣ жалитъ его и заставляетъ взвизгивать на дыбы, какъ стрѣла нубійца — дикаго льва. Лучшіе звуки сердца онъ посвятилъ когда-то бывшей, легендарной, но общенародной вольности на зарѣ нашей исторіи, оплакивая гибель ея въ послѣдующія эпохи. Вспомните былины о Змѣѣ Тугаринѣ, Потокѣ-Богатырѣ и пр. На пиру Владимира, окруженнаго богатырями, является татаринъ-пѣвецъ и предсказываетъ, что внуки князя, столь великаго и славнаго, будутъ держать золоченое стремя его,

бѣднаго нишаго, внукамъ. Богатыри волнуются, но дерзкій пѣвецъ продолжаетъ:

И честь, государи, замѣнить вамъ кнутъ,
А вѣче — каганская воля...
Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглогавшись татарщины власть,
Вы Русью ее назовете!
И съ честной посоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ варягамъ спиной,
Лицомъ повернемся къ обдорамъ!

Добрыня узналъ злодѣя-Тугарина и схватилъ свой богатырскій лукъ. Пѣвецъ, какъ вы помните, перекинулся въ змѣя и уплылъ по Днѣпру. Поэтъ заставляетъ хохотать и князя, и богатырей, и весь народъ русскій надъ предсказаніями змѣя:

— Чтобы мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы багогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ обдорамъ!
Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!

Такъ восклицаетъ Владимиръ-Солнце и приказываетъ принести большую чару, добытую въ сѣчѣ съ хозарскимъ ханомъ:

— За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколь пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ!..

Пьетъ Владимиръ за варяговъ, своихъ могучихъ дѣдовъ, «къмъ русская сила подъята», — и на этотъ тостъ въ былинѣ отвѣчаетъ тостомъ же весь народъ кievскій:

— За князя мы пьемъ.
Да править по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!

Въ этой былинѣ вылилось все историческое міросозерцаніе Алексѣя Толстого, все его изболѣвшее скорбью за Россію сердце.

Другая, шуточная былина: Потокъ-Богатырь пляшетъ всю ночь на пиру у Владимира и засыпаетъ на полтысячи лѣтъ. Спитъ и видитъ чудные сны, — сначала изъ своего времени, какъ между сѣчами «князь съ боярами судить на вѣчѣ», — видитъ вѣжливый, культурный дворъ Владимира, который, однако, «въ совѣтѣ настойчиво спорить». Потомъ сонъ переноситъ его на Москву-рѣку, къ терему царевны: та обливаетъ его, кievскаго кавалера, самой площадною бранью. Дальше видитъ Потокъ:

Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость собираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:

«Что за ханъ на Руси своеволить?»

Но вдругъ слышитъ слова: «То земной ѣдетъ богъ;
То отецъ нашъ казнить насъ изволить!»
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы,
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи—
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

Вотъ картина, которая преслѣдовала благороднаго нашего поэта, какъ кошмаръ, и который онъ не могъ простить нашей исторіи до конца дней! Потокъ-Богатырь, какъ и Алексѣй Толстой, былъ пораженъ московскою низостью:

— Если князь онъ или царь напоследокъ,
Что жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, да не зтакъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога Господь упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!

Вы, конечно, помните, какъ Потокъ-Богатырь попалъ затѣмъ въ слѣдующую, петербургскую эпоху и даже въ 60-е годы, къ тогдашнимъ народникамъ, ученымъ барышнямъ и прогрессистамъ, — помните также его забавныя столкновенія съ ними. Эти столкновенія — несомнѣнно автобіографическаго характера. Къ тогдашнимъ народолюбцамъ Алексѣй Толстой чувствовалъ отвращеніе, и, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы оно было вовсе не заслужено. Искреннихъ, умныхъ, сердечныхъ друзей народа и тогда было очень мало, зато было очень много полуинтеллигентной черни, которая во вся-

кое, самое возвышенное движеніе всегда вносить свои грубые инстинкты, эгоизмъ и скудоуміе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что либерализмъ благородныхъ представителей этого движенія погубленъ либерализмомъ низкихъ, низведшихъ его до пошлой и даже гадкой карикатуры. Движеніе самое высокое изъ всѣхъ возможныхъ, истинный либерализмъ лишь тогда имѣетъ смыслъ и силу, когда онъ нравственно безупреченъ, когда онъ возвышенъ религиозно. Либерализмъ, вѣдь, есть не только свобода, но и братство, и братство прежде всего. Но тогдашніе либералы (кромѣ немногихъ идеалистовъ) были чужды братства: ими двигалъ личный эгоизмъ; ненависть къ злу у нихъ переходила въ ненависть къ стдѣльнымъ людямъ и выражалась въ тѣхъ же недостойныхъ формахъ борьбы, какія практиковалъ и противоположный лагерь. Либералы, носители высшей правды, дробились на мелкія секты, дравшіяся другъ съ другомъ на ножахъ и топтавшія въ грязь знамена одна другой, при чемъ не было формулы свободы, которая не была бы осмѣяна, поругана и проклята друзьями же свободы. Дѣло доходило до отрицанія нравственнаго закона, до отрицанія самой свободы! Во имя прогресса проповѣдывались дѣянія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ въ средней Азіи свидѣтельствуютъ пирамиды изъ человѣческихъ череповъ, оставшіяся послѣ Тамерлана. Естественно, что отъ этого содома, будто бы либеральнаго, тошнило не только честныхъ консерваторовъ (нечестные рукоплескали ему), но и честныхъ либераловъ, въ родѣ Тургенева. А гр. Алексѣй Толстой — съ рыцарской стремительностью натуры — особенно не скрывалъ своего презрѣнія къ «такому» прогрессу. Кіевскій богатырь съ удивленіемъ слушаетъ (во снѣ), что

... моль, нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существуетъ Господь,
То Онъ есть только видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальѣ народа.

Тѣ же самые люди, что отрицали душу и Бога, требовали отъ Потока поклоненія мужику и даже рабства передъ нимъ:

Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ: «Я, вѣдь, тоже народъ,
Такъ за что жъ для меня исключенье?»
Но къ нему патріотъ: «Ты народъ, да не тотъ,

Править Русью призванъ только черный народъ;
 То по старой системѣ всякъ равенъ,
 А по нашей лишь онъ полноправенъ!»

Подивился еще разъ богатырь кievскій и подумалъ:

— Вѣдь, вчера еще, лежа на брюхѣ, они
 • Обожали московскаго хана;
 А сегодня велятъ мужика обожать.
 Мнѣ сдается, такая потребность лежать
 То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
 На вчерашнемъ основана духъ.

Этотъ «вчерашній», московскій, монгольскій духъ, духъ крайняго рабства предъ какою-угодно теоріей, отравлялъ дыханіе нашему поэту одинаково — шелъ ли онъ изъ кухни ретроградовъ или радикаловъ. Богатырь признается, что онъ не знаетъ, «что значитъ какой-то прогрессъ»,

Но до здраваго русскаго вѣча
 Вамъ еще, государи, далече!

Я напомнилъ здѣсь эти двѣ извѣстныя былины Алексѣя Толстого потому, что онѣ особенно характеризуютъ его завѣтные идеалы. Обнародованныя письма бросаютъ на нихъ особый свѣтъ. Въ рядѣ другихъ балладъ и историческихъ драмъ звучитъ та же мысль: о прекрасномъ началѣ нашей исторіи и напрасной гибели древней народной культуры. Ненавидя татарскую и московскую эпоху, Алексѣй Толстой отрицательно относится и къ петровской реформѣ (см. «Государь ты нашъ, батюшка» и пр.). Послѣдній царь московскій «палкою» заваривалъ свою кашу, и вышла она «крутенька». Въ сущности, петербургскій періодъ (до императора Александра II) явился не отрицаніемъ Москвы, а ея — хоть и не прямымъ — продолженіемъ, какъ Москва — своего рода продолженіемъ Золотой Орды. Вспомните въ петербургскомъ періодѣ времена Бирона и Аракчеева. Послѣдняго Алексѣй Толстой могъ еще хорошо помнить. Даже сравнительно гуманное время его царственнаго друга дѣтства, какъ видно изъ перваго приведеннаго письма, не вызывало въ поэтѣ полнаго сочувствія — иначе, нѣтъ сомнѣнія, онъ, какъ кievскій богатырь, отдалъ бы все свои огромныя силы на службу новому Владимиру. Нѣтъ, онъ чувствовалъ, что «поворотъ къ обдорамъ» все еще не совсѣмъ кончился и (въ «Потокъ-Богатырь») предсказываетъ еще лѣтъ двѣсти его господства.

Онъ это чувствовалъ и страдалъ до охоты «броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія».

IX.

Глубокій интересъ къ русской исторіи — отличительная черта поэзіи гр. Алексея Толстого. Ни одинъ изъ второстепенныхъ нашихъ поэтовъ не тяготѣлъ такъ страстно въ туманную даль нашей старины, не волновался роковою загадкой о судьбѣ родины. Второстепенные поэты наши (Фетъ, Некрасовъ) отличались или безпечностью своего настроенія или ужь крайнею односторонностью его. О третьестепенныхъ и говорить нечего, — это грубѣйшіе эгоисты, вниманіе которыхъ не выходитъ изъ границъ собственной персоны. Только у Пушкина и Лермонтова замѣтно настоящее чувство народности, искренній интересъ къ старинѣ и исторіи. По «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ», по «Борису Годунову» можно сѣдить, что дали бы эти могучіе таланты, проживи они дольше. Пушкинъ все-таки успѣлъ оставить и образцовый историческій романъ, и образцовую (въ отдѣльныхъ сценахъ) историческую драму, и рядъ чудесныхъ, хотя и не изъ русской жизни набросковъ историческихъ балладъ, и рядъ превосходныхъ народныхъ сказокъ. Менѣе удачны его историческія поэмы, написанныя въ чуждомъ для Пушкина родѣ. Гр. Алексѣй Толстой примыкаетъ въ этомъ отношеніи къ великимъ нашимъ поэтамъ: не равняясь, конечно, съ ними талантомъ, онъ почти не уступаетъ имъ въ чувствѣ народности и, можетъ-быть, даже превосходитъ ихъ въ высотѣ настроенія. Пушкинъ любилъ исторію какъ художникъ, насыщая свое воображеніе богатствомъ и разнообразіемъ формъ жизни, скопленныхъ въ вѣкахъ; онъ любовался ими и срисовывалъ ихъ съ тѣмъ же удовольствіемъ, какъ и чужую, иностранную старину. Великимъ поэтомъ двигало любопытство, и читатель выноситъ изъ его твореній удовлетворенное историческое любопытство. Не то Алексѣй Толстой: онъ къ старинѣ относился какъ къ живой современности, съ пылкою заинтересованностью, съ осужденіемъ или восторгомъ. Это не тенденція, отъ которой онъ отрещивался, — это нравственная впечатлительность. Ему не все равно, тиранъ былъ Грозный, или нѣтъ, благородны были нравы бояръ, или низки. Алексѣй Толстой самъ признается (въ предисловіи

къ «Князю Серебряному»), что при чтеніи источниковъ о царствованіи Ивана Грознаго «книга не разъ выпадала у него изъ рукъ, и онъ бросалъ перо въ негодованіи, — не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на него безъ негодованія». «Это тяжелое чувство, — говоритъ Алексѣй Толстой, — постоянно мѣшало необходимой объективности его труда и было причиной того, что романъ писался болѣе десяти лѣтъ». Видите, какъ горячо къ сердцу онъ принималъ всё эти стародавніе ужасы. Свой страшный романъ онъ не можетъ, при всемъ стараніи, кончить «эпически»: онъ заканчиваетъ его молитвой, «чтобы Богъ помогъ намъ изгладить изъ сердецъ нашихъ послѣдніе слѣды того страшнаго времени, вліяніе котораго, какъ наслѣдственная болѣзнь, еще долго потомъ переходило въ жизнь нашу отъ поколѣнія къ поколѣнію!» Великодушный поэтъ приглашаетъ простить грѣшную тѣнь царя Іоанна, «ибо не онъ одинъ создалъ свой произволь, и пытки, и казни, и наушничество, вошедшее въ обязанность и въ обычай...» Сама «земля, упавшая такъ низко, что могла смотрѣть на нихъ безъ негодованія, создала и усовершенствовала Іоанна, подобно тому, какъ раболѣпные римляне временъ упадка создавали Тиверіевъ, Нероновъ и Калигулъ». Съ высокимъ пафосомъ поэтъ благословляетъ тѣхъ немногихъ, которые, подобно Василию Блаженному, князю Репнину, Морозову или Серебряному, имѣли мужество отстаивать правду предъ лицомъ Грознаго. «Ибо тяжело, — пишетъ онъ, — не упасть въ такое время, когда всё понятія извращаются, когда низость называется добродѣтелью, предательство входитъ въ законъ, а самая честь и человѣческое достоинство почитаются преступнымъ нарушеніемъ долга!»

Конецъ этотъ въ художественномъ отношеніи — совершенный кляксъ: подвести мораль къ роману съ тою же наивною, какъ подводили ее къ своимъ баснямъ прежніе баснописцы — значитъ, испортить впечатлѣніе всего разсказа. И ужъ, конечно, какъ художникъ, Алексѣй Толстой зналъ, что это не эпическій приѣмъ, но не выдержалъ, не могъ выдержать: не успѣлъ замолкнуть въ немъ художникъ, какъ закричалъ человѣкъ, взволнованный и негодующій. Поэтъ приглашаетъ читателей «простить грѣшную тѣнь Ивана Васильевича», но самъ, очевидно, не можетъ ей простить: это

свыше его человѣческихъ силъ! Въ посвященіи романа императрицѣ Маріи Александровнѣ, Алексѣй Толстой опять волнуется и со всею страстностью подчеркиваетъ для Высочайшаго вниманія то, что двигало его въ работѣ. Все посвященіе состоитъ изъ четырехъ строкъ: «Имя Вашего Величества,—пишетъ онъ,—которое Вы позволили мнѣ поставить во главѣ повѣсти временъ Іоанна Грознаго, есть лучшее ручательство, что непроходимая бездна отдѣляетъ темныя явленія нашего минувшаго отъ духа свѣтлаго настоящей поры». Замѣтте, какая гипербола — «непроходимая бездна». Вы чувствуете, что бѣдный поэтъ не совѣмъ вѣрится въ «непроходимую бездну», хотя и жаждетъ ея всеми силами изстрадавшейся души. Вы ясно видите, какъ, покатавшись по землѣ съ отчаянія, онъ вскакиваетъ на крыши и готовъ кричать противъ всякой татарщины всенародно, на весь міръ! Но татарщина, однако, вѣдь, исчезла: все эти ужасы и низости были три вѣка тому назадъ. Чего же волноваться? Пушкинъ не волнуется. Онъ только художникъ, какъ Гёте, — Алексѣй же Толстой не только художникъ, а и проповѣдникъ. Онъ нравственно «оскорбленъ» исторіей и мучится этимъ оскорбленіемъ. Онъ болѣе сродни Лермонтову, въ «Степанъ Калашниковъ» котораго чувствуется это, хотя крайне затаенное, но жгучее чувство нравственнаго оскорбленія (въ отвѣтъ купца опричнику и въ драмѣ всего событія). Пушкинъ не былъ оскорбленъ; напротивъ: московская старина ему въ общемъ нравилась; онъ очень гордился, что его предки участвовали въ эпохѣ Іоанновъ; Ивана Грознаго онъ называетъ съ чувствомъ нѣкотораго любованія имъ — «гнѣвъ вѣнчаный». Пушкинъ очень высоко ставилъ исторію Карамзина, т.-е. панегирикъ московской Руси. Отношеніе къ нашей исторіи у Пушкина было политическое, у Алексѣя Толстого — нравственное.

Для Пушкина (какъ и Карамзина) высшимъ критеріемъ въ исторіи была внѣшняя «сила» государства, грубая, побѣждающая сила: отсюда преклоненіе его предъ Петромъ Великимъ и даже Наполеономъ, благоговѣніе у гробницы Кутузова и т. д. Гр. Алексѣй Толстой ближе къ нашему времени: у него историческій критерій — сила не внѣшняя, а внутренняя — «правда», человѣческое достоинство, гражданскій духъ. Этотъ нравственный критерій — явленіе совершенно новое и весьма еще непрочное въ нашемъ обще-

ствѣ. Алексѣй Толстой, современникъ поэтовъ-славянофиловъ, первый изъ нихъ выдвинулъ нравственный взглядъ на исторію — чѣмъ всего рѣзче онъ отъ нихъ и отличается. Тѣ были заражены подчасъ крайне эгоистическимъ патриотизмомъ и ради невѣрныхъ соображеній о внѣшней силѣ и величій государства охотно жертвовали народною свободой, человѣческимъ достоинствомъ, благородствомъ жизни, лишь бы только «наша взяла». Они — хорошіе московскіе бояре, онъ — рыцарь въ душѣ и преисполненъ чести. Онъ не выноситъ насилія съ одной стороны и холопства съ другой; нечестная побѣда ему противна. Нѣтъ сомнѣнія, что живи онъ при дворѣ Ивана Грознаго, онъ кончилъ бы какъ князь Михайла Репнинъ: ни за что въ свѣтѣ онъ не унизился бы, не надѣлъ бы маски, чтобы быть шуткомъ у свирѣпаго царя. А можетъ-быть, какъ Курбскій, онъ повелъ бы даже литовскіе полки противъ своего же отечества. По рыцарскимъ понятіямъ, оскорбленіе достоинства снимало долгъ вѣрности сюзерену. До эпохи Грознаго, пока еще тлѣла искра рыцарства среди дружинниковъ и бояръ, практиковалось право «отъѣзда», но уже въ XV вѣкѣ, съ освобожденіемъ отъ татаръ, нравы дотога испортились, что русское рыцарство почти сплошь превратилось въ челядь московскихъ «хановъ», какъ звалъ ихъ Алексѣй Толстой.

Х.

Нравственное отношеніе къ исторіи и судьбѣ народной заставило нашего поэта отречься и отъ прошлаго и отъ современнаго ему настоящаго, которое во многомъ еще было омрачено вліяніями прошлаго. Онъ остался внѣ прямого участія въ жизни, въ роли простого поэта, подающаго голосъ изъ черниговскаго захолустья. Большой соблазнъ для него было примкнуть къ тогдашнимъ отрицателямъ-революціонерамъ, — нѣкоторые вожди послѣднихъ тоже вышли изъ аристократіи, — но гр. Алексѣй Толстой былъ слишкомъ оригиналенъ и свободолюбивъ, чтобы отдаться чужой и притомъ насильственной теоріи. Радикализмъ казался ему новымъ рабствомъ; въ стремленіи «похерить все, что нельзя ни взвѣсить ни смѣрить», онъ чувствовалъ московскую, ненавистную ему жестокость. Подобно Льву Толстому, Алексѣй Толстой самостоятельно искалъ своего идеала свободы. Онъ нашелъ

его, для многихъ неожиданно — не впереди исторіи, а позади ея, въ удѣльно-вѣчевомъ складѣ жизни. Новгородская и Кіевская Русь, монархія, основанная на вѣчѣ, казалась ему верховъ мудрости, достоинства и справедливости, естественною системою, обеспечивавшею и порядокъ и счастье. Въ каждомъ большомъ городѣ свой колоколь и свой князь, и затѣмъ объединяющая связь независимыхъ и свободныхъ клѣточекъ одного и того же огромнаго племени, въ случаѣ нужды помогавшихъ другъ-другу, какъ Псковъ своему «старшему брату» Новгороду. Алексѣй Толстой не признавалъ, какъ многіе, что этотъ типъ государственной жизни — зародышевый и что онъ непригоденъ для высшей культуры. Онъ считалъ его, повидимому, такимъ же законченнымъ и жизнеспособнымъ, какъ и всякій иной типъ, только менѣе грубымъ и потому болѣе хрупкимъ. Ему казалось, что только въ мелкихъ областныхъ единицахъ народъ можетъ быть дѣйствительно свободенъ и только въ нихъ можетъ проявить все свое культурное творчество. Доказательство этого ему могла дать древняя раздробленная Эллада, давшая столь высокую культуру, раздробленная Италія эпохи Возрожденія, разъединенная Германія временъ Шиллера и Гёте или существующія доселѣ федеративныя государства. Не найди на насъ туча монгольская, — по мнѣнію Толстого, Москва не возобладали бы, не было бы внутренней тираніи XV—XVII вѣковъ, восторжествовали бы начала кіевскія и новгородскія. Правъ ли въ этомъ идиллическомъ взглядѣ Алексѣй Толстой — мы разсматривать не будемъ; романтизмъ его не шель, конечно, далѣе одной теоріи, и онъ едва ли мечталъ о дѣйствительномъ возстановленіи когда-нибудь древнихъ порядковъ. Но о чемъ онъ страстно мечталъ и проповѣдывалъ — это о возстановленіи благородства отношеній между государствомъ и личностью. Для этого было еще недостаточно освобожденія крестьянъ изъ рабства, необходимъ былъ рядъ дальнѣйшихъ возстановленій вчерашняго раба на степень гражданина.

XI.

Алексѣй Толстой, мнѣ кажется, изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ можетъ быть названъ художникомъ русскаго возрожденія. Русское Возрожденіе! Была ли у насъ такая эпоха? Несомнѣнно, и даже болѣе того: она еще продолжается.

На призывъ Петра Россія, говоритъ одинъ мыслитель нашъ, «отвѣтила огромнымъ явленіемъ Пушкина». Въ самомъ дѣлѣ: послѣ скудныхъ зародышей культуры въ эпоху Екатерины, стремительный, почти внезапный расцвѣтъ русскаго генія въ эпоху Николая I — что это, какъ не возрожденіе послѣ безпросвѣтныхъ нашихъ «среднихъ вѣковъ»?—Но, скажутъ, на русской почвѣ не было античной цивилизаціи, какъ въ Италіи XV вѣка, такъ что и возрождаться было нечему. На это я замѣчу, что, вѣдь, и въ Англіи и въ Германіи не было античной культуры, а эпоха Возрожденія была. Мы съ нашею неудачной исторіей и столь же неудачною географіей стояли всегда въ сторонѣ отъ міровыхъ движеній и подошли къ эпохѣ Возрожденія «съ опозданіемъ» на два вѣка... Но все-таки подошли къ ней, этого отрицать нельзя. Кромѣ античной цивилизаціи, для нашего Возрожденія явилась и новѣйшая европейская, заслонившая первую: эта европейская цивилизація, какъ современная намъ, отнимаетъ у нашего расцвѣта видъ возрожденія, но, въ сущности, мы переживаемъ именно тотъ культурный процессъ, какой пережили западные народы въ XV—XVI столѣтіи, хотя — увы, — съ меньшею пылкостью, чѣмъ они, съ меньшею яркостью генія.

Нынѣшнее время есть эпоха «русскаго Возрожденія» не только по внутреннему процессу раскрытія народнаго духа. Она во многомъ есть дѣйствительное «возрожденіе», возстановленіе древней, античной нашей культуры. Честь указать на эту культуру принадлежитъ болѣе всѣхъ гр. Алексею Толстому. Романтикъ древне-русской, удѣльно-вѣчевой Руси, онъ одушевленнѣе всѣхъ провозгласилъ, что у насъ была своя античная культура — не въ наукахъ, не въ философіи, не въ искусствахъ, но въ формахъ общественной жизни, въ сравнительно высокомъ достоинствѣ народномъ, въ благообразіи нравовъ, въ свободѣ и гуманности. Все это, какъ хотите, плоды культуры и не менѣе цѣнные, чѣмъ физика Аристотеля и торсы Праксителя. Алексей Толстой провозгласилъ, что эта наша собственная античная культура подобно греко-римской, смытой переселеніемъ варваровъ, была затоплена татарскимъ нашествіемъ и смѣнилась мрачнымъ, жестокимъ средневѣковымъ московскаго царства. Тогда древніе идеалы наши были забыты, утонченныя приобрѣтенія духовной культуры были утрачены, вмѣсто свободы граждан-

ской водворилась самая грубая тиранія, какая извѣстна на европейскомъ материкѣ, и жизнь народная погрузилась въ дремучее варварство. Алексѣй Толстой, наконецъ, если не раньше всѣхъ, то вдохновеннѣе всѣхъ провозгласилъ, что это темное время заслуживаетъ ужаса и омерзѣнія, что необходимо отречься отъ всѣхъ его доселѣ дѣйствующихъ мрачныхъ вліяній, что пора восстанавливать утраченные драгоценные дары нашей древней культуры. Все это, какъ мнѣ кажется, очень ясно и громко высказано и въ лирикѣ, и эпосѣ, и драмѣ Толстого. Что такое самъ онъ, какъ не возрожденный въ условіяхъ современности древній богатырь временъ Владимира? Что бы оставалось Потокъ-Богатырю дѣлать среди насъ, явился онъ теперь, какъ не напоминать о дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой?

Къ сожалѣнію, литературный талантъ Алексѣя Толстого не достигалъ геніальности: это былъ проповѣдникъ прекрасныхъ истинъ, но безъ дара чудесъ: мертвыхъ онъ не воскрешалъ, слѣпымъ не давалъ зрѣнія. Но все же это былъ талантъ мощный и сродни пророкамъ, все же онъ останется звучать въ русской жизни, пока жива будетъ русская литература. И не его вина, если его призывъ къ возрожденію не былъ принятъ въ обществѣ съ тѣмъ же одушевленіемъ, съ какимъ былъ сдѣланъ: вѣдь, это не первый голосъ вопіющаго въ пустынѣ! Но если въ этой пустынѣ появятся, наконецъ, люди, имѣющіе уши,—они услышатъ этотъ въ своемъ родѣ трубный, «мажорный» (по собственному опредѣленію А. Толстого) призывъ, и онъ скажетъ душѣ ихъ то, что, можетъ-быть, не дастъ иной и геній. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не великая это задача жизни — восстановленіе истинныхъ основъ ея? Развѣ не нуждаемся мы — стомилліонная народная масса — въ возвращеніи намъ самосознанія, достойнаго великаго народа? Этого самосознанія у насъ теперь нѣтъ въ сколько-нибудь опредѣленной степени. Еще горсточка интеллигенціи вкривъ и вкось разсуждаетъ «объ общественныхъ вопросахъ» (называя этимъ словомъ даже такія вещи, какъ дешевый кредитъ, желѣзнодорожные тарифы и пр.); вся же толща націи, переберите ее по одному человѣку, не думаетъ ни о судьбѣ родины, ни о высшемъ законѣ, который долженъ быть у каждаго народа, какъ и у отдѣльной личности, ни объ историческомъ призваніи своемъ, ни объ осуществленіи правды въ жизни — единственной цѣли, оправды-

вающей народное существованіе. Народъ, слишкомъ при-
ниженный, обо всёхъ этихъ вещахъ не думаетъ уже многие
вѣка, и потому правды и нѣтъ въ жизни, а она — утвержда-
етъ А. Толстой — была, когда народъ думаль о ней, была
въ несравненно большей степени, чѣмъ въ послѣдующіе
вѣка.

ХП.

Всякое возрожденіе начинается съ самосознанія. «Кто
мы? Гдѣ мы? Откуда мы? Для чего мы?» — рядомъ такихъ
торжественныхъ вопросовъ начиналь, какъ говорятъ, Пого-
динъ свой курсъ русской исторіи, — и слушатели тотчасъ
же приподнимались на высоту серьезнаго и важнаго настро-
енія. Раздробленная на безконечныя мелочи будней душа со-
бирается и устремляетъ вниманіе на до того не замѣчаемое
великое общее, не замѣчаемое именно по великости своей.
Бродя постоянно среди отдѣльныхъ людей, мы очень рѣдко
воспринимаемъ идею общества, чего-то огромнаго, всёхъ
насъ охватывающаго, живущаго и пользующагося нами, какъ
матеріаломъ для своей жизни. Мы обыкновенно смутно до-
гадываемся объ истинномъ существѣ государства и человѣ-
чества, ежемгновенно направляющаго нашу маленькую особь
къ какому-то цѣлямъ, спасительнымъ или гибельнымъ для
насъ. Указать на это необъятное цѣлое и связать съ нимъ
мысль слушателя — крайне важное дѣло, и въ инныя вре-
мена даже самое важное изъ всёхъ. «Кто мы? Для чего мы?» —
эти вопросы мучили до отчаянія Алексея Толстого — и не
напрасно. Великій ли мы народъ или простая орда, при-
надлежимъ ли мы къ благородной европейской расѣ, ода-
рены ли мы вмѣстѣ съ нею задатками истинной, гуманной
цивилизаціи, или мы племя рабовъ, обреченное «на подстилку»
для великихъ племень? Нашъ рыцарственный поэтъ, но-
сившій въ сердцѣ какъ бы всю совѣсть своего народа, сты-
дившійся за него предъ человечествомъ, не напрасно отчаи-
вался надъ этими вопросами. «Мы не монголы!» — кричалъ
онъ неистово изъ своей черниговской деревни, но этотъ крикъ
не могъ же заглушить, напримѣръ, свиста розогъ, ложи-
вшихся на тѣло окружавшихъ его «арійцевъ»... Какой позоръ!
Отъ него, по взгляду А. Толстого, должны бы переворачи-
ваться всё славянскія кости въ гробу. Да, и — сказать
кстати — прошло уже двадцать лѣтъ со смерти поэта, а этотъ

взятый у татаръ обычай не только еще не вышелъ у насъ изъ употребленія, но даже находить ревностныхъ защитниковъ, и даже среди писателей, даже среди аристократовъ (по плоти, конечно, а не по духу)! Вы видите, какъ еще нужна до сихъ поръ проповѣдь о человѣческомъ достоинствѣ и какъ недалеко еще мы ушли въ своемъ возрожденіи! Если считать со времянь гр. Алексеѣя Толстого, то мы, пожалуй, отступили даже назадъ.

Отступили — но я увѣренъ, что скоро намъ неизбежно придется наверстывать упущенное. Жизнь не стоитъ на мѣстѣ — особенно жизнь Запада. Она движется съ небывалою быстротой и побѣждаетъ не только нашу инерцію, но даже косность языческихъ, азиатскихъ странъ. Россія — и Европа, наводняющая собою міръ, вышедшая изъ береговъ; Россія — и Азія, застоявшееся, гнѣющее болото. Куда примкнутъ? Мы — 100-милліонное славяно-русское племя — стоимъ между 400-милліоннымъ высоко-культурнымъ христіанствомъ Запада (считая и Америку) и 400-милліоннымъ высоко-культурнымъ же, но остановившимся язычествомъ. Чья судьба намъ больше по душѣ? Гдѣ больше достоинства и красоты жизни?

Наше возрожденіе, мнѣ кажется, фактъ неотвратимый. Противъ воли своей, какъ и другія страны Востока, мы уже увлечены всемірнымъ потокомъ цивилизаціи и двинуты въ общее теченіе ея. Посмотрите, какъ Европа охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, подбираясь неожиданно къ нашей косности изъ тѣхъ странъ, гдѣ мы считали себя навѣки обезпеченными: изъ-за Камчатки (черезъ вооруженную европейскою наукою Японію), изъ-за песчаныхъ пустынь Средней Азіи (черезъ Афганистанъ). Форпосты цивилизаціи надвигаются на насъ со всѣхъ сторонъ, и изъ простого чувства самосохраненія мы должны усвоить то же оружіе. Я говорю, конечно, не о военномъ оружіи: кромѣ кровавой борьбы, существуетъ менѣе изнурительная мирная борьба экономическая, — наконецъ, борьба нравственная. Въ самомъ дѣлѣ, обидно быть вѣчными данниками Запада въ матеріальномъ отношеніи, расплачиваться народною энергіей за недостатокъ просвѣщенія. Обидно быть работниками Европы, — но еще обиднѣе чувствовать себя и «нравственно» слабѣе ея, уступать ей въ справедливости и достоинствѣ жизни. Это сознаніе парализуетъ духовное творчество нашего общества, лишаетъ его

радости существованія. Пока мы искренно не повернемся «лицомъ къ варягамъ», пока не признаемъ себя, какъ мечталъ Алексѣй Толстой, кровными европейцами, пока не почувствуемъ, что начала гуманности — наши родныя начала, до тѣхъ поръ и матеріально и духовно мы будемъ въ подчиненіи у Запада, въ роли варваровъ, которыхъ боятся, но презираютъ. Хорошо не знать этого презрѣнія, но знать его и чувствовать, какъ Алексѣй Толстой, что оно заслужено... это тяжелое страданіе.

М. О. Меньшиковъ:

«Князь Серебряный».

*Повѣсть времяъ Иоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстого.
2 тома. С.-Петербургъ. 1863 г. 1).*

*) Византійское это сочиненіе составляетъ какъ по внѣшней своей формѣ, такъ и по внутреннему содержанію явленіе столь отличное въ кругу современныхъ литературныхъ произведеній, что редакція не нашла въ числѣ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ ни одного, который взялся бы написать на него рецензію. Между тѣмъ, сочиненіе произвело въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе, такъ что игнорированіе его могло бы быть сочтено за злонамѣренность. Поэтому редакція вынуждена была обратиться за помощью къ одному отставному учителю, нѣкогда преподававшему російскую словесность въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Къ сожалѣнію, почтенный педагогъ, столь обязательно принявшій наше предложеніе, не могъ выполнить его до конца: ужасный параличъ преждевременно прекратилъ дни его въ самомъ началѣ труда. Тѣмъ не менѣе, мы печатаемъ его рецензію такъ, какъ она намъ доставлена, и думаемъ, что и въ этомъ видѣ она могла бы служить украшеніемъ любой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», точно такъ же какъ самъ Князь Серебряный былъ бы весьма пріятнымъ явленіемъ въ «Аонидахъ» 2).

1) «Современникъ», 1863 г., № 4.

2) «Аониды»—заглавіе перваго русскаго альманаха, изданнаго подъ редакціей Карамзина (1796—1799 гг.).

Н. Д.

*) Эта статья, помѣщенная безъ подписи, принадлежитъ перу нашего знаменитаго сатирика. Причины ироническаго отношенія Щедрина къ роману гр. Толстого выяснены у Пышина въ его статьѣ «Журнальная дѣятельность Салтыкова» («Вѣстникъ Европы», 1889 г.).

«Русскій историческій романъ, — говоритъ Пышинъ, — есть, безъ сомнѣнія, одна изъ труднѣйшихъ, хотя очень популярная между читателями лите-

Я помолодѣлъ, читаю и не вѣрю глазамъ. Любезный графъ! волшебную вашу кисть вы окунули въ живую воду фантази и заставили меня, старика, присутствовать при «дѣлахъ давно минувшихъ дней»; исполать вамъ! Но еще больше вамъ исполать за то, что вы воскресили для меня мою юность, напомнили мнѣ появленіе «Юрія Милославскаго», «Рославлева», напомнили первыя попытки робкаго еще тогда Лажечникова. Это было счастливое время, любезный графъ; это было время, когда писатели умѣли

Истину царямъ съ улыбкой говорить...

Когда всякій, не скрывая своего сердца, заявлялъ о чувствахъ преданности (да и зачѣмъ это скрывать?)... Но, конечно, никто еще не высказывалъ такой истины, какую вы высказали Юанну Грозному! Да, вы воскресили для меня доброе старое время, которое я считалъ давно погибшимъ! Но до-вольно о себѣ.

ратурная форма. Произведенія этого рода очень у насъ многочисленны, но нельзя сказать, чтобы огромное большинство ихъ было удачно. Самая форма была заимствованная. Успѣхъ Вальтеръ-Скотта распространилъ историческій романъ во всей европейской литературѣ, между прочимъ, и у насъ; но когда Вальтеръ-Скоттъ имѣлъ обильный матеріалъ въ старыхъ хроникахъ, живыхъ преданіяхъ, вещественныхъ остаткахъ старины, напримѣръ, въ видѣ древнихъ замковъ съ ихъ сохранившеюся средневѣковою обстановкой, когда, кромѣ того, въ самомъ бытѣ и нравахъ онъ встрѣчалъ извѣстную крѣпость стараго обычая, расположеніе къ старинѣ, доходящее даже до мелочей и крайностей,—совершенно въ иномъ положеніи оказывался русскій историческій романистъ. У насъ нѣтъ такой хроники, которая раскрыла бы подробности стараго общественнаго быта и мелкія черты домашней жизни, характеровъ и т. п.; личные свойства даже крупнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, положимъ, XVI-го и XVII-го вѣковъ, очень часто составляютъ если не совершенную загадку, то спорный вопросъ, или являются передъ нами только въ общихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ; памятники веще-ственного быта почти исчезли (кромѣ старыхъ церквей)—архитектура наша была деревянная и частью сгнила, частью сгорѣла; преданія стариннаго быта были заслонены и истреблены въ высшемъ классѣ петровскою реформой и остались только въ томъ видоизмѣненіи, какое представляютъ они въ народной массѣ, и т. д. Такимъ образомъ, матеріалъ невеликъ; что же касается до освѣщенія, оно давалось не живымъ преданіемъ старины, а тѣми изслѣдованіями, которыя были уже дѣломъ кабинетныхъ ученыхъ и археологовъ. Въ эпоху первыхъ непосредственныхъ вліяній Вальтеръ-Скотта такимъ ученымъ авторитетомъ былъ Карамзинъ, у котораго къ большому, по его времени, фактическому знанію присоединилась новѣйшая политическая теорія и сентиментальная окраска всей его литера-турной дѣятельности, заимствованная у французскихъ и нѣмецкихъ пи-

Внѣшнее построение романа графа А. К. Толстого вполне соответствует правиламъ, на предметъ составленія таковыхъ упражненій преподаннымъ. Въ немъ имѣется завязка (и даже, какъ увидимъ ниже, не одна, а нѣсколько завязокъ, что дѣлаетъ интересъ романа почти нестерпимымъ), изъ которой дѣйствіе развивается, постепенно возвышаясь, покуда, наконецъ, не достигаетъ своего зенита; по достиженіи сего, дѣйствіе развивается уже понижаясь и незамѣтно утопаетъ въ развязкѣ. Многие нынѣшніе писатели правилами сими пренебрегаютъ, думая, что завязка и развязка не составляютъ еще существеннаго условія литературнаго упражненія, но доказать неосновательность подобнаго воззрѣнія очень нетрудно: стоитъ только вспомнить о томъ, что всякая вещь имѣетъ свое начало и свой конецъ. Нынѣшніе писатели думаютъ, что обязанность ихъ заключается лишь въ томъ, чтобы поставить героевъ своихъ въ критическое положеніе, и что, по исполненіи сего, можно ихъ бросить. «Сказавъ это, они вздохнули и разошлись»—вотъ фраза, которою модные

сателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Живое преданіе старины замѣнялось нѣсколькими старинными документами, извлеченными изъ архивовъ, но слишкомъ скудными, чтобы по нимъ можно было сдѣлать достаточно ясную и рельефную реставрацію... На подобномъ матеріалѣ основанъ былъ первый романъ, съ котораго начинается у насъ эта отрасль литературы. Известно, что «Юрій Милославскій», который перешелъ теперь въ непритязательную область юношескаго чтенія, при первомъ появленіи произвелъ сильное впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ и увлекалъ даже самого Пушкина. За нимъ потянулся длинный рядъ подражаній... Возможность болѣе совершенной формы начинается только для такихъ эпохъ, до которыхъ достигаютъ преданія: таковы, напримѣръ, историко-романическіе рассказы Пушкина о XVIII вѣкѣ, который былъ еще недалекъ и о которомъ Пушкинъ собиралъ и имѣлъ много живыхъ преданій, или таковъ романъ гр. Л. Н. Толстого: «Война и миръ». Гр. А. К. Толстой попробовалъ обратиться къ XVI-му вѣку и оказался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Загоскинъ: недостатокъ живого ощущенія исторіи и непосредственныхъ преданій и памятниковъ старины пришлось дополнять извлеченіями изъ сухихъ документовъ (таковъ, напримѣръ, счетъ блюдъ за царскимъ столомъ) или чистою фантазіей, настроенною опять на прежній сентиментальный тонъ карамзинской исторіографіи. Это и хотѣлъ указать Салтыковъ, предоставляя писать разборъ «Князя Серебрянаго» старому учителю риторики, восхищавшемуся въ юности «Юріемъ Милославскимъ». Какъ трудна у насъ реставрація старины, можно судить и по другимъ произведеніямъ А. К. Толстого: къ числу наиболѣе слабыхъ его пьесъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, его реставрація древнихъ былинъ.

современные повѣствователи позволяютъ себѣ заканчивать недозрѣлыя свои произведенія. Но читатель любопытенъ: онъ хочетъ знать, куда разошлись герои, куда пошелъ «онъ», куда направила путь «она»; что они дѣлали, что въ тотъ день обѣдали, сколько времени жили и какъ умерли. Все это графомъ Толстымъ исполнено. Исполнено имъ и другое требованіе теоріи, касающееся характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ семъ отношеніи теорія неумолима; она требуетъ, чтобы дѣйствующія лица имѣли характеры разнообразныя, и даже указываетъ, какіе должны быть эти характеры. Впередѣ всѣхъ, разумѣется, идетъ герой; герой долженъ быть изъ хорошаго семейства, благороденъ, но твердъ, чувствителенъ, но не лишентъ разсудка; правдивъ, но не безъ надежды, что авторъ, въ сомнительномъ случаѣ, найдетъ возможность вытащить его изъ бѣды; великодушенъ до безразсудства, но знающъ, что великодушныя поступки никогда не пропадаютъ даромъ; сверхъ сего, не худо, если герой—человѣкъ съ деньгами. Героинею можетъ быть всякая хорошая женщина, которой наружность представляетъ въ себѣ что-либо для мужчины привлекательное; нужно только, чтобы она была: или мужнею женою (это необходимо для завязки), или же хотя и дѣвицею, но неодинаковаго съ героемъ званія или состоянія (это также необходимо для той же надобности). Засимъ лица, окружающія героя и героиню, должны раздѣляться на друзей и враговъ. Друзья могутъ быть слѣдующихъ сортовъ: а) добродушный, веселый и вѣрный (обыкновенно слуга); б) другъ глухой, но тоже веселый (также изъ низшаго званія); в) другъ заблудшійся, но вѣрный и умный (тоже изъ низшаго званія, обыкновенно разбойникъ), и, наконецъ, г) другъ изъ высшаго званія. Враги могутъ быть трехъ сортовъ: а) врагъ честный, но неумышленно обиженный (обыкновенно мужъ героини или крестовый ея братъ); б) врагъ жестокой, враждующій самъ не зная почему, и в) врагъ коварный. Затѣмъ слѣдуютъ князіе міра воздушнаго, ихъ угодники, юродивые и колдуны, въ отношеніи которыхъ оставляется авторамъ полная свобода дѣйствія, съ тѣмъ, однакожъ, ограниченіемъ, чтобы и сіи лица непременно являли силу характера. Это второе требованіе теоріи также графомъ А. К. Толстымъ соблюдено, равно какъ и третье относительно слога. Слогъ этотъ можно назвать жемчужнымъ (*style perlé*). Одно лишь условіе (четвертое) не

соблюдено любезнымъ сочинителемъ: обычай требоваль, чтобы романъ былъ раздѣленъ на четыре части, а не на двѣ, какъ это сдѣлано въ настоящемъ случаѣ; но и этому читатель легко можетъ помочь, умственно раздѣливъ каждую часть на двѣ половины.

Что же касается до внутренняго содержанія романа, до его основной идеи, то, кажется, я не ошибусь, если отыщу, оную въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ 9-й главы части 1-й.

«Молится царь и кладетъ земные поклоны. Смотрятъ на него звѣзды въ окно косячатое, смотрятъ свѣтлыя, притуманившись, — притуманившись, будто думая: ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ! Ты затѣялъ дѣло не въ добрый часъ, ты затѣялъ насъ не спрашаючи: не расти двумъ колосьямъ въ уровень, не сравнивать крутыхъ горъ съ пригорками, не бывать на землѣ безбоярщины!»

Надо сознаться, что въ государствѣ, въ коемъ еще недавно существовали такъ-называемыя «Редакціонныя Комиссіи», высказать подобную мысль есть дѣло довольно смѣлое... Умолкаю, дабы не навлечь автору неприятности.

Но довольно объ общихъ чертахъ романа; буду разбирать по главамъ, какъ дѣлывалось въ наше доброе, старое время и какъ невозможно дѣлать нынче, ибо нынѣшнія литературныя упражненія нельзя понимать иначе, какъ прочитавши всѣ главы въ совокупности. Разобравши сочиненіе по главамъ, приступлю къ разбору характеровъ дѣйствующихъ лицъ.

Первая глава начинается тѣмъ, что къ деревнѣ Медвѣ-девкѣ, верстъ за тридцать отъ Москвы, подѣзжаетъ двадцатипятилѣтній князь Никита Романовичъ Серебряный, возвращающійся изъ Литвы, куда онъ былъ посланъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ для подписанія мира. Удачное начало! Героя своего талантливый графъ описываетъ простодушнымъ, вспыльчивымъ, правдивымъ и имѣющимъ соответственную симъ качествамъ наружность. Наружность сія простосердечна и откровенна; роста онъ средняго, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ поясѣ. Вообще, описаніе сіе можно бы назвать мастерскимъ, если бы не вкралась въ оное нѣкоторая непослѣдовательность, а именно, на стр. 12-й есть указаніе на нѣкоторую косую складку, находившуюся между бровями и означающую, по мнѣнію автора (весьма остроумному), безпорядочность и непослѣдовательность въ мысляхъ,

и вслѣдъ за тѣмъ говорится, что ротъ героя выражалъ ничѣмъ непоколебимую твердость. Изъ этого выходитъ, что ротъ, въ соединеніи со складкою, выражалъ твердость непослѣдовательную и безпорядочную, или же твердую безпорядочность, что, всеконечно, не входило въ расчеты дѣяателя; но зато все прочее въ сей главѣ превосходно. Князь возвращается на родину, не зная, что царь Иванъ Васильевичъ, въ отсутствіе его, испортилъ свое поведеніе и завелъ опричину. Объ этомъ онъ узнаетъ отъ поселянъ деревни Медвѣдки, и вслѣдъ же за симъ неожиданнымъ образомъ знакомится и съ самими опричниками.

Извѣстно всякому, сколь пагубно было для Россіи сіе заведеніе... Но, между тѣмъ какъ князь добродушно присутствуетъ при забавахъ поселянъ, вбѣгаетъ окровавленный двѣнадцатилѣтній мальчикъ, и вслѣдъ за нимъ врываются опричники, подъ предводительствомъ Хомяка, стремяннаго Григорія Лукьяновича Скуратова-Бѣльскаго. Неистовства, которыя производятъ опричники, описаны весьма естественно и въ совершенствѣ напоминаютъ изображаемые обличительною литературой наѣзды земской полиціи. Само-собою разумѣется, что благодушный князь принимаетъ сторону угнетенныхъ и съ помощью своихъ людей не только посрамляетъ опричниковъ, но и освобождаетъ отъ нихъ еще двоихъ полоненныхъ ими неизвѣстныхъ людей. Сначала, слѣдуя лишь внушеніямъ своего благороднаго характера, князь намѣревается перевѣшать опричниковъ, но потомъ, однакожь, уступаетъ резонамъ неизвѣстныхъ людей и ограничиваетъ кару тѣмъ, что допускаетъ своего стремяннаго Михеича «влѣпить опричникамъ по полсотенкѣ нагайками». Сцена эта исполнена истинно-національнаго юмора; въ ней чрезвычайно тонко выраженъ простодушный взглядъ русскаго человѣка на нагайки, которыя, пройдя сквозь горнило народнаго представленія, утрачиваютъ истязательный свой характеръ и представляются уму безпристрастнаго наблюдателя лишь простымъ и незлобивымъ времяпрепровожденіемъ. Здѣсь кончается эта замѣчательная глава, которая съ тѣмъ вмѣстѣ составляетъ и завязку романа. Въ самомъ дѣлѣ, не влѣпи Михеичъ опричникамъ по полсотенкѣ, и романа бы не было! Слогъ въ этой главѣ представляетъ смѣсь высокаго (sublime) съ низкимъ (burlesque), смотря по тому, кто говоритъ и о чемъ идетъ рѣчь.

Во второй главѣ, князь ѣдетъ къ Москвѣ, сопровождаемый стремяннымъ Михеичемъ и двумя спасенными незнакомцами. Ёдутъ лѣсомъ, и одинъ изъ незнакомыхъ затягиваетъ пѣсню; эта пѣсня наводитъ автора на размышленія о русской пѣсни вообще, поражающія тою самой оригинальностью, которая извлекаетъ изъ учителя російской словесности полный баллъ въ пользу отличившагося ею ученика. Вдругъ раздается подозрительный свистъ, и путешественниковъ окружаютъ станичники (разбойники); очевидно, что князю предстоить опасность, но не бойся, читатель, его не убьютъ! И въ самомъ дѣлѣ, открывается, что спасенные незнакомцы суть тоже разбойники, и даже одинъ изъ нихъ, Ванюха Перстень, оказывается атаманомъ. Дѣло объясняется само собой, и путники благополучно пріѣзжаютъ на мельницу, въ которой обитаетъ колдунъ-мельникъ. Спасенные незнакомцы возвращаются во-свояси, а князь съ Михеичемъ остаются ночевать на мельницѣ и вскорѣ засыпаютъ. И въ этой главѣ слогъ представляетъ смѣсь высокаго съ низкимъ, но болѣе преобладаетъ низкій элементъ, ибо дѣйствуютъ преимущественно простолюдины.

Въ третьей главѣ мы знакомимся съ княземъ Аванасьемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, однимъ изъ опричниковъ Грознаго. Онъ пріѣхалъ къ мельнику, чтобы воспользоваться его наукой и приворожить къ себѣ ту, которую онъ любилъ.

До чего можетъ довести любовь человѣка самаго безнравственнаго и до какой высоты можетъ дойти слогъ уже самъ по себѣ высокій, это явствуетъ изъ слѣдующей рѣчи кн. Вяземскаго.

— Колдунъ,—продолжалъ князь, смягчая свой голосъ,—помоги мнѣ! Одолѣла меня любовь, змѣя лютая! Ужъ чего я ни дѣлалъ! Цѣлыя ночи передъ иконами молился! Не вымолилъ себѣ покою. Бросилъ молиться, сталъ скакать и рыскать по полямъ съ утра до ночи,—не одного добраго коня заморилъ, а покоя не вывѣдиль! Сталъ гулять по ночамъ, вышивать цѣлыя ковши вина крѣпкаго,—не запилъ тоски, не нашель себѣ покоя въ похмельѣ! Махнулъ на все рудой и пошелъ въ опричники. Сталъ гулять за царскимъ столомъ вмѣстѣ со страдниками,—съ Грязными, съ Басмановыми! Самъ хуже ихъ злодѣйствовалъ, разорять села и слободы, увозилъ женъ и дѣвокъ, а не залилъ кровью тоски моей! Боятся меня и земскіе и опричники, жалуется царь за молодечество, проклинаетъ народъ православный. Имя князя Аванасья Вяземскаго стало такъ же страшно, какъ имя Малоты Скуратова! Вотъ до чего довела меня любовь: погубилъ я душу мою! Да что мнѣ до нея! Во днѣ адовомъ не будетъ хуже здѣшняго! Ну, старикъ, что смотришь мнѣ въ глаза? Али думаешь,

я помѣшался? Не помѣшался Аванасій Ивановичъ; крѣпка голова, крѣпко тѣло его! Тѣмъ-то и ужасна моя мука, что не можетъ извести меня!

Князь требуетъ отъ мельника такой травы, чтобы «молодушка полюбила постылаго», или же такой, чтобы свою любовь перемочь, но мельникъ отзывается, что онъ такихъ травъ не знаетъ, а знаетъ: колюку-траву, тирличъ-траву, плакунъ-траву, адамову голову, голубецъ болотный, ревенку-траву, кочадыжникъ, Иванъ-да-Марью, разрывъ-траву. Однако, свойства сихъ травъ не таковы, чтобы потушить жаръ, пламенѣющій въ груди свирѣпаго князя, и потому онъ начинаетъ трясти мельника за воротъ. Эта сцена дышитъ такою правдой, что я не смѣю не привести ее цѣликомъ.

— Старикъ!—вскричалъ вдругъ Вяземскій, хватая его за воротъ:—подавай мнѣ ее! Слышишь? Подавай ее, подавай ее, лѣшій! Сейчасъ подавай!

И онъ трясъ мельника за воротъ обѣими руками.

Мельникъ подумалъ, что настала послѣднiй часъ его.

Вдругъ Вяземскій выпустилъ старика и повалился ему въ ноги.

— Сжался надо мной!—зарыдалъ онъ:—излѣчи меня! Я задарю тебя, озолочу тебя, пойду въ кабалу къ тебѣ! Сжался надо мной, старикъ!

Мельникъ еще болѣе испугался.

— Князь, бояринъ! Что съ тобой? Опомнись! Это я, Давыдычъ, мельникъ!.. Опомнись, князь!

— Не встану, пока не излѣчишь!

— Князь! князь!—сказалъ дрожащимъ голосомъ мельникъ:—пора за дѣло. Время уходитъ, вставай! Теперь темно: не видалъ я тебя, не знаю, гдѣ ты! Скорѣй, скорѣй за дѣло!

Князь всталъ.

— Начинай,—сказалъ онъ:—я готовъ.

Какъ хотите, а такой быстрый переходъ отъ трясенія за воротъ къ валянію въ ногахъ положительно доказываетъ, что авторъ добросовѣстно изучилъ науку словосочиненія, которою подобные внезапные переходы не только не возбраняются, но даже поощряются, вопреки притязаніямъ другой науки, называемой психологіею (извѣстно, что въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ науки, преподаваемыя различными учителями, постоянно состоятъ во взаимной другъ съ другомъ враждѣ).

Затѣмъ мельникъ начинаетъ колдовать и заставляетъ князя смотрѣть подъ колесо. Князь смотритъ и видитъ будущую судьбу свою, т.-е. свою собственную казнь, но это его интересуетъ мало; онъ хочетъ знать—такова ужъ сила любви!—любить ли «она» другого. Съ этою цѣлью онъ опять

смотреть подь колесо и, разумѣется, видить «ее» не одну, а съ русымъ молодецмъ въ кармазинномъ кафтанѣ.

«Анаема!—воскликаетъ онъ:—они цѣлуются! Анаема! Будь ты проклять, колдунъ, будь проклять, проклять!»

Разумѣется, бросаетъ мельнику горсть денегъ, вскакиваетъ въ сѣдло и уѣзжаетъ.

Это — вторая завязка романа. Читатель предчувствуетъ героиню и знаетъ, что есть нѣкоторый русый молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ. Сказать ли болѣе? Кажется, что читатель начинаетъ также подозрѣвать, что русый молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ есть не кто иной, какъ самъ князь Серебряный.

Глава сія написана языкомъ правильнымъ и вообще ведена старательно. Но возникаетъ вопросъ: вѣрить ли любезный графъ въ колдовство мельника, или не вѣрить? Если принять въ соображеніе состояніе отечественнаго просвѣщенія, то, конечно, надо будетъ дать отвѣтъ отрицательный; если же принять въ соображеніе, что, невзирая на просвѣщеніе, въ природѣ все-таки скрывается много таинственнаго, и что нельзя же предположить, чтобы князь Вяземскій могъ столь вѣрно усмотрѣть ожидающую его участь, если бѣ она не была ему показана въ водѣ искуснымъ мельникомъ, то отвѣтъ будетъ едва ли не положительный.

Главы 4, 5 и 6-ю слѣдуетъ разбирать въ совокупности. Онѣ застаютъ насъ сначала въ саду, а потомъ въ домѣ боярина Дружина Андреевича Морозова, къ которому приѣзжаетъ князь Серебряный съ грамотою отъ князя Пронскаго. Въ саду боярыня Елена утѣшается съ сѣнными дѣвушками, въ домѣ сидитъ старый бояринъ Дружина Андреевичъ и соболѣзнуетъ о томъ, что находится подь опалой и не видить свѣтлыхъ очей царскихъ, за то что на царскомъ пирѣ не захотѣлъ уступить свое мѣсто Годунову. Замѣчательная черта боярскаго самолюбія, подмѣченная еще Карамзинымъ. Бояринъ и боярыня живутъ, какъ братъ съ сестрой, ибо Дружина Андреевичъ, по преклонности своихъ лѣтъ, иначе и жить уже не можетъ — это третья завязка романа. Является князь Серебряный и, еще не войдя въ домъ къ Морозовымъ, черезъ частоколъ видить въ саду боярыню Елену, видить и не вѣрить глазамъ своимъ. Прозорливость читателя оказывается вознагражденною: русый молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ есть именно князь Серебряный, а

боярыня Елена есть именно та самая боярыня Елена, которая до замужества еще любила Серебрянаго, но впоследствии, чтобы избавиться отъ преслѣдованій князя Вяземскаго, вынуждена была выйти замужъ за Морозова. Сцена свиданія черезъ частоколь написана рукою искуснаго мастера. Сначала князь негодуетъ и даже «не хочетъ тратить понапрасну рѣчей», но подъ конецъ дѣло все-таки приходитъ къ тому, что «они бросились другъ къ другу, и уста ихъ соединились...» Чтобы достигнуть этого, не поломавъ раздѣляющій ихъ частоколь, князь поднимается на стременахъ, а боярыня становится на скамью. Опять дивный переходъ отъ негодованія къ нѣжности, послѣ котораго герой романа уже отправляется къ Морозову въ домъ. Тамъ они бесѣдуютъ объ опричникахъ, о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ царя Ивана Васильевича, и рядомъ логическихъ умозаключеній, приходятъ къ мысли, что все сие происходитъ по волѣ Божіей, карающей россиянь, для очищенія отъ грѣховъ.

Сія политическая теорія столь достопримѣчательна, что нахожу не излишнимъ на ней остановиться.

Если народъ погрязаетъ въ грѣхахъ и черезъ то оскорбляетъ Промыслъ, то какой наилучшій способъ имѣетъ сей послѣдній, чтобы напомнить о себѣ и заставить народъ восчувствовать? Тяжело сознаться, но совершенно достоверно, что наилучшими въ семъ случаѣ орудіями всегда почитались вожди народные. Посредствомъ ихъ Промыслъ еще древле наказывалъ израиля, да и въ новѣйшее время, по свидѣтельству П. И. Мельникова, Розенгейма и другихъ опытныхъ обличителей, продолжаетъ слѣдовать той же системѣ. Такъ, на примѣръ, если градъ начнетъ утопать въ роскоши и богатствѣ, то Промыслъ посылаетъ въ оный градоначальника, который въ скорости доказываетъ гражданамъ, что существенными интересами человѣческой жизни должны быть не столько земные интересы, сколько небесные. Что цѣлныя страны такимъ способомъ очищаются отъ грѣховъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, однакожь, нельзя не сознаться, что и въ этой теоріи имѣется своя слабая сторона. Она заключается въ томъ, что теорія сія съ превеликою, какъ мнѣ кажется, строгостью относится къ самымъ орудіямъ, посредствомъ коихъ производится очищеніе отъ грѣховъ. Положимъ, что народъ, погрязшій въ грѣхахъ, не мѣшаетъ по временамъ очищать, но чѣмъ же ви-

новаты правители, кои, будучи сами по себѣ людьми невинными, именно для этой цѣли надѣляются самыми звѣрскими качествами и черезъ это погубляютъ свои души и въ послѣдствіи наследуютъ геенну огненную? Народъ поражается казью временною; правители — казью вѣчною; неравенство передъ закономъ очевидное. Не наказывать же правителей тоже невозможно, ибо въ такомъ случаѣ всякій охотнѣе предпочтетъ ремесло правителя ремеслу управляемаго (это и бываетъ въ эпохи затменія человѣческаго разума, называемыя революціями, когда человѣкъ лѣзетъ на высоту, совершенно забывая, что за сіе положена геенна огненная). И потому, дабы устранить всякія сомнѣнія въ столь важномъ дѣлѣ, я цолагалъ бы возможнымъ, чтобы Промыслъ въ такихъ случаяхъ употреблялъ орудіями не дѣйствительныхъ людей, а такъ-сказать, подобія ихъ, или лучше сказать, такія сомнительныя существа, которыя имѣли бы наружный человѣческій обликъ, но внутренняго человѣческаго естества не имѣли бы. Думаю, что сочетаніе фотографіи, метакромотиіи и гальванопластики можетъ легко привести къ составленію такого рода людей.

Но довольно съ проектами, возвращусь къ роману. Побесѣдовавши довольно, бояринъ заставляетъ князя обѣдать; за обѣдомъ подаютъ разнаго рода студень, кулебяки, жаркія, похлебки и буженину. Жаль, что любезный сочинитель подробнѣе не распространился объ этомъ предметѣ, но этотъ недостатокъ онъ выполняетъ далѣе, при описаніи царскаго стола. Послѣ обѣда Морозовъ наливаетъ себѣ и князю мальвазіи и, откинувъ назадъ свои опальные волосы, произноситъ:

— Во здравіе великаго государя нашего, царя Ивана Васильевича!

— Просвѣти его Богъ! Открой ему очи!—отвѣчалъ Серебряный, осушая стопу, и оба перекрестились.

Сія политическая теорія также весьма достопримѣчательна, но я не считаю долгомъ распространяться о ней, потому что сущность ея по прямой линіи выходитъ изъ той же теоріи очищенія грѣховъ, о которой говорено мною выше. Не могу, однакожь, не сказать, что въ этой теоріи замѣчается четвертая завязка романа; не будь ея, князь Серебряный не поѣхалъ бы въ Александрову слободу, и не было бы пятой завязки романа. Пятая завязка происходитъ въ Александровой слободѣ и занимаетъ главы: 7, 8 и 9-ю. Князь

Серебряный прибылъ туда благополучно. Слѣдуетъ великолѣпное описаніе слободы и дворца царскаго. Въѣхавши во дворъ, князь Серебряный видитъ оживленную сцену опричниковъ, играющихъ въ «зернь» и въ свайку, но картина сія едва не кончилась для него печально, такъ какъ опричники, немедленно возненавидѣвъ Серебрянаго, чуть-чуть не затравили его медвѣдемъ. Избавленный благополучно отъ этой опасности, въ самую критическую для себя минуту, сыномъ злѣйшаго изъ всѣхъ опричниковъ, Малюты Скуратова (шестая завязка романа), князь находится теперь въ раздумьѣ, знаетъ ли царь Иванъ Васильевичъ о томъ, что онъ влѣпилъ его опричникамъ по полсотенкѣ, или не знаетъ (седьмая завязка романа). Но покуда онъ размышляетъ, къ нему подходитъ стольникъ и приглашаетъ къ царскому столу. Описаніе царскаго стола составляетъ верхъ совершенства. Читая, я не вѣрилъ глазамъ своимъ и даже чувствовалъ невольный голодъ. Надѣясь, что и читатель испытываетъ то же ощущеніе, я не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этого описанія.

Въ огромной двусвѣтной палатѣ, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы въ три ряда. Въ каждомъ ряду было по десяти столовъ, на каждомъ столѣ по двадцати приборовъ. Для цари, царевича и ближайшихъ любимцевъ стояли особые столы въ концѣ палаты. Гостямъ были приготовлены длинные скамьи, покрытыя парчею и бархатомъ, государю — высокія рѣзные кресла, убранныя жемчужными и алмазными кистями. Два льва замѣняли ножки кресель, а спинку образовалъ двуглавый орелъ съ поднятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. Въ серединѣ палаты стоялъ огромный четырехугольный столъ, съ поставомъ изъ дубовыхъ досокъ. Крѣпки были толстыя доски, крѣпки точеные столбы, на коихъ покоился столъ: имъ надлежало поддерживать цѣлую гору серебряной и золотой посуды. Тутъ были и тазы литые, которые четыре человѣка съ трудомъ подняли бы за узорчатые ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугомъ, и блюда разныхъ величинъ съ чеканными узорами. Тутъ были и чары сердоликовые, и кружки изъ строфоамиловыхъ яицъ, и туры рога, оправленные въ золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки, страннаго вида, представлявшіе медвѣдей, львовъ, пѣтуховъ, павлиновъ, журавлей, единороговъ и строфоамиловъ. И всѣ эти тяжелыя блюда, суды, ковши, чары, черпала, звѣри и птицы громоздились кверху клинообразнымъ зданіемъ, котораго конецъ упирался почти въ самый потолокъ.

Чинно вошла въ палату блестящая толпа передворцевъ и размѣстилась по скамьямъ. На столахъ, въ это время, кромѣ солонокъ, перенницъ и укусницъ, не было никакой посуды, а изъ яствъ стояли только блюда холоднаго мяса на постномъ маслѣ, соленые огурцы, сливы и кислое молоко въ деревянныхъ чашахъ.

Далѣе:

Слуги, бывшіе въ бархатной одеждѣ, явились теперь всё въ парчевыхъ доломаняхъ. Эта перемѣна платья составляла одну изъ роскошей царскихъ обѣдовъ. На столы поставили сперва разные студени, потомъ журавлей съ прянымъ зельемъ, разсолныхъ пѣтуховъ съ инбиремъ, безкостныхъ курицъ и утокъ съ огурцами. Потомъ принесли разныя похлебки и трехъ родовъ уху: курячью бѣлую, курячью черную и курячью шафранную. За уху подали рябчиковъ со сливами, гусей съ пшеномъ и тетерекъ съ шафраномъ.

Тутъ наступилъ прогулъ, въ продолженіе котораго разносили гостямъ меды: смородиновый, княжій и боярскій, а изъ винъ: аликантъ, бастръ и мальвазію.

Еще далѣе:

Уже болѣе четырехъ часовъ продолжалось веселье, а столъ былъ только въ полу-столѣ. Отличились въ этотъ день царскіе повара. Никогда такъ не удавались имъ лимонныя калы, верченныя почки и караси съ бараниной. Особенное удивленіе возбуждали исполинскія рыбы, пойманныя въ Студеномъ морѣ и присланныя въ слободу изъ Соловецкаго монастыря. Ихъ привезли живыхъ, въ огромныхъ бочкахъ; путешествіе продолжалось нѣсколько недѣль. Рыбы эти едва умѣщались на серебряныхъ и золотыхъ тазахъ, которые вносили въ столовую нѣсколько человекъ разомъ. Затѣйливое искусство поваровъ выказывалось тутъ въ полномъ блескѣ. Осетры и шеврюги были такъ надрѣзаны, такъ посажены на блюда, что походили на пѣтуховъ съ простертыми крыльями, на крылатыхъ змѣевъ съ разверстыми пастьями. Хороши и вкусны были также зайцы въ лапшѣ, и гости, какъ уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепеловъ съ чесночною подливкой, ни жаворонковъ съ лукомъ и шафраномъ. Но вотъ, по знаку стольниковъ, убрали со столовъ соль, перецъ и уксусъ и сняли всё мясныя и рыбныя яства. Слуги вышли по два въ рядъ и возвратились въ новомъ убранствѣ. Они замѣнили парчевыя доломаны лѣтними кунтушами изъ бѣлаго аксамита съ серебрянымъ шитьемъ и собольей опушкой. Эта одежда была еще красивѣе и богаче двухъ первыхъ. Убранные такимъ образомъ, они внесли въ палату сахарный кремль, въ пять пудовъ вѣсу, и поставили его на царскій столъ. Кремль этотъ былъ вылитъ очень искусно. Зубчатая стѣна и башни, и даже нѣшіе и конные люди были тщательно отдѣланы. Подобные кремли, но только поменьше, пуда въ три, не болѣе, украсили другіе столы. Вслѣдъ за кремлями внесли около сотни золоченыхъ и крашеныхъ деревьевъ, на которыхъ, вмѣсто плодовъ, висѣли пряники, коврижки и сладкіе широжки. Въ то же время явилась на столахъ лъвы, орлы и всякія птицы, литые изъ сахара. Между городами и птицами возвышались груды яблоговъ, ягоды и волошскихъ орѣховъ. Но плодовъ никто уже не трогалъ, всё были сыты. Иные допивали кубки романецъ, болѣе изъ приличія, чѣмъ отъ жажды; другіе дремали, облокотясь на столъ; многіе лежали подъ лавками, всё безъ исключенія распоясались и разстегнули кафтаны. Правъ каждаго обрисовался яснѣе.

Признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобъ не показать это описаніе своему коллегѣ, учителю латинскаго языка, который имѣетъ весьма основательныя свѣдѣнія о томъ объяденіи, которому, въ древности, предавались римляне. Но и онъ пришелъ въ восторгъ и наотрѣвъ мнѣ сказалъ, что римляне никогда ничего подобнаго не ѣдали.

Нѣчто подобное обжорному московскому великолѣпію видимъ мы лишь въ древнемъ Каррагенѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ французскій писатель Густавъ Флоберъ, издавшій въ прошломъ году знаменитый романъ «Salammbô».

Содержаніе сихъ романовъ («Князь Серебряный» и «Salammbô») во многомъ до такой степени сходствуетъ, что нелишне было бы провести между ними нѣкоторую параллель, дабы видѣть, что и кто у кого предвосхитилъ.

Мѣсто дѣйствія «Князя Серебрянаго» происходитъ въ древней Москвѣ; мѣсто дѣйствія «Salammbô» происходитъ въ древнемъ Каррагенѣ. Повидимому, тутъ сходства нѣтъ, но это лишь повидимому, и это-то именно я берусь дока...

(«На этомъ мѣстѣ рукопись прервана несчастною смертью рецензента».)

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

«Князь Серебряный».

*Повѣсть временъ Иоанна Грознаго. Соч. графа Алексѣя Толстого.
(Русскій Вѣстникъ, 1862 г., августъ, сентябрь, октябрь) ¹⁾.*

Возможно ли для насъ возсозданіе нашего стараго быта? Вотъ первый вопросъ, который постоянно представляется при появленіи каждаго новаго произведенія, будетъ ли это романъ, драма, поэма, имѣющая эту задачу.

Первое чувство, съ которымъ все мы, мыслящіе читатели или критики, приступаемъ къ подобнаго рода явленію, есть, безъ всякаго сомнѣнія, — недовѣріе. На это недовѣріе есть нѣсколько причинъ, и причинъ очень важныхъ, заключающихся какъ, вообще въ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ требованіяхъ, такъ и въ частныхъ, историческихъ или даже чисто-случайныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, — объ этомъ свидѣлствуютъ факты, — что всякое подобнаго рода произведеніе возбуждаетъ при появленіи своемъ и большой интересъ и значительныя ожиданія: какъ-будто все ждемъ мы, что вотъ-вотъ кто-нибудь разрѣшитъ намъ мудреную загадку, разсѣчетъ намъ запутанный узелъ нашихъ отношеній къ нашему старому быту...

Ожиданія большею частью до сихъ поръ не оправдывались: интересъ, сначала сильно возбужденный, съ изумляющею быстротою слабѣлъ...

Вотъ, напримѣръ, новый и добросовѣстный трудъ чело-вѣка съ несомнѣннымъ талантомъ, приступавшаго къ дѣлу съ любовью и съ умомъ, изучившаго избранную имъ эпоху, подожившаго даже душевную мысль подъ свои изученія... На него, на этотъ прекрасный трудъ, многіе, можно сказать, большинство даже, бросились съ жадностью, но и его, увы! ждетъ въ скоромъ времени неминуемое забвеніе, постигаетъ общая участь.

¹⁾ «Время», 1862 г., № 14.

Немногое успѣло доселѣ и осталось изъ нашихъ попытокъ возсоздать старый бытъ: пушкинскіе «Борисъ» да «Русалка», лермонтовскій «Калашниковъ», частями—остались капиталами—блестящія попытки Вельтмана въ изображеніи старины почти миѳической, частями же романы Лажечникова. Остальное, по бывалому выраженію, кануло въ Лету.

Современные наши читатели едва ли помнятъ эпоху свирѣпствованія въ литературѣ историческаго рода съ легкой руки покойнаго Загоскина, а эпоха эта прелюбопытная по своей наивной вѣрѣ. Несмотря на то, что изъ кружка пушкинскаго вышелъ ей едва ли не съ самаго же начала такой приговоръ, что наши тогдашніе романисты снимали изображенія предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ, и что этотъ нѣсколько аристократическій приговоръ, въ сущности, оказался справедливымъ: многочисленность фактовъ, выражавшихъ одно и то же стремленіе, была такова, что самъ Бѣлинскій назвалъ этотъ періодъ — романтически-народнымъ.

И Бѣлинскій былъ даже правъ. Романтическая струя въ той эпохѣ — несомнѣнна. Несомнѣнна же и народная струя, только она бѣжала вовсе не по тому руслу, по которому шли загоскинскіе романы и кукольниковскія драмы... Тихо и ровно, но широко открыла она свое теченіе въ «Борисѣ», «Русланѣ», «Капитанской дочкѣ», «Арапѣ Петра Великаго», «Дубровскомъ», свернула водопадомъ въ лермонтовской поэмѣ «о купцѣ Калашниковѣ», бросивши нѣсколько разливовъ вдаль въ «Кашчѣ» и «Святославичѣ» Вельтмана, пожалуй, въ великолѣпной языковской сказкѣ о «Сѣромъ волкѣ и жарь-птицѣ», смѣшала свои чистыя воды съ мутными водами другаго русла въ романахъ Лажечникова, затаялась потомъ, загороженная отрицательною литературой сороковыхъ годовъ, и потомъ потекла себѣ, какъ Волга отъ Костромы, въ дѣятельности Островскаго, принявши въ себя на пути нѣчто въ родѣ Камы — «Семейную хронику» покойнаго Аксакова...

Разница между этими двумя струями—въ приѣмѣ, въ точкѣ отправленія.

Для людей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Островскій, отчасти Вельтманъ, Лажечниковъ, Аксаковъ, какъ для художниковъ, творчество невозможно безъ природы, безъ опредѣленныхъ типовъ. Въ «развитіе» души человѣческой, т.-е. въ то, чтобы люди когда-либо были звѣрями, а потомъ сдѣ-

лались людьми, они плохо вѣрятъ. Душу человѣка они мѣрятъ во все время и вѣка на одинъ аршинъ; душевныя явленія объясняютъ одними и тѣми же законами. Погодина, ревностнаго и рьянаго защитника памяти Бориса, выставившаго поспѣшность и нелѣпость слѣдствія по дѣлу убіенія царевича Димитрія за одно изъ доказательствъ невинности Бориса, который сумѣлъ бы ловчѣе и умнѣе схоронить концы, Пушкинъ поразилъ простымъ возраженіемъ, что какой-угодно наиумнѣйшій человѣкъ торопится отдалить отъ себя слѣды страшнаго дѣла и до тѣхъ поръ, пока отъ представленія о немъ какъ-нибудь не отдѣляется, теряетъ всякое самообладаніе... Понятно, что, несмотря на карамзинское вліяніе, представленіе стараго быта въ Борисѣ вышло несравнимо выше всей исторіи Карамзина, и съ карамзинскою школою ничего не имѣетъ общаго въ приѣмѣ; что сценой въ корчмѣ—пушкинское творчество закидываетъ сѣти въ далекое отъ него будущее, въ дѣятельность Островскаго, и что нѣкоторые наброски, какъ Пугачевъ въ «Капитанской дочкѣ», закинуты еще дальше...

Геніальный юношескій взрывъ Лермонтова въ поэмѣ о купцѣ Калашниковѣ точно такъ же простъ по своему приѣму, а между тѣмъ таковъ, что въ изображеніи Грознаго-вѣнценосца мы не пошли дальше ни въ высокоталантливыхъ драмахъ Мей ни въ новомъ романѣ графа А. Толстого, а элементъ земскаго протеста, сосредоточеннаго съ великою поэтической силой въ другомъ героѣ великой поэмы, въ Калашниковѣ—до сихъ поръ еще никому не пригрѣзился.

Приѣмъ Островскаго въ Мининѣ въ этомъ отношеніи до того простъ, что академія не удостоила его даже преміи, а г. Омега объявилъ его вовсе негоднымъ, но, вѣдь, академіи испоконъ вѣка браковали «Сидовъ» (на то онѣ и академіи), а пушкинскій Борисъ возбудилъ неудовольствіе даже не въ г. Омега, а въ первомъ русскомъ критикѣ той эпохи, въ Полевомъ, и понятъ былъ только грубымъ семинаристомъ Никодимомъ Надоумкой.

Такъ же просты приѣмы другихъ менѣе цѣнныхъ художниковъ, каковы: Вельтманъ, Лажечниковъ, Мей—тамъ, гдѣ они являются истинными художниками. Передъ ними стоитъ натура, какая-нибудь да натура. Вельтманъ въ своемъ «Кащеѣ» и «Святославичѣ», правильно ли нѣтъ ли, но взялъ природу южныхъ славянскихъ племенъ, и вышли образы за-

правскіе, а не сочиненные. Лажечниковъ въ изображеніи Ивана III и русскаго быта той эпохи руководствуется общею натурой русскаго человѣка—и это-то руководство помогаетъ ему создать Волынскаго, невѣрнаго, можетъ-быть, исторически, но лицо народно-типическое.

Другая струя вела свое начало отъ Загоскина, Загоскинъ же велъ свое начало отъ Шишкова по духу и отъ виѣшняго импульса, отъ Вальтеръ-Скотта по нормѣ. Извѣстно, что такое шишковское славянофильство. Оно было направленіе очень почтенное, но, во-первыхъ, его крайніе логическіе предѣлы—гг. Бурачекъ, А. Муравьевъ и г. Аскоченскій,—во-вторыхъ, самый ярый изъ западниковъ ближе, въ сущности, къ народу, чѣмъ писатели шишковской школы... Загоскинъ, единственно даровитый человѣкъ этого направленія, смотрѣлъ на русскій бытъ сквозь византійско-татарскую призму, замѣнявшую до Петра Великаго призму византійско-казарменную. Единственною натурой, которую онъ зналъ въ русскомъ быту, была натура стародворянская да натура двороваго человѣка: первую, которую бичевалъ Грибоѣдовъ въ Фамусовѣ и Хлестовой и изображалъ со всею строгостью простоты Пушкинъ въ Кириллѣ Троекуровѣ,—онъ поэтизировалъ въ умиленіи; у второй—онъ заимствовалъ для изображеній своихъ языкъ и формы.

За нимъ пошла цѣлая вереница историческихъ романовъ, о которыхъ мы когда-нибудь поговоримъ поподробнѣе. Всѣ они писались на одинъ манеръ.

Всего страннѣе то, что человѣкъ народа, Полевой, идеями своими далеко опережавшій всю эту школу—какъ драматургъ попалъ въ ту же манеру, противъ которой самъ ратовалъ и протестовалъ въ критикахъ и романахъ.

Къ какой же струѣ принадлежитъ Князь Серебряный графа Алексѣя Толстого?

Авторъ предпослалъ своей повѣсти предисловіе.

«Представляемый здѣсь разсказъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ цѣлью не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія.

Оставаясь вѣрнымъ исторіи въ общихъ ея чертахъ, авторъ позволилъ себѣ нѣкоторыя отступленія въ подробностяхъ, не имѣющихъ исторической важности. Такъ, между прочимъ, казнь Вяземскаго и обоеихъ Васмановыхъ, случившаяся на дѣлѣ въ 1570 году, помѣщена, для сжатости разсказа, въ 1565 годъ. Этотъ умышленный анахронизмъ едва ли навлечетъ на себя стро-

гое порицаніе, если принять въ соображеніе, что безчисленныя казни, послѣдовавшія за низверженіемъ Сильвестра и Адашева, хотя много служатъ къ личной характеристикѣ Іоанна, но не имѣютъ вліянія на общій ходъ событій.

Въ отношеніи къ ужасамъ того времени, авторъ оставался постоянно ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ по возможности въ отдаленіи. Тѣмъ не менѣе, онъ сознается, что при чтеніи историковъ книга не разъ выпадала у него изъ рукъ, и онъ бросалъ перо отъ негодованія, не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на него безъ негодованія. Это тяжелое чувство постоянно мѣшало необходимой въ эпическомъ сочиненіи объективности и было отчасти причиной, что романъ, начатый болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, оконченъ только въ настоящемъ году. Последнее обстоятельство послужитъ, быть можетъ, нѣкоторымъ извиненіемъ для тѣхъ неровностей слога, которыя, вѣроятно, не ускользнутъ отъ читателя.

Въ заключеніе авторъ полагаетъ нелишнимъ сказать, что чѣмъ вольнѣе онъ обращался со второстепенными историческими происшествіями, тѣмъ строже онъ старался наблюдать истину и точность въ описаніи характеровъ и всего, что касается до народнаго быта и до археологіи.

Если удалось ему воскресить наглядно фізіономію очерченной имъ эпохи, онъ не будетъ сожалѣть о своемъ трудѣ и почтетъ себя достигшимъ желанной цѣли.

Мы нарочно выписали все предисловіе, чтобы выставить на видъ тѣ вполнѣ серьезныя задачи, которыя имѣлъ въ виду авторъ новаго историческаго романа. Онъ взялся, шутка сказать! изобразить характеръ цѣлой эпохи, воспроизвести понятія, вѣрованія, нравы и степень образованности тогдашняго русскаго общества.

Почему же за «все» тогдашнее общество онъ счелъ Грознаго и его опричника, земскихъ бояръ и станичниковъ, т.-е. разбойниковъ? Это первый вопросъ, который представляется при чтеніи его произведенія всякому мало-мальски мыслящему читателю.

Давно уже было намекаемо, если не подробно развиваемо многими нашими изслѣдователями, что быть боярѣ, хотя бы даже и земскихъ, а тѣмъ болѣе быть придворнымъ не могутъ быть исключительнымъ мѣриломъ всей общественной жизни той эпохи. Не безъ основанія полагали также нѣкоторые, что и такъ-называемая патріархальность, т.-е. не семейное, а родовое начало съ его разными послѣдствіями, т.-е. деспотизмомъ и угнетеніемъ женщины, развившееся въ этомъ показномъ быту, обязано своимъ крайнимъ развитіемъ преобладанію наносныхъ элементовъ, татарскому влія-

нію, которому показной быть подвергся по преимуществу, и которое онъ, въ свою очередь, старался распространить въ быту истинно-земскомъ, уходившемъ все-таки такъ или иначе изъ-подъ его вліянія.

Графу Толстому заблагоразсудилось твердо держаться старыхъ, такъ-сказать, казенныхъ точекъ зрѣнія: онъ занялся только изученіемъ наказного быта, и поэтому онъ, читая лѣтописи, только дивился тому, что было общество, которое выносило Іоанна IV.

А простой вопросъ о томъ, почему оппозиція «земскихъ» бояръ тирану встрѣчала въ земщинѣ мало сочувствія или вовсе не находила дѣятельнаго сочувствія, вовсе не пришель ему въ голову.

Мы далеки отъ мысли видѣть въ Грозномъ Ивана-благодѣтеля русской земли, какого видитъ въ немъ школа гг. Соловьева и Кавелина; мы, разбирая разъ произведеніе, несравненно высшее романа графа Толстого, «Псковитянку» Мея, упрекнули покойнаго поэта въ изображеніи Ивана по этой теоріи въ сладкихъ изліяніяхъ души передъ Борисомъ и сыномъ, но не можемъ раздѣлять и другого односторонняго воззрѣнія, подъ вліяніемъ котораго написанъ романъ графа Толстого.

«Да поможетъ Богъ и намъ,—заключаетъ авторъ свою повѣсть,—изгладить изъ сердецъ нашихъ послѣдніе слѣды того страшнаго времени, вліяніе котораго, какъ наследственная болѣзнь, еще долго потомъ переходило въ жизнь нашу отъ поколѣнія къ поколѣнію! Простимъ грѣшной тѣни царя Іоанна, ибо не онъ одинъ несетъ отвѣтственность за свое царствованіе; не онъ одинъ создалъ свой произволь и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее въ обязанность и въ обычай. Эти возмутительныя явленія были подготовлены предыдущими временами, и народъ, упавшій такъ низко, что могъ смотрѣть на нихъ безъ негодованія, самъ создалъ и усовершенствовалъ Іоанна, какъ раболѣпные римляне время упадка создавали Тиверіевъ, Нероновъ и Калигулъ».

Едва ли послѣ всего того, что раскрываетъ передъ нашими глазами дѣятельность г. Щапова и что возсоздаетъ творчество Островскаго, стоитъ «серьезно» опровергать эти—позвольте ужъ такъ выразиться—«вздорныя» слова. Какой это «народъ» разумѣетъ графъ Толстой? Этотъ народъ умѣлъ стоять за себя, когда дѣло касалось его интересовъ. Если онъ молчалъ, если Грозный становился все грознѣе и грознѣе, то потому, что народъ не сочувствовалъ оппозиціи земскихъ бояръ по той простой причинѣ, что солонь ему самому

были эти земские бояре, которыхъ хочеть нашъ романистъ выставить защитниками его правъ противъ опричины.

Если опричина Ивана случайно задѣвала его, хотя до него она вообще не касалась, онъ умѣлъ постоять за себя, что гениально угадано Лермонтовымъ въ его великой поэмѣ о кущѣ Калашниковѣ и Лажечниковымъ въ одной сценѣ его неудачной драмы «Опричникъ», въ сценѣ столкновенія рядскихъ съ опричниками...

Этого народа не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть графъ А. Толстой и, несмотря на то, что онъ изучалъ добросовѣстно одну сторону эпохи, романъ его кажется написаннымъ «нарочно»—такъ же точно нарочно, какъ нарочно написанъ имъ недавно «Донъ-Жуанъ».

Разбирать его въ подробности мы не станемъ,—даромъ что онъ въ трехъ частяхъ и даромъ что онъ многими читается съ интересомъ, особенно, какъ говорятъ, барынями. Въ немъ все—сочиненіе нерѣдко и искусное, но чаще всего искусственное; все, даже статистическое, за исключеніемъ одного полуидіота Митьки съ его оглоблей. Авторъ говоритъ, что въ изображеніяхъ ужасовъ эпохи, онъ постоянно ниже исторіи. Это неправда. Лучшее, наиболѣе удавшееся ему, это изображеніе женоподобнаго Ѳедьки Басманова, рѣзкое до содомской наглости...

Замѣчательно странно, что все завоеванное въ изображеніи чертъ народа Островскимъ, прошло какъ-будто мимо нашего романиста; еще страннѣе, можетъ-быть, то, что романъ, писанный въ 1852—1862 годахъ, не можетъ итти въ какое-либо сравненіе съ романами Лажечникова, писанными въ половинѣ и концѣ сороковыхъ годовъ. Тамъ—сила творчества, страстнаго иногда до излишества, чутье народныхъ типовъ подчасъ изумляющее, поэзія несомнѣнная, хоть и пополамъ съ фальшью и ходульностью; здѣсь—безплодная, хоть и добросовѣстная усилія да казенщина почти загоскинская, безъ загоскинской наивности.

Многіе будутъ на насъ негодовать за рѣзкость нашего приговора, но время, и очень недалекое, насъ совершенно оправдаетъ. Князь Серебряный весьма скоро будетъ забытъ, а «Басурманъ», «Ледяной домъ» и «Новикъ» будутъ всегда читаться, несмотря на ихъ недостатки.

«Князь Серебряный».

Повѣсть время Иоанна Грознаго, Графа А. К. Толстого *).

Историческій романъ, собственно говоря, получили права гражданства въ нашей литературѣ со время Загоскина и Лажечникова. Превжнія попытки воссозданія нашего прошедшаго быта въ видѣ повѣстей прошли совершенно незамѣченными, между тѣмъ какъ произведенія этихъ писателей имѣли огромный успѣхъ. Сочувствіе публики къ подобнаго рода произведеніямъ въ первое время приняло характеръ какой-то мани и вызвало цѣлый рядъ подражателей, которые ревностно начали подвизаться на этой мало обработанной почвѣ. Съ легкой руки «Юрія Милославскаго», русская литература наводнилась стрѣльцами, выжигинами, самозванцами и тому подобными продуктами, заранѣе обезпечивавшими себѣ извѣстную долю вниманія своимъ историческимъ содержаніемъ. То было славное время для романистовъ подобнаго разряда! Отечественную исторію, вообще, мы знаемъ плохо, а тогда знали еще меньше; поэтому задумываться объ исторической вѣрности идеи извѣстной эпохи и характеровъ героев было нечего: стоило только взять любой матеріалъ изъ непочатаго угла русской исторіи и втиснуть его въ казенный трафаретъ нашихъ тогдашнихъ романовъ. Припомнимъ теперь, къ случаю, этотъ трафаретъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ примѣнялся къ историческому роману.

Основаніемъ служило общее понятіе о борьбѣ официальнаго добра съ официальнымъ зломъ; потому героями историческихъ романовъ выбирались какъ добродѣтельные, такъ и порочные люди. Впрочемъ, историческіе злодѣи рѣже допускались къ разыгрыванію первыхъ ролей. Оба разряда героевъ представляли изъ себя цѣльные характеры, безъ малѣйшихъ противорѣчій: или съ ногъ до головы добродѣтельный, или ужъ отъявленный негодяй. Герой, если онъ только былъ добродѣтельный, долженъ былъ непремѣнно любить, съ одной стороны, отечество, съ другой — женщину. Правда,

*) «Голосъ», 1863 г., № 48.

эти качества дозволялось имѣть и не первымъ лицамъ романа; но герой долженъ былъ любить и больше и крѣпче. Въ первомъ случаѣ препятствіемъ ему являлись внѣшніе враги Россіи—иноземцы, съ которыми онъ, въ качествѣ гражданина, долженъ былъ сражаться на полѣ брани; во второмъ—злые люди и, вообще, несчастныя обстоятельства, или разрывавшія окончательно союзъ двухъ любящихъ сердець, или отлагавшія свадьбу къ концу романа. Героямъ—злодѣямъ, большею частью, отказывалось въ правѣ любить Россію; они любятъ больше крамолу. Имъ позволялось также любить женщину, но, большею частью, нечистою страстью, безъ мысли о законномъ супружествѣ, какъ и подобаетъ злодѣямъ. Главная героиня романа должна была быть непременно красавица и притомъ представлять изъ себя идеаль официальную добродѣтели, т.-е. быть умною, скромной, набожной, трудолюбивой, нѣжной и т. п. Дѣятельность же свою она обнаруживала, большею частью, безцвѣтною, пассивной покорностью судьбѣ, ожиданіемъ сладкаго свиданія, горячими молитвами, а иногда и гаданіемъ о суженомъ. У героевъ и героинь должны были существовать наперсники и наперсницы. Борьба, возникавшая между главными лицами, ознаменовывалась тысячью оригинальныхъ приключеній, въ которыхъ, съ одной стороны, наилучшимъ образомъ выказывалась доблесть добродѣтельнаго героя, и съ другой—низость его противника. Какъ побочныя лица, въ этой борьбѣ являлись юродивые, нищіе, колдуны и иногда разбойники. Между послѣдними всегда находилось двое-трое добродѣтельныхъ, которые обязаны были, наравнѣ съ избранными наперсниками (большею частью, заслуженными лакеями), являться на помощь къ герою, какъ *deus ex machina*, въ наитруднѣйшую минуту его жизни. Нищіе, юродивые и колдуны, какъ одаренные способностью провидѣть, изрекали героямъ неизмѣнный приговоръ судьбы, утѣшительный для добродѣтельныхъ и невыгодный для злодѣевъ. Пророчества ихъ составляли неизбѣжный фантастическій элементъ историческаго романа. Конецъ былъ двоякій: или погибали злодѣи, и добродѣтельные герои отправлялись на свадьбу, или же наоборотъ—подъ вліяніемъ несчастныхъ обстоятельствъ добродѣтельные умирали или уходили въ монастырь. Но въ обоихъ случаяхъ злодѣи не достигали цѣли: ему, несмотря на видимую удачу, не удавалось ни повредить Россіи, ни

насладиться любовью добродѣтельной женщины. Такимъ образомъ, полагали достигать основной цѣли романа—насадить мораль въ сердцахъ читателей, которые, прочитавъ подобное произведеніе, ужъ, конечно, должны были убѣждаться, что лучше быть добродѣтельнымъ, чѣмъ порочнымъ.

Таковъ былъ рецептъ, по которому писались историческіе романы въ наше недавнее, но уже старое время. Изъ сказаннаго нами видно, что нашъ историческій романъ отличался отъ обыкновеннаго только заглавіемъ, историческими именами героевъ да еще извѣстнымъ историческимъ событіемъ, какъ бы пришитымъ съ боку къ казенной общей интригѣ. Но миновала эта пора увлеченія; подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ, явились иныя требованія, истаскался трафаретъ нашихъ романистовъ и пересталъ тѣшить вкусъ публики, уставшей уже смотрѣть на отечественную исторію глазами Карамзина и Устрялова. Съ одной стороны, самостоятельное изученіе фактовъ нашего прошедшаго быта, съ другой—болѣе глубокое изслѣдованіе явленій настоящаго времени отвлекли вниманіе публики отъ историческаго романа; самая мысль о немъ какъ бы была забыта. Какъ хорошее воспоминаніе, осталось намъ нѣсколько талантливыхъ страницъ изъ романовъ Загоскина и Лажечникова, которыя заставляли насъ вѣрить въ возможность будущаго возрожденія русскаго историческаго романа.

Дѣйствительно, мысль о немъ въ нашемъ обществѣ никогда не умирала, а только отодвинулась подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ на второй планъ и выжидала удобнаго случая, чтобы высказаться. Въ послѣднее время она обнаружилась замѣтнымъ образомъ въ томъ нетерпѣннѣ, съ какимъ читающая публика ожидала обѣщаннаго появленія драматической хроники г. Островскаго, и въ той поспѣшности, съ которою была прочитана ею историческая повѣсть графа Толстого. Но если, съ одной стороны, въ энтузіазмѣ ожиданія сказалась любовь публики къ литературному возсозданію нашего прошедшаго историческаго быта, то, съ другой стороны, по холоднымъ и неудовлетворительнымъ для авторовъ отзывамъ объ этихъ двухъ произведеніяхъ можно ясно видѣть, что измѣнились условія, при которыхъ подобныя литературныя явленія могли рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Только имени автора обязанъ былъ «Мининъ-Сухорукъ» своимъ появленіемъ на страницахъ журнала, и только одинъ

г. Анненковъ возсталъ на защиту автора отъ обвиненій въ неполномъ и невѣрномъ представленіи извѣстной эпохи. Самый способъ оправданія драматической хроники величіемъ избраннаго сюжета служить доказательствомъ того, что это литературное произведеніе само-по-себѣ не въ состояніи выдержать критики.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появился Князь Серебряный, сочиненіе графа А. К. Толстого, сочинившаго еще прежде, на страницахъ того же журнала, своего собственнаго «Донъ-Жуана», и впечатлѣніе, произведенное тою новою попыткой возсоздать наше прошедшее, далеко не удовлетворительно. Историческую повѣсть время Грознаго читаютъ; но похвалы, расточаемыя ей, не идутъ дальше внѣшняго интереса разсказа. Намъ могутъ возразить, что истинно-великія произведенія искусства никогда не производятъ эффекта на первый взглядъ, что они недоступны массѣ, что успѣхъ ихъ обезпечивается будущимъ. Едва ли. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы подобнаго рода капитальныя произведенія могли перейти въ отдаленное потомство, именно потому, что въ нихъ нѣтъ того существеннаго элемента, который одинъ можетъ ручаться за безсмертіе, именно—свободнаго творчества. Дѣло въ томъ, что, при современномъ развитіи нашей литературы, въ историческомъ романѣ мы желаемъ видѣть полную, живую картину русской жизни и извѣстную эпоху, дѣйствительное возсозданіе историческихъ характеровъ, а не казенныхъ героевъ и героинь, машинально пляшущихъ по внѣшней программѣ лѣтописи. Графъ Толстой, повидимому, понимаетъ, въ чемъ заключаются современныя требованія отъ историческаго романа; по крайней мѣрѣ, въ предисловіи онъ высказывается на этотъ счетъ довольно ясно: «Представляемый здѣсь разсказъ (говоритъ онъ) имѣетъ цѣлью не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія».

Программа, какъ видите, вѣрная, широко задуманная. Но самое выполненіе ея, несмотря на добросовѣстное, прилежное изученіе историческихъ матеріаловъ, далеко не соотвѣтствуетъ предположенной цѣли: въ романѣ есть все, что обезпечило бы, навѣрно, его славу во времена Загоскина, и нѣтъ ничего, что могло бы спасти его въ настоящее время.

Не рассказывая содержания романа, вѣроятно, уже извѣстнаго читателямъ, познакомимся со взглядомъ автора на ту интересную эпоху, въ которую жилъ князь Серебряный.

Основная идея романа—представить нагляднымъ образомъ личность Иоанна Грознаго и тѣ отношенія, въ которыхъ являлся онъ къ народу въ послѣдній періодъ своего царствованія. Съ этою цѣлью авторъ вводитъ читателя во внутренность Александровской слободы, съ мелочными подробностями выставляя на видъ всю обстановку царскаго быта и выводитъ на сцену самого царя, окруженнаго опричниками, стараясь, при этомъ, показать какъ можно больше сторонъ его характера и дѣятельности. Слѣдя за рассказомъ, вы находите, что авторъ въ представляемомъ имъ портретѣ Иоанна IV, собралъ, повидимому, все даннаго, которыми лѣтопись охарактеризовала этого грознаго царя; тѣмъ не менѣе, полной и вѣрной характеристики этой замѣчательной личности мы не видимъ. Авторъ не разрѣшаетъ положительнымъ образомъ тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, которыя составляютъ отличительную черту характера Грознаго, и, склоняясь къ тому же убѣжденію, что Иоаннъ IV, былъ классическій тиранъ, наивно удивляется тому, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на его тиранію безъ негодованія. По односторонности этого взгляда, мы въ правѣ заключить, что авторъ, въ массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, не отгадалъ настоящаго значенія ни личности Иоанна Грознаго ни описываемой имъ эпохи. Исторія говоритъ намъ, что побѣдитель Казани запятналъ послѣдніе годы своего славнаго царствованія страшными казнями, облилъ землю русскую цѣлыми потоками крови. Но изъ этой же исторіи мы узнаемъ, что этотъ безконечный рядъ убійствъ не былъ въ Иоаннѣ одною животною жаждою крови: въ выборѣ жертвъ, въ самомъ способѣ казней постоянно проглядываетъ одна основная мысль, придававшая кровопролитію характеръ не личнаго произвола, а извѣстной политической мѣры; эта мысль была искорененіе измѣны и крамолы въ государствѣ. Мысль эта, сдѣлавшаяся, впоследствии, манією, была не безъ основанія: корень ея—дѣтство Иоанна. Всѣмъ извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ выработался характеръ Грознаго, кому обязанъ онъ былъ своимъ воспитаніемъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ состоялось его обѣщаніе «быть царемъ правды», данное народу, и, наконецъ, что побудило

его освободиться изъ-подъ опеки Сильвестра и Адашева. Онъ хорошо понималъ, что не въ боярахъ, окружавшихъ его престолъ, заключаются интересы и силы Россіи, что не въ народѣ, бунтовавшемъ во время пожара, кроется настоящая причина государственныхъ неустойчивъ, что не изъ среды народной массы можетъ онъ опасаться измѣны... Отсюда понятно, на какой классъ тогдашняго общества долженъ былъ по преимуществу обрушиться гнѣвъ Іоанна въ то время, когда эта сильная натура разорвала оковывавшія ее пути адашевскаго благоразумія. Не земщину, а боярство, отравившее его дѣтство, ненавидѣлъ царь всеми силами души своей; боярщину казнилъ онъ; ее думалъ стереть съ лица земли заведеніемъ опричины. Царствованіе его было тяжелою расплатой бояръ за прошедшіе грѣхи свои относительно Россіи и его собственной личности. Авторъ удивляется тому, что могло существовать общество, терпѣвшее тиранію Іоанна. Но что понимаетъ онъ подъ словомъ «общество»? Всю массу русскаго народа брать въ этомъ случаѣ нельзя, потому что въ ней слишкомъ рѣзко обозначилось различіе въ интересахъ боярщины и земщины: одни хлопотали о власти, другіе о хлѣбѣ. При различіи взглядовъ на значеніе государственной власти, общаго народнаго протеста противъ Іоанна Грознаго и быть не могло; могли быть честные, или со стороны бояръ или со стороны простого народа. Въ первомъ случаѣ протестъ могъ существовать; если бы въ самомъ этомъ сословіи скрывались задатки чего-нибудь лучшаго, если бы оно въ состояніи было стать выше своихъ личныхъ интересовъ и соединиться въ одну извѣстную партію, одушевленную извѣстною политическою идеей. Но стоитъ повнимательнѣе взглянуть на тѣхъ, которые окружали престолъ царскій, чтобъ убѣдиться, что каждый изъ нихъ былъ или деспотъ съ связанными руками, или рабъ, всегда готовый пресмыкаться передъ дѣйствительною силой. Въ Іоаннѣ IV была настоящая сила; деспотизмъ былъ возведенъ имъ на степень опредѣленной идеи, и потому онъ могъ безнаказанно давить мелкихъ деспотовъ своимъ желѣзнымъ скипетромъ. Остается простой народъ. Но онъ и не хотѣлъ протестовать. Природный инстинктъ говорилъ ему, что за тяжелымъ жезломъ грознаго царя ему быть все-таки лучше и безопаснѣе, нежели подъ владычествомъ бояръ; что въ открытомъ, хотя и кровавомъ способѣ царскаго управленія есть что-то похожее на любовь

къ Россіи; между тѣмъ какъ ничего, кромѣ личнаго произвола, не видѣлъ онъ въ тайныхъ интригахъ боярскихъ смуть предшествовавшаго періода. Народъ боялся Іоанна IV; по эта боязнь была неразлучна съ уваженіемъ къ его личности и не допустила народъ до образованія политической оппозиціи. Кому невтерпежъ приходились московскіе порядки, тотъ уходилъ въ лѣсъ: тамъ жили вольные люди— станичники. Но и эти люди ратовали не противъ личности Іоанна: изъ среды ихъ вышли завоеватели Сибири. Послѣдствія доказали, что тутъ дѣло было не въ одномъ пассивномъ терпѣніи, вслѣдствіе безсилія. Народъ, не протестовавшій противъ царя, открыто губившаго тысячи, массою возсталъ противъ Годунова, осыпавшаго его благодареніями. Ясно, что въ первомъ былъ демократическій элементъ, совмѣщавшій въ себѣ интересы Россіи, во второмъ — аристократическій, боярскій, опиравшійся на одномъ личномъ честолюбіи.

Отчего же авторъ, повидимому, хорошо знакомый съ исторіей, не замѣтилъ всего этого и нарядилъ своего Іоанна IV въ изношенную одежду карамзинскаго взгляда? Намъ кажется, что мы отгадали причину. Она, если можно такъ выразиться, заключается въ наклонности къ аристократизму. На эту мысль навелъ насъ самъ авторъ слѣдующимъ мѣстомъ, проскочившимъ, какъ бы неволью, въ его романъ. Представляя Іоанна IV молящимся о томъ, чтобы Богъ помогъ ему «сравнять сильныхъ со слабыми, чтобы не было на Руси одного выше другого, чтобы все были въ равенствѣ», авторъ прибавляетъ: «Молится царь и кладетъ земные поклоны. Смотрятъ на него звѣзды въ окно косящатое, смотрятъ свѣтлыя, притуманившись,— притуманившись, будто думая: ахъ, ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ! Ты затѣялъ дѣло не въ добрый часъ, ты затѣялъ насъ не спрашаючи: не расти двумъ колосьямъ въ уровень, не сравнять крутыхъ горъ съ пригорками, не бывать на землѣ безбоярщинѣ!»

Что рисуетъ намъ эта картина, кромѣ личнаго взгляда автора? Не есть ли это косвенная апологія за отдѣльное существованіе того сословія, которое стараніями правительства уже сдѣлало первый шагъ къ сближенію съ народомъ? Неужели это дѣло окончательно невозможное?.. Затѣмъ, повѣряя нашу мысль на самомъ произведеніи графа Толстого, мы приходимъ къ заключенію, что именно этотъ аристократическій взглядъ на исторію помѣщалъ ему взглянуть поглубже

на описываемую имъ эпоху, посмотрѣть на личность Иоанна Грознаго не съ его односторонней точки зрѣнія, наконецъ, заставить его, въ изображеніи жизни всего тогдашняго общества, ограничиться почти исключительно представленіемъ одного боярскаго сословія. Всякому, конечно, свое; но литературное возсозданіе жизни народа извѣстной эпохи требуетъ не словнаго, а болѣе широкаго, народнаго взгляда.

Итакъ, въ односторонности взгляда заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ романа графа Толстого, относительно основной его идеи. Что же касается до плана, по которому авторъ проводитъ жизнь героевъ своей исторической повѣсти, то, въ сущности, онъ сильно напоминаетъ тѣ пружины, которыми пользовались наши прошедшіе романисты. Читая Князя Серебрянаго, мы невольно припоминаемъ ту казенную рамку историческаго романа, о которой говорили выше. Авторъ представляетъ намъ и князя Серебрянаго и боярина Морозова въ такихъ доблестныхъ чертахъ, что мы, не задумываясь, можемъ отнести ихъ къ официальному разряду добродѣтельныхъ героевъ. Оба любятъ отечество, за которое князь сражается въ Литвѣ, а бояринъ попадаетъ въ опалу. Въ то же время оба они любятъ безцвѣтную русскую женщину, Елену: князь—въ качествѣ перваго любовника, бояринъ—въ качествѣ идеальнаго мужа. Здѣсь графъ позволилъ себѣ, какъ-будто, маленькую поэтическую вольность: по теоріи, князь, какъ добродѣтельный герой, не долженъ бы любить жены другого; но что дѣлать—это бываетъ. Впрочемъ, любовь этихъ отвлеченныхъ существъ чистая, дальше подѣлуя дѣло нейдетъ. Зато бояринъ Морозовъ—истинный рыцарь: онъ и прежде спрашивалъ Елену, согласна ли она выйти за него, за старика, а потомъ, заставъ ее на свиданіи съ княземъ Серебрянымъ, молчить и до послѣдней минуты не подаетъ вида, что онъ знаетъ объ интригѣ. Елена ведетъ себя, какъ слѣдуетъ добродѣтельной героинѣ стараго русскаго романа: рядится, поетъ съ дѣвушками пѣсни, мечтаетъ и груститъ. Затѣмъ авторъ выводитъ передъ нами злодѣевъ. Первымъ изъ нихъ, вступающимъ въ интригу, является князь Вяземскій, отечества не любящій, но нечистою страстью пылающій къ Еленѣ и насильственнымъ образомъ ее похищающій. Успѣха, разумѣется, онъ не имѣетъ, потому что ее отъ обольщенія спасаютъ разбойники. Потомъ въ ряду злодѣевъ стоятъ послѣдовательно Машута Скуратовъ,

затѣмъ сынъ Іоанна Грознаго и, наконецъ, самъ царь Иванъ Васильевичъ, замыкающій своими повальными казнями звено интриги. Побочныя пружины также всѣ въ порядкѣ: есть наперсники: у князя Серебрянаго—стремянный Михеичъ, у Елены—Пашенька, у Малюты Скуратова—опричникъ Хомякъ, у царя Грознаго—Малюта Скуратовъ да еще старая нянька Онуфріевна. Всѣ они являются во-время или въ случаѣ крайней опасности, для помощи добродѣтельнымъ, или потому, что неприлично быть герою одному. Кромѣ того, въ романѣ есть разбойники, нищіе, юродивый и колдунъ. Всѣ они аккуратно, на память исполняютъ свои роли: разбойники разбойничаютъ (изъ нихъ; Перстень и Кольцо настоящіе герои), нищіе поютъ, юродивый обличаетъ царя, колдунъ-мельникъ гадаетъ на воду, при чемъ, путемъ нечистой силы, вѣроятно, пророчествуетъ о будущемъ съ необыкновенною точностью. Развязка интриги выдержана также по правилу: князь Вяземскій умираетъ въ пыткѣ, Морозова казнятъ, Елена поступаетъ въ монастырь, а князь Серебряный отправляется противъ татаръ, которые и убиваютъ его. Въмѣсто эпилога, разбойники завоевываютъ Сибирь и получаютъ прощенье.

Отсюда мы видимъ, что въ романѣ графа Толстого собраны всѣ официальныя внѣшнія черты нашей прошедшей національности, которыя, какъ готовые принципы, выработанные исторіей, уже съ давняго времени служили нормою и руководствомъ для нашихъ историческихъ романистовъ. Графу Толстому, наравнѣ съ его предшественниками, не удалось подмѣтить ту тайную сторону народнаго духа, которая скрывается за всѣмъ извѣстными казенными формами нашего прошедшаго быта, и его произведеніе вышло добросовѣстнымъ, кропотливымъ, пожалуй, занимательнымъ сочиненіемъ на заданную тему, а не художественно-литературнымъ воссозданіемъ эпохи Іоанна Грознаго. Прочитавъ его трудъ, не лишенный нѣкоторыхъ частныхъ достоинствъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: историческое воссозданіе народнаго быта есть такая трудная задача, что надъ нею съ успѣхомъ трудиться можетъ не всякій талантъ: нельзя также забывать при этомъ, что былъ нѣкогда на свѣтѣ Вальтеръ-Скоттъ.

Очерки литературы *).

Памяти графа А. К. Толстого.—„Драконъ“, первое посмертное произведение А. К. Толстого.

На русской литературѣ лежитъ какая-то печать несчастій. Одинъ за другимъ сходятъ до срока лучшіе ея представители. Умеръ и графъ А. К. Толстой. Извѣстіе о смерти вышло едва не наканунѣ выхода октябрьской книжки «Вѣстника Европы», въ которой напечатана его поэма «Драконъ», рассказъ XII вѣка, переведенный имъ съ итальянскаго. Пока это первое посмертное его произведение. Графъ А. К. Толстой, какъ извѣстно, долгое время былъ боленъ и лѣчился за границей, но, тѣмъ не менѣе, въ его бумагахъ найдется много законченныхъ вещей, которыя почему-нибудь еще не попали въ печать. Слѣдуетъ надѣяться, что вскорѣ мы познакоимся со всеми посмертными произведеніями нашего поэта, и не только посмертными... Полное собраніе сочиненій А. К. Толстого настоятельно необходимо; первое собраніе его стихотвореній вышло въ 1867 году; съ тѣхъ поръ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, и особенно въ «Вѣстникѣ Европы», появилось много новыхъ его произведеній, въ томъ числѣ и драмы изъ русской исторіи. Все это разбросано, не приведено въ порядокъ, и, конечно, для характеристики графа А. К. Толстого, какъ поэта, полное собраніе его стихотвореній рѣшительно необходимо.

Последняя его поэма «Драконъ» написана въ формѣ легенды и, во всякомъ случаѣ, не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ его пера, хотя энергическій и правильный стихъ, счастливыя и мѣткія выраженія, строго величавый тонъ поэмы и превосходныя отдѣльныя мѣста ясно указываютъ, что талантъ графа А. К. Толстого не утратилъ

*) «Голось», 1875 г., № 279.

ни своей свѣжести ни своей силы. Содержаніе поэмы взято изъ войнъ гвельфовъ и гибеллиновъ. Разказъ ведется отъ лица гвельфа Арнольфо. Арнольфо съ гвельфомъ Гвидо отправляются по ущельямъ въ Кьявенну, чтобы предупредить своихъ друзей о движеніи гибеллиновъ. Они сбиваются съ пути и тутъ, среди ущелья, видятъ огромное чудовище—дракона, видятъ, какъ безобразное чудовище, потревоженное въ своемъ снѣ, поднимается, спускается со скалы на поляну, гдѣ наканунѣ происходило сраженіе:

Разбросаны внизу еще лежали
Тѣла друзей и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали
Отсвѣчивалъ межъ злаковъ полевыхъ,
И сыты сидѣли птицы праздно
На кучкахъ тѣлъ и бронихъ боевыхъ.

Драконъ спустился на поляну и, спугивая птицъ, сталъ пожирать тѣла мертвыхъ гвельфовъ.

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзѣнье,
Когда надъ кровью скорчившійся змѣй,
Жуя тѣла, кривился въ наслажденьи;
И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтріи къ намъ часто долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей...

Потомъ онъ исчезъ во мракѣ. Когда, съ разсвѣтомъ, гвельфы рѣшились продолжать путь и достигли, наконецъ, желанной цѣли, то, къ ужасу, увидѣли, что Кьявенна была занята гибеллинами. Арнольфо и Гвидо своимъ присутствіемъ и патриотизмомъ воодушевили павшій духъ гвельфовъ и повели ихъ на Миланъ. Но никакія усилія не помогли, настала послѣдній часъ Италіи: Миланъ былъ взятъ, Брешья безъ обороны сдалась германцамъ, и поняли тогда они, зачѣмъ предъ ними

Явился тотъ прозорливый драконъ,
Когда мы шли Кьявенскими горами:
Ужасное было знаменіе онъ;
Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча,
Начало долгихъ горестныхъ временъ!
Тотъ змѣй, что, все глотая или увѣча,
Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
Былъ Кесаря свирѣпаго предтеча!

Окончивъ свой разказъ, Арнольфо обращается къ слушателямъ:

«Проклятыя жъ вамъ, поддѣльные друзья,
 Что языкомъ клялись служить свободѣ,
 Внутри сердце измѣну ей тая!
 Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянута въ народѣ,
 И да звучать позоромъ вѣковымъ
 Названья ваши: Асти, Реджи, Лади!
 Вы, чрезъ кого во прахѣ мы лежимъ,
 Пьяченца, Коли, Мантуа, Кремона!
 Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,
 Призвали въ край германскаго Дракона!»

Эта нота мрачнаго и страстнаго патріотизма Италіи среднихъ вѣковъ великолѣпно сохранена въ поэмѣ и еще рельефнѣе выдается вслѣдствіе формы дантовскихъ терцетовъ, употребленной графомъ А. К. Толстымъ. Сверхъ того, поэтъ умѣлъ выдвинуть въ патріотическомъ разсказѣ особенности страстной натуры итальянца, которая сильнѣе всего проявляется въ политическихъ движеніяхъ Италіи и которая, сохранившись неприкосновенною до послѣдняго времени, привела къ освобожденію Италіи. Въ этомъ отношеніи поэма графа А. К. Толстого замѣчательное произведение; мы не знаемъ, насколько она переводъ, но, во всякомъ случаѣ, русскій поэтъ умѣлъ выдержать торжественно-страстный тонъ подлинника и выдѣлить особенности итальянской природы и времени.

Эта способность чутко отзываться на требованія времени и умѣніе объективно относиться къ поэтическому матеріалу можетъ, до извѣстной степени, характеризовать всю литературную дѣятельность покойнаго графа А. К. Толстого. Онъ вполне обладалъ этой чуткостью, и всякое новое произведение его было какъ бы отвѣтомъ на новый вопросъ времени; а если въ этомъ отношеніи и встрѣчались у него уклоненія, то это обнаруживаетъ только разладъ, весьма естественный и легко объясняемый условіями нашей общественной и политической жизни. Разладъ этотъ — явленіе, весьма характерное въ Россіи. Нигдѣ онъ не проявляется такъ рѣзко, нигдѣ онъ не приводитъ къ такимъ печальнымъ результатамъ, нигдѣ онъ не ведетъ за собою такой вражды, нигдѣ не является такимъ тормозомъ общественной жизни. Кажется, точно умственная преемственность внезапно оборвана, а между предшествующимъ звеномъ и послѣдующимъ лежитъ цѣлая пропасть непримиримыхъ антипатій... Въ Западной Европѣ эта преемственность является нормой умственной жизни и,

обновляя старыя силы, поддерживаетъ новыя. Въ Россіи же общественныя теченія такъ быстро и внезапно мѣняются, что умственная преемственность утрачиваетъ свою силу, и между новыми направленіями и прежними представителями является почти непримиримый теоретическій разладъ. Что вчера еще казалось истиной, то сегодня представляется ложью или, по крайней мѣрѣ, ошибкой. Умственная жизнь, какъ-будто, круто и рѣзко сворачиваетъ на новую дорогу, покидая пройденный путь, забывая результаты, уже добытые, не пользуясь опытомъ прежняго... Конечно, на это существуютъ причины, лежащія въ особенномъ складѣ нашей общественной жизни, въ недостаткѣ исторической традиціи, на который такъ жаловались московскіе славянофилы; но не слѣдуетъ ли также искать причинъ этого разлада, по крайней мѣрѣ — отчасти, въ самомъ складѣ русскаго національнаго характера, не выработавшаго себѣ до сихъ поръ общей психической нормы и вначалѣ необыкновенно легко поддающагося общимъ явленіямъ, а позже чрезвычайно склоннаго къ умственной неподвижности?

Графъ А. К. Толстой, ни по характеру своего таланта ни по особенностямъ своей натуры, не принадлежитъ ни къ упорнымъ поклонникамъ старыхъ идеаловъ, ни къ легковѣрнымъ поклонникамъ новыхъ порядковъ. Онъ стоитъ какъ бы на рубежѣ двухъ умственныхъ эпохъ Россіи, примиряя обѣ эпохи и внушая довѣріе обѣимъ. Что въ немъ существовали противорѣчія, которыя онъ не въ состояніи былъ примирить, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Стоитъ только вспомнить извѣстное стихотвореніе «Пантелей-цѣлитель» и сопоставить его рядомъ со многими другими стихотвореніями совершенно другого направленія. Къ тому же, графъ А. К. Толстой былъ юмористъ, и это — вторая особенность его таланта, выражавшаяся въ концѣ его литературной дѣятельности ѣдкой и злою сатирой, какъ вначалѣ она обнаруживалась безобидною шуткой...

Х. У. З.

Литература и жизнь *).

Графъ А. К. Толстой. Полное собраніе его стихотвореній. Спб. 1876 г., два тома, съ портретомъ и fac-simile автора. Его же. Драматическая трилогія: „Смерть Иоанна Грознаго“, „Царь Федоръ Иоанновичъ“, „Царь Борисъ“. Спб. 1876 года. Его же. „Князь Серебряный“, повѣсть времянъ Иоанна Грознаго. Спб. 1869 г.

Есть на свѣтѣ цѣлый и даже многочисленный классъ ходячихъ приговоровъ, ходячихъ общихъ мѣсть, Богъ знаетъ гѣмъ выдуманныхъ и пущенныхъ въ обращеніе, Богъ знаетъ почему нашедшихъ себѣ пріютъ въ умахъ людей и авторитетъ неоспоримой истины, а между тѣмъ, лишенныхъ равно и разумнаго основанія и фактической подкладки. Къ такимъ общимъ мѣстамъ принадлежатъ фразы: «нашъ матеріальный вѣкъ», или «нашъ прозаическій вѣкъ», или «нашъ вѣкъ, поклоняющійся исключительно деньгамъ»—фразы, нерѣдко встрѣчаемыя въ печати и еще болѣе употребительныя въ устной формѣ. Приговоръ надъ сѣтованіями этого рода давно уже сдѣланъ графомъ Львомъ Толстымъ, который вложилъ ихъ въ уста самаго тупоумнаго изъ дѣйствующихъ лицъ «Войны и мира» — Берга, и при этомъ знаменательно прибавилъ отъ себя, что Бергъ говорилъ по обыкновенію ограниченныхъ людей, которые воображаютъ, что они разгадали свое время и стали выше его (цитирую на память и, вѣроятно, не совсѣмъ точно).

Нѣтъ, вѣкъ нашъ, слава Богу, изобилуетъ родниками поэтическаго вдохновенія, не терпитъ недостатка въ поэтахъ, не казнить ни равнодушіемъ ни пренебреженіемъ. Недавно умеръ одинъ изъ самыхъ блестящихъ поэтовъ современной Россіи, — ему посвященъ настоящій очеркъ, — и смерть его была встрѣчена, какъ общее горе, какъ личная утрата для

*) «Голосъ», 1876 г., №№ 131 и 132.

каждаго изъ читающихъ русскихъ. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой можетъ служить живымъ примѣромъ, что публика умѣетъ сочувственно относиться не только къ тенденціозной беллетристикѣ, но и къ чистой поэзіи, отрѣшенной отъ всякой «злобы дня». Въ его произведеніяхъ, за весьма немногими, хотя и весьма рѣзкими и вѣскими исключеніями (о которыхъ рѣчь впереди), нѣтъ и слѣда того, что у насъ принято называть то «гражданскимъ мотивомъ», то «общественнымъ содержаніемъ», то, наконецъ, просто «содержательностью». Вопреки избранному имъ роду литературы, графъ Алексѣй Толстой постоянно имѣлъ успѣхъ, даже громкій успѣхъ. Достигнуть той ступени славы, на которой онъ стоялъ, и во время восхожденія не прибѣгать ни къ какимъ постороннимъ искусству приманкамъ, ни къ какому «знамени» консервативной или либеральной партіи — это доступно только истинному таланту. Дѣйствительно, талантливость рѣдкая, блестящая талантливость — вотъ что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи Толстого. Я люблю употреблять слово талантъ въ смыслѣ противоположномъ «генію». Геній обладаетъ содержаніемъ: его признакъ — сильная и глубокая мысль, смѣлость, широкой размахъ, полная самобытность. Талантъ владѣетъ формой: его признакъ — подкупающая внѣшность, умѣніе отгадывать то, что другіе понимаютъ лишь послѣ долгихъ объясненій, находчивость, легкость и непринужденность работы, иногда также (но не всегда) быстрота работы и плодовитость. Геній немислимъ безъ таланта, но онъ встрѣчается при относительно низкой степени таланта; наоборотъ, талантъ безъ генія бываетъ очень часто. Итакъ, въ графѣ Алексѣѣ Толстомъ поражаетъ, прежде всего, именно щегольская внѣшность, обиліе средствъ, оборотовъ, формъ, находчивость при разрѣшеніи самыхъ разнообразныхъ задачъ, непримѣтность усилія и, въ связи съ этимъ, постоянная грація и изящество. Такимъ представляется онъ мнѣ; такимъ же, большею частью, рисовала его критика и при жизни. Самъ онъ, вѣроятно, сознавалъ эту особенность своей природы, вслѣдствіе чего широко пользовался ею для подражаній и переодѣваній, облакаясь, поочередно, то въ доспѣхи русскаго богатыря, то въ черную рясу схимника, то, наконецъ (и рѣже всего), въ сюртукъ современнаго публициста. Оказалось, что всѣ костюмы Толстому къ-лицу; что во всякомъ изъ нихъ его красивая, по-

родистая, изящная фигура не только является привлекательною, но и производит полную иллюзію. Дотога доходила иллюзія, что, убѣдившись въ своей силѣ, поэтъ подь конецъ жизни началъ съ самымъ серьезнымъ видомъ шутить надъ читателемъ шутки. Подобно Пушкину, переведшему одну изъ своихъ поэмъ съ несуществующаго англичанина Ченстона, графъ Алексѣй Толстой создалъ итальянскаго анонима XII столѣтія и съ него перевелъ своего Дракона — рассказъ, въ которомъ дантовскій тонъ скопированъ съ такою виртуозностью и точностью деталей, что многіе читатели попались въ ловушку и увѣровали въ существованіе анонима XII столѣтія. Такая неограниченная способность къ подражанію невольно вызываетъ обладателя на поэтическія шалости, на пародіи: извѣстно, что Толстой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ постояннымъ вкладчикомъ въ товарищество пародистовъ, принявшихъ общій псевдонимъ Кузьмы Пруткова. Будущій библиографъ, будущій историкъ литературы, быть-можетъ, найдетъ возможнымъ опредѣлить, какія именно комедіи, оперы, басни, эпиграммы и другія безсмертныя произведенія Кузьмы Пруткова принадлежатъ перу Толстого; авторъ настоящихъ строкъ не имѣетъ для этого никакихъ данныхъ, но считалъ необходимымъ заявить о фактѣ, прибавляющемъ ко всемъ составнымъ частямъ литературной физіономіи творца Дамаскина еще такую, о которой нельзя себѣ составить и приблизительного понятія по серьезнымъ произведеніямъ, подписаннымъ полною фамиліей автора.

Какая же внутренняя жизнь кроется подь этою протеевски-измѣнчивою одеждою? Какая же собственная, постоянная нота звучитъ и прорывается сквозь это разнообразное попури чужихъ, мастерски-усвоенныхъ мотивовъ?

Нерѣдко могло казаться, что этой своей ноты на лирѣ Толстого не было вовсе. Онъ представляетъ явленіе, возможное какъ со своими достоинствами, такъ и со своими недостатками, только въ вѣкъ высоко-цивилизированный. Рѣдкій русскій писатель обладалъ такимъ обширнымъ, прекрасно законченнымъ образованіемъ, какое видѣется въ каждой строкѣ, написанной Толстымъ; но онъ, какъ многіе люди нашего вѣка, постоянно находился подь бременемъ своей собственной начитанности. Онъ былъ полонъ того, что музыкальные композиторы называютъ «воспоминаніями», т.-е.

обломковъ и лоскутовъ чужихъ мыслей, эффектовъ, пружинокъ, поразившихъ его воображеніе и сохранившихся въ его памяти. Само-собою, что при меньшей податливости и неустойчивости натуры, при такомъ самобытномъ складѣ таланта, какимъ обладаетъ, на примѣръ, знаменитый однофамилецъ графа Алексѣя Толстого, эти чужіе обломки, продолжая жить въ памяти поэта, не врывались бы въ его собственное творчество, не подавляли бы собою продуктовъ его собственнаго изобрѣтенія. Но у графа Алексѣя Толстого съ огромною воспримчивостью воображенія соединялась именно неустойчивость, если можно такъ выразиться, женственность творчества, при которой онъ рождалъ легко, но въ творческомъ актѣ, все-таки, занималъ положеніе пассивное. Примѣрами того, что я здѣсь утверждаю, могутъ служить: Серебряный и Донъ-Жуанъ: Донъ-Жуанъ — отчасти Серебряный же — отъ доски до доски. Вся техника историческаго романа, какъ мы ее видимъ въ Серебряномъ, взята у Вальтеръ-Скотта (за исключеніемъ узла завязки, который у шотландскаго романиста всегда завязывается необычайно ловко и искусно, такъ что любопытство читателя, вначалѣ ничтожное, растетъ съ каждою главой; у русскаго же писателя этотъ узелъ не существуетъ вовсе; въ этомъ отношеніи Серебряный скорѣе походитъ или на Лесажева «Жиль-Блаза», или на первую часть «Мертвыхъ душъ», т.-е., составляетъ рядъ разрозненныхъ приключеній, связанныхъ только единствомъ лицъ). То же безукоризненное соблюденіе костюма, то же щеголяніе археологіей, та же хронологическая *licentia poetica*, то же извиненіе за нее въ предисловіи, тотъ же герой, молодой и доблестный, смазливый и ограниченный, джентльменъ съ головы до пятъ, способный скорѣе дать себя изрубить, нежели нарушить свое рыцарское слово; то же изобиліе ѣды и питья; тотъ же умѣренно употребленный элементъ сверхъестественнаго съ колдовствомъ и ворожбою. Фотографическое сходство до того, что на первой страницѣ первой главы мы видимъ молодого героя въ дорогѣ, какъ Квентина Дёрварда, и притомъ верхомъ на конѣ, какъ Гай — Меннеринга. «Ни одинъ характеръ, — справедливо замѣтилъ недавно критикъ «Дѣла г. Языковъ, — не представляется живымъ и законченнымъ, и даже главный герой романа, князь Серебряный, похожъ на ярко-расписанную куклу». Вполнѣ соглашаясь съ этимъ

мнѣніемъ, я только, вмѣсто «и даже», предпочелъ бы сказать «болѣе всѣхъ». Въ результатѣ Князь Серебряный, на котораго поэтъ потратилъ много чтенія, много изысканій, вышелъ произведеніемъ грубымъ и тривіальнымъ, и Толстой, со своимъ европейскимъ образованіемъ, отъ природы тонкимъ и строгимъ вкусомъ, не могъ не почувствовать этого самъ. «Романъ мой очень любимъ низшими классами», пишетъ онъ презрительно де-Губернатису. Можно любить простолюдина, можно сочувствовать его суровой долѣ, но едва ли можно видѣть въ немъ литературнаго судью.

Еще болѣе Серебрянаго любимъ «Милославскій», а еще болѣе «Милославскаго» — «Аглицкій милордъ». Толстой былъ аристократомъ еще болѣе по душевному складу, чѣмъ по крови, и потому вышеприведенный отзывъ его о своемъ романѣ свидѣтельствуеъ о несомнѣнномъ неудовольствіи на себя.

Нигдѣ нельзя отыскать слѣдовъ такой же нелюбви его къ своему *Донъ-Жуану*, который содержитъ яркія поэтическія красоты; но, въ отношеніи «воспоминаній» чужихъ мотивовъ и ситуаций, здѣсь повторяется опять то же. Начать съ того, что по всей концепціи *Донъ-Жуанъ* — прямой потомокъ Гётева «Фауста»: такъ же вмѣшиваются въ дѣла людскіе олицетворенные принципы добра и зла; такъ же спорять о спасеніи души героя вначалѣ и оставляютъ вопросъ открытымъ; такъ же сражаются въ концѣ, при чемъ такъ же торжествуетъ добро. Но, что всего важнѣе, самъ *Донъ-Жуанъ* — Гётевъ Фаустъ, или, если хотите, самъ Гёте въ молодости; его женолюбіе, кокетство, сладострастіе, талантъ къ побѣдамъ — словомъ то, что извѣстно подъ техническимъ терминомъ «донжуанства» и чѣмъ онъ, повидимому, походитъ на героевъ Мольера, да-Понте и Пушкина — только форма, въ которую у него облечено ненасытное, чисто-фаустовское стремленіе къ познанію, къ власти, къ идеалу. Скабрзное содержаніе, которое въ другихъ «*Донъ-Жуанахъ*» такъ сильно (у Байрона дотого, что превозмогло самый сюжетъ, уничтожило легенду и претворило *Донъ-Жуана* въ Фобласа), у Толстого является только въ качествѣ символа, въ качествѣ личины, маскирующей религіозную и философскую идею. Только Лепорелло, для приличія, говоритъ нѣсколько неприличныхъ остротъ: иначе ужъ совсѣмъ не было похоже. Настоящая идея «*Донъ-Жуана*» находится въ словахъ, ко-

торами сатана характеризуетъ героя (въ сценѣ на кладбищѣ, въ спорѣ съ ангелами):

Онъ сердится на ложь—сердиться воленъ всякъ.
 Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ пристала,
 Что отскоблить ее нельзя никакъ!
 А онъ скоблить съ плеча, да ужъ едва ли
 Насквозь не проскоблilъ всѣ истины скрижали.
 Не вѣрить на-слово онъ никому ни въ чемъ;
 Въвовъ работу предпринявъ сначала,
 Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,
 Своимъ изслѣдовать умомъ.

Кто не узнаетъ въ подчеркнутыхъ мною словахъ знаменитой характеристики Фауста Мефистофелемъ, въ «прологѣ на небѣ»?

Донъ-Жуанъ Толстого, конечно, преслѣдуетъ дону-Анну; если бъ не было и этого, то оставалось бы одно: прямо назвать его Фаустомъ. Но это донжуанство чисто индифферентное. Для сравненія возьмемъ противоположную крайность, именно героя да-Понтевской оперы *),—характеръ поверхностный, развращенный, аматёръ невзыскательный даже въ отношеніи наружности: «была бы юбка», циничски говоритъ Лепорелло о минимумѣ его требованій. Этого да-Понтевскаго донъ-Жуана отъ пошлости спасаетъ только одно качество: онъ несомнѣнный «дворянинъ», т.-е., въ переводѣ, онъ твердо знаетъ, когда вынимать и когда не вынимать шпагу. Мужество сообщаетъ ему поэтический ореолъ. Дуэли и личная храбрость героя перешли отъ первообраза и въ драму Толстого; но порочность донъ-Жуана объясняется свысока:

А, кажется, я понималъ любовь!
 Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
 Которое, два сердца соединивъ,
 Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
 Она меня родила со вселенной,
 Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
 Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
 Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
 Чудесный строй законовъ бытія,
 Явленій всѣхъ сокрытое начало.
 Я понималъ, что всѣ ея лучи,
 Раскнутые врозь по мірозданью,

*) Музыка Моцарта.

Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ бѣ ссѣдинилъ,
 Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій
 И сжатымъ свѣтомъ ярко бѣ озарилъ
 Моей души неясныя стремленья!
 О, если бы то сердце я нашель!
 Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
 Одно звено той безконечной цѣпи,
 Которая, въ связи со всей вселенной,
 Восходитъ вѣчно выше къ Божеству
 И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
 Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
 О, если бы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
 Хотя бѣ одна сдержала обѣщанье!
 Я имъ не измѣнялъ—нѣтъ, нѣтъ—онѣ,
 Онѣ меня безстыдно обманули,
 Мой идеаль онѣ мнѣ подмѣнили,
 Подставили чужую личность мнѣ,
 И ихъ любить, на мѣсто совершенства—
 Вотъ гдѣ бѣ измѣна низкая была!
 Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
 Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
 Которая являлась въ нихъ сначала...
 И далѣ шелъ, и всюду находилъ
 Одни и тѣ же пошлыя явленья!
 И въ ярости тогда я поклялся
 Любви не вѣрить, ничему не вѣрить...

Есть между лирическими стихотвореніями Толстого одно небольшое—«Слеза горитъ въ твоёмъ ревнивомъ взорѣ», гдѣ, въ нѣсколько другихъ выраженіяхъ, невѣрность въ любви, измѣна и «донжуанство» оправдываются тою же пантеистическою идеей. Совершенно независимо отъ этой идеи, я замѣчу, что въ приведенномъ сейчасъ отрывкѣ монолога называется необыкновенная жестокость и сухость сердца—нѣ что совершенно противоположное характеру чувственныхъ, но благодушныхъ героевъ Байрона. Здѣсь, какъ уже предчувствуется, характеръ Иоанна Грознаго, предчувствуется именно потому, что и Иоаннъ, дѣлая всѣхъ кругомъ себя несчастными, постоянно витійствуетъ объ обидахъ, которыя онъ-де отъ нихъ терпитъ, постоянно хвалитъ и оправдываетъ себя и къ ужасу, возбуждаемому злодѣемъ, такимъ образомъ, прибавляетъ антипатическое впечатлѣніе человѣка, неспособнаго сознать свою неправоту. Но эта злость и сухость сердца, какъ извѣстно, точно такъ же свойственны и Фаусту второй части, которая, вообще, на толстовскаго «Донъ-Жуана» имѣла большое вліяніе. Возвращаясь къ сказанному,

мною объ основной идеѣ поэмы, скажу, что, очевидно, для такого донъ-Жуана несущественно, въ какомъ именно символѣ изъ конкретного міра онъ станетъ искать «всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину». Если онъ, вмѣсто обольщенія невинныхъ дѣвушекъ, займется собираніемъ раковинъ или столоверченіемъ съ «матеріализаціей»—сущность останется та же.

Но сходство съ «Фаустомъ» Гёте не ограничивается общою идеей: оно простирается и на частности. Личность сатаны — буквальный и весьма удачный сколокъ съ Гётева Мефистофеля; это не удивительно, но гораздо любопытнѣе, что въ характеръ донъ-Анны перешло кое-что изъ Гретхенъ. «Мнѣ говорили также про тебя, что ты не уважаешь ни законовъ, ни церкви, ни святыни», робко говоритъ донъ-Жуану влюбленная дѣвушка, очевидно, забывая свою роль и вспомнивъ, какъ Гретхенъ въ саду исповѣдывала Фауста. Пусть мнѣ говорятъ, что для строгой католички нѣтъ ничего естественнѣе подобнаго вопроса; что, любя человѣка, она не можетъ не подумать о спасеніи его души. Все это, можетъ-быть, и такъ; но мотивъ для даннаго момента былъ готскій въ той же драмѣ, изъ которой Толстой почерпнулъ вдохновеніе для общаго плана своей пьесы; для меня важно только то, что, въ данномъ случаѣ, русскій поэтъ не замѣнилъ Гётева мотива своимъ, остался вѣренъ своему нѣмецкому образцу.

Есть такія же воспоминанія и въ Трилогіи. Предсказаніе волхвовъ Годунову, имѣющее рѣшительное вліяніе на его послѣдующую карьеру, дѣлающее изъ него не только честолюбца, но и убійцу, — очевидно, навѣяно Шекспиромъ: точно такую же роль играетъ предсказаніе вѣдьмъ въ «Макбетѣ». И тамъ и тутъ одинаковый фатализмъ и одинаковый драматическій эффектъ. Кстати, напомню о видѣніи въ Князѣ Серебряномъ, когда казенные Иоанномъ бояре являются къ нему, одинъ за другимъ, ночью: эффектъ потрясающій, но цѣликомъ заимствованный изъ «Ричарда III». Считаю, однако, долгомъ оговориться, что, говоря о вѣдьмахъ Шекспира, я ни на минуту не думалъ распространять аналогію дальше: нѣтъ ничего противоположнѣе, какъ смѣлый, простоватый Макбетъ, всегда дѣйствующій подъ чужимъ вліяніемъ, и осторожный, коварный Борисъ, никому неоткрывающійся и для всѣхъ равно непроницаемый. Объ этомъ

характеръ Бориса я буду еще говорить, когда поведу рѣчь о Трилогіи, составляющей, если не самое капитальное, то самое прославленное изъ произведеній Толстого. Чтобы покончить съ «воспоминаніями», укажу еще на тѣ, которыя встрѣчаются въ лирическихъ стихотвореніяхъ Толстого и, притомъ, отличаются такимъ же несомнѣннымъ характеромъ воспоминаній, какъ и приведенныя до сихъ поръ. Мотивъ, особенно часто занимавшій Толстого, особенно часто возвращавшійся въ его стихахъ и притомъ почти всегда выражаемый имъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, блескомъ и богатствомъ красокъ, это — мотивъ шиллеровскаго *Macht des Gesanges* или «Графа Габсбургскаго». (Мотивъ этотъ еродень извѣстной балладъ Гёте «Пѣвецъ» — *Ich singe, wie der Vogel singt* и т. д.) Мотивъ этотъ — культъ поэзіи, культъ свободы искусства, культъ прекраснаго, какъ высшей силы, призванной вносить свѣтъ и теплоту въ жизнь человѣчества, безъ нея скудную, тусклую и пошлую. Знаменательно, что самый мотивъ этотъ (хотя въ его законности и благодарности для искусства не можетъ быть сомнѣнія) предполагаетъ поэзію, сознающую себя, осматривающуюся на себя; знаменательно, что онъ происхожденія чисто литературнаго и немислимъ въ поэзіи, сохранившей непосредственное творчество и первобытную свѣжесть. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ лира, бряцающая хвалу самой себѣ, развѣ поэзія, трактующая о томъ, что поэзія есть нѣчто высокое, — не представляютъ явленія ультра-новѣйшаго, ультра-современнаго. Развѣ здѣсь не высказалась вновь одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ вдохновенія Толстого, которое онъ столько же черпалъ изъ книгъ, сколько и изъ природы? (То же, конечно, слѣдуетъ примѣнить и къ Шиллеру, въ которомъ кабинетный чловѣкъ и литераторъ имѣлъ огромное вліяніе на поэта.)

Эта идея разрослась въ цѣлую поэмую Іоаннъ Дамаскинъ, въ которую Толстой вложилъ своего рода «авторскую исповѣдь», проникнутую рѣдкой горячностью, почти страстностью. Съ разныхъ сторонъ поэта оскорбляютъ требованіями, идущими въ разрѣзъ съ его призваніемъ: сначала хотятъ, чтобъ онъ былъ царедворцемъ, потомъ молчаливымъ траппистомъ; на обѣтъ молчанія онъ, насилуя свою природу, рѣшается изъ христіанскаго смиренія. Но чудесная помощь свыше опять разрѣшаетъ ему уста. Видно, что Толстой необыкновенно принималъ эту свободу. Въ менѣе пыш-

ныхъ и торжественныхъ стихахъ, чѣмъ въ «Дамаскинѣ», но, можетъ-быть, еще съ болѣе порывистымъ увлеченіемъ, не-отразимо охватывающимъ читателя, идея «Macht des Gesanges» сказалась въ Слѣпомъ, этомъ удивительномъ памятникѣ русской лирики, можетъ-быть, самомъ сильномъ изъ всего, сказаннаго Толстымъ. Князь Владимиръ Красное-Солнышко на охотѣ сдѣлалъ привалъ и послалъ за слѣпымъ гусяромъ. Слѣпой оцупью побрелъ къ названному ему мѣсту въ лѣсу и въ сильномъ приливѣ вдохновенія началъ пѣть, остановившись, какъ онъ думалъ, передъ самимъ княземъ. Но Владимиръ, не дождавшись гусяря, поднялся и оставилъ поляну, на которой гусярь поетъ совершенно одинъ. Наконецъ, дубрава прерываетъ его и открываетъ ему горькую шутку, которую сыграли надъ нимъ. Старикъ, вмѣсто того, чтобы оскорбиться, благодушно и величаво отвѣчаетъ:

Ты, гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается,—ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было бѣ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.
Воистину, если бѣ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни бѣ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Чтѣ душу мою охватило!
Пусть по-слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлю князь удовольнѣ!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Занѣ онъ надъ нею не воленъ.
Она какъ рѣка въ половодье сильна,
Какъ росная ночь благотворна,
Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.
Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей, онъ долженъ вѣщать,
Чтѣ слышитъ подвластное ухо.
Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бѣетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода —
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться!
Я мнилъ: эти гусли для князя звучать,

Но пѣсня, по мѣрѣ, какъ пѣлась,
 Невидимо свой расширила охватъ,
 И вольный лился безъ различія ладъ
 Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.
 И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
 Землѣ-государынѣ слава!
 Ручью, что ко слову журчалъ моему,
 Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
 Тебѣ, мать, сырая дубрава!
 И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
 Дай Богъ полеваты имъ не даромъ!
 Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
 Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
 Безъ скорби великимъ боярамъ.

Я до сихъ поръ тщательно собиралъ только такія черты для предпринятаго мною портрета, въ которыхъ называется отсутствіе индивидуальнаго содержанія, отсутствіе своего слова, талантливая измѣнчивость безъ твердой субстанции. Я намѣренно не буду останавливаться на томъ, что одна уже мощь и красота приведенныхъ сейчасъ одушевленныхъ строкъ снимаютъ съ Толстого обвиненіе, которое заключается въ этомъ приговорѣ. Такъ пѣть съ чужого голоса нельзя. Но, какъ бы то ни было, Толстой, дѣйствительно, очень часто находился подъ дѣйствіемъ вдохновенія изъ вторыхъ рукъ или, какъ я позволилъ себѣ выразиться, подъ дѣйствіемъ литературы. Это подало поводъ одному изъ нашихъ судей, П. В. Анненкову, обвинить поэта въ отсутствіи русскаго элемента, исключительно въ западническомъ содержаніи и образованіи. Обвиненіе это чрезвычайно важно. Оно сдѣлано по поводу не тѣхъ произведеній, которыя меня до сихъ поръ преимущественно занимали, а знаменитой хроники Смерть Іоанна Грознаго. Такъ какъ я о Толстомъ, какъ драматургѣ, до сихъ поръ не говорилъ, то перейду къ разсмотрѣнію его драмъ вмѣстѣ съ разборомъ критики г. Анненкова.

Наше время — время историческое, по преимуществу, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ старые учебники географіи дѣлали перечень «историческихъ мѣстъ» во всякомъ государствѣ — не въ смыслѣ достопримѣчательности. Каковы бы ни были внутренніе перевороты, дѣлающіеся гдѣ-то далеко, глубоко, подъ гладкою наружностью политическаго мира, — нельзя отрицать, что внѣшнихъ крупныхъ событій бывало больше: бѣдствія, опасности и подвиги носили въ себѣ грандіозный характеръ. Наше время — историческое потому, что

никогда не было столько писателей, одаренныхъ чутьемъ къ прошлому, вѣрнымъ тактомъ въ его оцѣнкѣ и мастерствомъ въ его описаніи. А это пробужденіе историческихъ талантовъ, одновременное во Франціи, въ Германіи, Англии и Сѣверной Америкѣ, въ свою очередь, объясняется почти повсемѣстнымъ расширеніемъ рамокъ общественной жизни, призывомъ общества, прежде коснаго и пассивнаго, къ самоуправленію и необходимостью для самого общества вдуматься въ свое строеніе и историческое происхожденіе.

Между всеми частными явленіями, вызванными этимъ почти внезапнымъ расцвѣтомъ историческихъ знаній и искусства исторіографіи, быть-можетъ, наименѣе посчастливилось исторической драмѣ.

Вообще, XIX вѣкъ неблагопріятенъ драмѣ: слишкомъ великъ перевѣсъ таланта на сторонѣ лириковъ, слишкомъ великъ численный перевѣсъ романовъ, если не всегда геніальныхъ, то хорошихъ. Но если поэзія нашего времени обнаруживаетъ мало драматизма, то можно съ одинаковымъ правомъ сказать, что графъ А. Толстой, этотъ человекъ XIX вѣка *par excellence*, не былъ рожденъ драматургомъ. Истинный перлъ всей его трилогіи — лирической пассажъ, именно разсказъ датскаго королевича о впечатлѣніяхъ его дѣтства (въ «Царѣ Борисѣ»). Здѣсь нѣтъ ничего дѣланнаго, ничего сухого и разсудочнаго: здѣсь чувствуется поэтическая и здоровая атмосфера сѣдого, бурнаго сѣвернаго моря и молчаливаго, темнѣющаго сосноваго бора — та простая героическая обстановка, которую мы научились любить въ норманскихъ балладахъ графа Толстого и въ которой онъ такъ чувствуетъ себя дома.

Смерть Іоанна Грознаго была представлена на сценѣ и имѣла большой успѣхъ, несмотря на то, что самые сильные бойцы театральной арены не могли преодолѣть громадной трудности главной роли. Эта неудача, преслѣдовавшая даже такого тонкаго, умнаго художника, какъ В. В. Самойловъ, такой самородный оригинальный талантъ, какъ П. В. Васильевъ, заставила сказать покойнаго Щербину: «Талантливыхъ вашихъ актеровъ, навѣрное, тѣмъ не обижу, когда бы я правду въ глаза имъ сказалъ, что Павла Васильевича видѣлъ, Василья Васильевича вижу, Ивана жъ Васильевича я не видалъ».

Но, вопреки насмѣшкамъ и остромамъ театраловъ, Смерть Іоанна Грознаго имѣла успѣхъ и, навѣрно, знакома не одной тысячѣ людей, которые никогда не слышали и не услышатъ о «Гаральдѣ и Ярославнѣ». Успѣхъ этотъ объясняется содержаніемъ. Толпѣ было ново видѣть страшную и всѣмъ столь извѣстную фигуру царя Іоанна на сценѣ; хорошая обстановка пьесы и историческая точность самого графа Толстого довершили остальное. Его обычный талантъ не покинулъ его и при созданіи Смерти Іоанна Грознаго, но онъ выказалъ слабыя стороны, которыхъ никогда не бывало въ его лирическихъ стихотвореніяхъ. Если бъ вся трилогія была выдержана въ стилѣ первой и наиболѣе извѣстной ея трети, то можно было бы сдѣлать о графѣ Толстомъ-драматургѣ очень невыгодное представленіе. Это-то преждевременно-невыгодное представленіе и сказалось въ статьѣ г. Анненкова, написанной ровно десять лѣтъ назадъ («Вѣстникъ Европы», годъ 1-й, книга 1-я), т.-е. сейчасъ же по выходѣ въ печать «Смерти». Оставляя въ сторонѣ ироническія похвалы «отвагѣ» и «удальству», съ которыми поэтъ плаваешь-де по морю исторической фантазіи, я здѣсь долженъ остановиться на упрекѣ за лицо Бориса, въ которомъ г. Анненковъ видитъ, не болѣе не менѣе, какъ картоннаго злодѣя, какъ «призракъ», который, «когда кончается драма, разсѣивается, какъ дымъ, и еще полнѣе, чѣмъ дымъ, ибо послѣдній, все-таки, не пропадаетъ въ общей экономіи природы, между тѣмъ какъ ложное созданіе уничтожается все цѣликомъ, безъ остатка». Борисъ уже потому не разсѣивается, что онъ появляется еще дважды, именно, въ Царѣ Федорѣ и въ Царѣ Борисѣ. Я этимъ разумѣю, конечно, не печатныя странички, на которыхъ имя Годунова появляется еще столько-то десятковъ разъ, а то психологическое развитіе, которое дано Борису поэтомъ въ продолженіе трилогіи и которое въ двухъ первыхъ ея драмахъ составляетъ загадку, и ключъ къ этой загадкѣ имѣется только въ Царѣ Борисѣ. На вершинѣ могущества и счастья, въ день коронаціи, Борисъ испускаетъ усталый и въ то же время довольный вздохъ человѣка, принесшаго громадныя жертвы для цѣли рискованной и отдаленной и, вопреки своимъ опасеніямъ, очутившагося, наконецъ, у самой этой цѣли, дальше которой уже почти ничего не остается желать. («Царь Борисъ», дѣйствіе первое.)

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
 Держу бразды русійскія державы!
 Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
 Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ—
 И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
 Меня теперь, что не прямой дорогой
 Я къ цѣли шель? Кто урекнетъ меня,
 Что чистотой души не усумнился
 Я за Руси величье заплатить?
 Кто, вспомни Русь царя Ивана, нынѣ
 Проклятiе за то бы мнѣ изрекъ,
 Что для ея защиты и спасенья,
 Не пожалѣлъ ребенка я отдать
 Единого? Мнѣ надушу не разъ
 Ложилося камнемъ темное то дѣло,
 И думалъ я: что если не достигну,
 Чего хочу? Что если грѣхъ тотъ даромъ
 Я совершилъ? Но нѣтъ! судьба меня
 Не выдала! Я съ совѣстію счета
 Сегодня свель—и не боюсь поставить
 Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
 Могу теперь идти стезею чистой!
 Прочь отъ меня притворство и обманъ!
 Черезъ пропасти и смрадные болота
 Къ престолу днесъ меня приведшій мостъ
 Ломаю я! Разорвана отнынѣ
 Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
 Кромѣшной тьмы—сіяетъ солнце снова—
 И держитъ скиптръ для правды и добра
 Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Вы такъ и чувствуете въ этихъ поэтическихъ словахъ, какъ бывшій участникъ злѣйшаго и безмысленнѣйшаго деспотизма, бывшее орудіе всеильнаго злодѣя, бывшій виновникъ, въ пору своей начинавшейся власти, одного изъ возмутительнѣйшихъ преступленій, память о которомъ не перестаетъ его тревожить, — вы такъ и чувствуете, какъ этотъ человѣкъ, впервые взобравшійся на альпійскую высоту, жадно вбираетъ въ себя непривычный, чистый, разрѣженный воздухъ. Какъ деталь, монологъ этотъ, конечно, очень поэтиченъ и психологически вѣренъ. Какъ цѣльную постройку, я вовсе не намѣреваюсь защищать отъ г. Анненкова характеръ толстовскаго Бориса. Припомню по этому поводу чье-то очень тонкое замѣчаніе о римскомъ Суллѣ. Историки любятъ изображать знаменитаго «счастливица» тончайшимъ и дальновиднѣйшимъ интриганомъ, въ самой ранней молодости состав-

вившимъ себѣ планъ той изумительной карьеры, которую ему впослѣдствіи удалось сдѣлать, какъ бы назло всѣмъ римскимъ учрежденіямъ и всей предыдущей римской исторіи. «Напрасно, говоритъ мой авторъ, будемъ мы строить идеальныя фигуры людей, у которыхъ каждый шагъ жизни разсчитанъ за тридцать, за сорокъ лѣтъ впередъ; настоящая жизнь гораздо проще и не оправдываетъ такихъ головныхъ выкладокъ. Сулла былъ необыкновенно даровитый человекъ, игрокъ равно смѣлый и хладнокровный, притомъ безъ всякой совѣсти, безъ всякихъ нравственныхъ преградъ, обстоятельства ему не мѣшали, а въ рѣдкой степени благопріятствовали, и онъ шелъ себѣ все впередъ и впередъ, пока не очутился тамъ, гдѣ до него не былъ ни одинъ римлянинъ». Нѣчто подобное, думаю я, слѣдуетъ принять для всѣхъ выдающихся карьеристовъ исторіи, вплоть до Наполеона I: всѣ они не только кузнецы своего счастья, но счастье, въ свою очередь, ихъ «куетъ».

Разсудочность, которой почти незамѣтно въ лирическихъ стихахъ Толстого, въ его трилогіи играетъ огромную роль: онъ выдумываетъ характеры и, въ слѣдствіе этого, дѣйствительно, г. Анненковъ имѣетъ право утверждать, что характеры эти—«призраки». Но при этомъ, къ счастью, въ трилогіи господствуетъ удивительная нервность. На ряду съ правдоподобно-умнымъ и невѣроятно-дальновиднымъ Борисомъ, Толстой, во второй пьесѣ трилогіи, начерталъ одинъ характеръ дотою смѣлою и могучею рукой, что передъ нимъ (и только передъ нимъ) невольно задумываешься упрекать Толстого въ неспособности лѣпить индивидуальныя фигуры. Этотъ образъ не кто иной, какъ царь Ѳеодоръ. Не могу выразиться иначе: это созданіе смѣлое дотою, что читателю страшно становится за автора. Толстой захотѣлъ, такъ-сказать, ввести Диккенса въ трагедію, сдѣлать центромъ трагической фабулы диккенсовскаго младенца, недужнаго, наивнаго, набожнаго, восторженно-добраго, евангельски-кроткаго. Онъ не побоялся откровенно сказать намъ, что герой его, хотя взрослый, но ограниченъ умомъ до младенчества; онъ не побоялся нѣсколько разъ сряду выставить его въ смѣшномъ свѣтѣ, показать намъ во всей плоскости этого царя, безъ царя въ головѣ, этого повелителя народовъ съ семью пятницами на недѣлѣ; онъ не побоялся нѣсколько разъ вызвать улыбку читателя, и улыбку самую нелестную

для героя; онъ разсчитывалъ, что, въ концѣ-концовъ, читатель обольется слезами, и, насколько меня не обманываетъ мое нравственное и эстетическое чувство, онъ былъ тысячу разъ правъ. Пусть Федоръ Ивановичъ и ограниченъ, и суетливъ, и капризенъ, и ребячески самонадѣянъ, но въ его сердцѣ такой неистощимый запасъ любви, такая дѣтская непорочность и такая чарующая кротость, что онъ имѣетъ полное право сказать Борису, чтобы тотъ предоставилъ ему дѣла, гдѣ требуется не политика, а простая, добрая душа. Передъ этимъ лицомъ все остальные, и между ними даже симпатичная, но черезчуръ идеальная царица «Ариушка», какъ зоветъ ее Федоръ, блѣднѣютъ. Но драматическая способность проявилась у Толстого въ другой, согласно его натурѣ, внѣшней сторонѣ дѣла, именно въ умѣннѣ пользоваться сценой. Здѣсь даже г. Анненковъ, столь мало довольный его эстетическимъ приѣмомъ и его обращеніемъ съ исторіей, принужденъ сказать, что онъ «еще не встрѣчалъ въ русской литературѣ такого ловкаго, мастерскаго и вмѣстѣ бойкаго приложенія обычныхъ формъ западно-европейской драмы къ русскому міру, его исторіи, преданіямъ и быту.

Перехожу къ итогу, который выводитъ г. Анненковъ изъ разбора Смерти Іоанна Грознаго, такъ какъ возбужденный критикомъ вопросъ имѣетъ большой интересъ и данный имъ отвѣтъ, какъ оказывается, многими былъ принятъ на вѣру.

Г. Анненковъ пытается объяснить недостатки и достоинства, равно усматриваемые имъ въ драматической хроникѣ Толстого, тѣмъ афоризмомъ, что авторъ Іоанна Дамаскина вообще не русскій поэтъ, а писатель западный; что онъ, другими словами, не имѣетъ національности, что онъ общечеловѣкъ. Эта мысль, высказанная безъ околичностей, имѣла большой успѣхъ и черезъ десять лѣтъ послѣ своего появленія на свѣтъ помогла г. Языкову написать большую статью въ «Дѣлѣ», не только озаглавленную «Поэтъ-космополитъ», но и исключительно наполненную амплификаціей опредѣленія, что нашъ поэтъ—космополитъ. Охотно признаю, что въ нашей современной литературѣ не много найдется экзептровъ для рѣшенія вопроса, гдѣ «русскій духъ», гдѣ «Русью пахнетъ», которые имѣли бы на это званіе болѣе права, чѣмъ біографъ великаго поэта, впервые постигнаго тайну «русскаго духа» и раскрывшаго намъ эту тайну ча-

рующими гармоніями своихъ безсмертныхъ стихотвореній. Но, тѣмъ не менѣе, способъ разрѣшенія вопроса, предлагаемый г. Анненковымъ, кажется мнѣ невѣрнымъ. Толстой—пѣвецъ цѣлаго ряда былинь и балладъ, которыя не только по языку, но по внутреннему содержанію (свѣтлому, бодрому, мужественному духу, пластической силѣ и богатой чувственной прелести) дотого полны «русскаго» элемента, что нельзя даже указать произведеній, болѣе русскихъ, хотя бы пришлось искать народнаго «духа» у самого Островскаго. То же самое слѣдуетъ отмѣтить и о мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ. Если бъ нашъ поэтъ не написалъ ничего, кромѣ тѣхъ четырнадцати строчекъ, которыя начинаются стихомъ: Ой, кабъ Волга-матушка да вспять побѣжала!, то и тогда бъ критику пришлось призадуматься, прежде чѣмъ изречь, что Алексѣй Толстой не русскій. Въ его лирическихъ стихахъ на каждомъ шагу раскинуты не только слова и обороты, показывающіе, что онъ глубоко постигъ духъ русскаго языка, но и мысли и образы, свидѣтельствующіе о самомъ несомнѣнномъ родствѣ поэта съ тою чисто-національною струей творчества, которая течетъ по прямой линіи отъ древнѣйшихъ народныхъ пѣсень до Пушкина.

Не лучше ли сказать, что въ графѣ Алексѣѣ Толстомъ, со всѣми его переодѣваніями, превращеніями и аватарами, сказалась одна изъ несомнѣнныхъ особенностей русскаго челоука, т.-е. именно эта способность къ переодѣваніямъ, превращеніямъ и аватарамъ.

Извѣстно, что мы очень легко учимся новѣйшимъ языкамъ. Мало того, что у насъ органы рѣчи устроены какъ-то по особенному, такъ что мы можемъ отлично усваивать себѣ какое-угодно произношеніе, и у насъ равно превосходно выходятъ и гнусавые французскіе, и пѣвучіе итальянскіе, и шипящіе англійскіе звуки, но ежедневный опытъ показываетъ, что не менѣе успѣшно овладѣваемъ мы и формами, идиотизмами, наконецъ, самымъ духомъ любого языка. Тогда какъ французъ или нѣмецъ изучаетъ иностранный языкъ, большею частію, для чтенія или дѣловыхъ сношеній и несколько не стѣсняется говорить на немъ неуклюжими и неграмматическими фразами, прямо переведенными съ его роднаго языка, мы, русскіе, наоборотъ, выучиваемся болтать на иностранныхъ языкахъ, и болтать не смѣсю «французскаго съ нижегородскимъ», а непринужденно и элегантно.

То же, что мы видимъ въ языкѣ, можно подмѣтить и въ «костюмѣ», разумѣя это слово не въ обыденномъ, а въ болѣе широкомъ театральномъ смыслѣ, въ смыслѣ совокупности всего внѣшняго быта, всѣхъ житейскихъ привычекъ. Русскій человѣкъ способенъ удивительно быстро онѣмечиваться, офранцузиваться, обитальяниваться и т. д. Способность эта не имѣетъ предѣловъ, кромѣ географическихъ. Если намъ неизвѣстенъ типъ русскаго оперуанившагося, то только потому, что русскіе не имѣютъ до сихъ поръ обычая проживать свои деньги въ Лимѣ. Но, вмѣстѣ съ костюмомъ, незамѣтно усваивается и самый духъ народа, совершается перерожденіе полнѣйшее, не оставляющее никакихъ слѣдовъ прежняго, такъ-сказать, геологическаго слоя.

Что для другихъ нашихъ соотечественниковъ бывало печально дѣйствительностью и, притомъ, явленіемъ органическимъ, то для Алексѣя Толстого, какъ художника, сдѣлалось изящною игрой и, притомъ, состояніемъ временнымъ. Я хочу сказать, что офранцузенный русскій—дѣйствительный французъ, и, притомъ, остается такимъ на всю жизнь, тогда какъ опиллеровшійся или одантовшійся Толстой только ради художественнаго вымысла становился Шиллеромъ или Данте и, написавъ послѣдній стихъ баллады или легенды, снова дѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—чисто-русскимъ человѣкомъ, получившимъ чисто-европейское, чисто-западное образованіе.

Сведемъ теперь итоги. Постараемся найти нить, связывающую единымъ міровоззрѣніемъ всѣ эти столь разнообразныя и столь ослѣпительно-блестящія проявленія богатаго таланта.

Такъ какъ поэтъ всего яснѣе и всего прямѣе можетъ высказаться въ лирикѣ, то естественно, что всѣ критики обращаются къ его лирическимъ произведеніямъ, когда хотятъ постигнуть его завѣтную мысль, его господствующую идею. Такъ критики и дѣлали по отношенію къ А. Толстому. Если смотрѣть на число повтореній, то чаще всего у него является мысль о свободѣ искусства, о преимуществѣ «насъ возвышающаго обмана» передъ «низкими истинами»—словомъ, о томъ знаменитомъ лозунгѣ, котораго русскій писатель не можетъ коснуться безъ того, чтобы сейчасъ же не упоминать о «Поэтѣ и черни» Пушкина. Сюда, какъ мы видимъ, относится Іоаннъ Дамаскинъ, самое грандіозное

по размѣрамъ, самое богатое и торжественное воплощеніе этой любимой идеи Толстого; сюда относится болѣе сжатое его выраженіе въ «Слѣпомъ», настоящимъ *chef-d'oeuvre* всей его жизни; сюда, но въ формѣ аналогической, защитительной, относится его посланіе къ И. С. Аксакову (Судя меня довольно строго); сюда же, наконецъ, принадлежатъ чисто-полемическіе, сатирическіе стихи: Противъ теченія и Пантелей-цѣлитель. Во всемъ этомъ господствуетъ одинъ и тотъ же культъ поэзіи, преклоненіе передъ «*Macht des Gesanges*», отвращеніе къ утилитарному примѣненію этого могущества, къ «житейскому волненію», «тревогѣ» и «битвамъ». Нельзя не видѣть, что къ этой излюбленной имъ мысли Толстой возвращался то и дѣло и что онъ выказалъ рѣдкую изобрѣтательность, находя для нея каждый разъ новую форму, всегда удачную, порой граціозную, порой остроумную, иногда же (какъ въ «Слѣпомъ») поразительно могучую и вдохновенную. Но, какъ бы ни было важно вліяніе этой идеи на поэта и какъ бы ни было значительно ея присутствіе въ его стихахъ, все-таки, какъ я уже говорилъ, культъ поэзіи принадлежитъ не ему, а составляетъ весьма выдающуюся тему Гёте, Шиллера и Пушкина. Вотъ одна изъ причинъ, по которой я не желалъ бы видѣть именно въ этой темѣ центръ и двигающую силу всей дѣятельности поэта. Другая, еще важнѣйшая причина та, что эта тема, повторяю, литературна, что въ ней поэзія говоритъ о самой себѣ, и что было бы крайне прискорбно не признавать за такимъ большимъ талантомъ никакого иного содержанія. При всѣхъ красотахъ исполненія, нельзя отрицать, что подобныя темы, своею относительно бесплодностью, опасны для поэта и при частомъ употребленіи грозятъ искусству упадкомъ. Безбрачная жизнь бесплодна. Поэзія, занятая только собою, какъ мифологическій Нарциссъ, не только лишается общедоступнаго интереса и становится достояніемъ однѣхъ замкнутыхъ кликъ, но и мало-по-малу лишается соковъ, хилѣетъ и чахнетъ. Поэзія можетъ говорить о женихѣ и невѣстѣ, о любовницѣ и любовникѣ, объ отцѣ и сынѣ, о матери и сестрѣ, о царѣ и нищемъ, о воинѣ и схимникѣ, о святомъ и преступникѣ, о зеленой дубравѣ и мертвой пустынѣ, обо всемъ, скорѣе, чѣмъ о поэтѣ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что наименѣе поэтическія задачи — вопросы литературы и эстетики. Только большой талантъ, да и то

только отчасти, можетъ превозмочь эту фальшь, которая заключается въ стихотвореніи, прославляющемъ стихотворство. Романтики думали объ этомъ иначе.

Я договорился до слова, которое мнѣ было нужно. Графъ Алексѣй Толстой былъ романтикъ — не въ смыслѣ Жуковскаго, но въ болѣе обширномъ и внутреннемъ смыслѣ и со всѣми тѣми преимуществами, которыя русскій писатель временъ Александра II имѣетъ передъ русскимъ же писателемъ временъ Александра I. Притомъ, Толстой несравненно болѣе поэтъ, чѣмъ Жуковский.

Романтизмъ братьевъ Шлегелей и Тика былъ также культомъ чистаго искусства; онъ также былъ отчасти поэзіей, которая занимается сама собою и не только избѣгаетъ брать себѣ героями художниковъ и артистовъ, но даже муссировать романъ и драму, въ которыхъ главное лицо поэтъ, живописецъ или архитекторъ. Но и этотъ романтизмъ стоялъ на этой узкой и коротенькой тропинкѣ. Въ немъ была другая, болѣе плодотворная сторона — изученіе народной старины, изученіе быта, преданій и исторіи своего народа.

Если мы взглянемъ на рядъ былинъ и балладъ Толстого, а также на сюжеты его драмъ, то намъ станетъ ясно, что эта сторона романтизма въ немъ, по крайней мѣрѣ, такъ же сильна, какъ и культъ «искусства для искусства». Дѣло не въ томъ, что дѣйствующими лицами являются древніе славяне или средневѣковые русскіе; дѣло, во-первыхъ, въ томъ живомъ сочувствіи, съ которымъ относится къ нимъ поэтъ, а во-вторыхъ, въ той виртуозности, съ которою воспроизводится ихъ бытъ, ихъ «костюмъ». И Александръ Петровичъ Сумароковъ бралъ сюжеты для трагедій изъ русской старины, но и не пытался ихъ воспроизводить. Искусство, какъ понимали его Ле-Баттіе, Лагарпъ, Сумароковъ, не только не должно уносить насъ въ отдаленные края и времена, но, напротивъ, обязано переносить отдаленные края и времена въ нашу современную обстановку, умѣть причесать и краснокожаго индѣйца, и напудрить и нарядить классическаго грека, прежде чѣмъ грекъ или индѣецъ могутъ выступить на подмостки, на глазахъ просвѣщенной публики. Въ этомъ условномъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что псевдо-классицизмъ, вѣряцій только въ то, что онъ собственными глазами видѣлъ, не допускаетъ никакихъ уклоненій отъ приличій нашего свѣта, отъ идей нашего просвѣщенія.

Истинный смыслъ «Димитрія» не въ Димитріи, а въ наперникѣ его Парменѣ, который въ благонамѣренныхъ виршахъ излагаетъ либеральныя мысли и гремитъ противъ того, что теперь получило названіе «ультра-монтанства». Я не напрасно заговорилъ о Сумароковѣ. Мнѣ хотѣлось поставить грань какъ можно рѣзче и замѣтнѣе. Романтизмъ, во-первыхъ, смотритъ на народную старину не свысока, а съ любовью и благоговѣніемъ; во-вторыхъ, старается, чтобъ эта старина у него говорила не нашимъ языкомъ, а своимъ собственнымъ. У нѣкоторыхъ романтиковъ это погруженіе въ прошлое достигло того, что не только слова и конструкціи, но даже мысли, обличающія современное происхожденіе, носящія печать современной культуры, были изгнаны. Мѣстный колоритъ оказался чрезвычайно пикантнымъ и наряднымъ украшеніемъ. Тогда набросились на мѣстный колоритъ: не довольствуясь своею родною стариной, стали искать всего экзотическаго, мотивовъ испанскихъ, итальянскихъ, новогреческихъ, сербскихъ, арабскихъ, персидскихъ и индійскихъ. Это виртуозная сторона романтизма, и я говорилъ въ началѣ статьи, что именно эта сторона и у Толстого играетъ очень важную роль. Нѣмецкіе и французскіе романтики, такъ же какъ и Толстой, хотя не всегда съ равною удачей, поддѣлывались подъ ладъ различныхъ временъ и народовъ и, вмѣсто классической лиры, бряцали на всевозможныхъ лютяхъ, гитарахъ, мандолинахъ, ребекахъ и бандурахъ.

Но за внѣшнею игрой послѣдовало внутреннее колебаніе и, отчасти, увлеченіе. Постоянное общеніе съ поэзіей полудикихъ, полудивилизованныхъ племенъ, чуждыхъ анализа, богатыхъ удалствомъ, непосредственнымъ творчествомъ и наивною вѣрой, во многихъ головахъ породило культъ непосредственнаго, культъ тѣхъ темныхъ и таинственныхъ душевныхъ силъ, которыя такъ часто бываютъ сильнѣе разума и сознанія. Отъ этой стороны романтизма Толстой остался свободенъ: по всему видно, что онъ, напротивъ, дорожилъ цивилизаціей и ея плодами, что онъ дорожилъ своимъ званіемъ современнаго и образованнаго человѣка.

Зато въ Толстомъ можно отыскать слѣды другого ученія, связь котораго съ романтизмомъ, по историческимъ причинамъ, очень слаба, хотя между ними очень легко могли бы установиться точки соприкосновенія. Это теорія необхо-

димости, ученіе, гласящее, что весь міръ находится въ органической и неразрывной связи, что ни одна частица его ни на мигъ не можетъ вырваться изъ той связи и существовать самостоятельно, внѣ общаго закона, что, поэтому, все совершающееся вокругъ насъ — неизбежное послѣдствіе неизмѣнимыхъ причинъ.

Въ прологѣ къ Донъ-Жуану одинъ изъ «духовъ» поетъ:

Всѣ явленія вселенной,
 Всѣ движенія вещества,—
 Все лишь отблескъ Божества,
 Отраженьемъ раздробленный!
 Врозь лучи его, скользя,
 Раздѣлились безпредѣльно,
 Міръ земной есть лучъ отдѣльный—
 Не свѣтить ему нельзя!

Въ прелестномъ отрывкѣ «Алхимикъ», къ сожалѣнію, оставшемся отрывкомъ, герой, стоя на палубѣ корабля, который его уноситъ далеко отъ родины и возлюбленной, и вперивъ «взоръ нетерпѣливый въ пространство синее», говорить:

Вы, моря шумнаго пучины,
 Ты, неба вѣчнаго просторъ,
 И ты, свѣгиль блестящій хоръ,
 И вы, родной земли вершины,
 Поля и пестрые цвѣты,
 И съ горъ струящіяся воды,
 Отдѣльно взятыя черты
 Всецѣльно дышащей природы!
 Какая вась связала нить,
 Одну другой свѣтлѣй и краше?
 Какимъ закономъ объяснить
 Родство таинственное наше?
 Ты, всесторонность бытія,
 Неисчерпаемость явленія;
 Въ тебѣ повсюду вижу я
 Того же свѣта преломленье.

Было бы натяжкой утверждать, будто Толстой прямо и опредѣленно говорить, что и явленія нравственнаго міра подчинены тому же закону. Напротивъ, защитники свободной воли могутъ даже прямо указать на одно мѣсто въ Донъ-Жуанѣ:

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
 Свободы грань очерчена отъ вѣка;

Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступить святотатно,
Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.

Итакъ, Толстой не былъ спинозистомъ, не былъ даже и вообще пантеистомъ, но, очевидно, только по недоразумѣнью. Въ самомъ дѣлѣ, если гимнъ «Всѣ явленія вселенной, всѣ движенія вещества» имѣетъ смыслъ, а не составляетъ просто набора благозвучныхъ стиховъ, то единственный смыслъ тотъ, что вселенная — одно цѣлое, что всѣ отдѣльныя тѣла и явленія, а слѣдовательно, и дѣйствія живыхъ существъ — только лучи одного центрального солнца. Очевидно, что это центральное солнце — Богъ и что Богъ сказывается во всякомъ явленіи, даже въ такомъ, которое мы, люди, по своей близорукости, зовемъ грѣхомъ или преступленіемъ. Допустивъ это, Толстой будетъ послѣдователемъ; но тогда онъ опять станетъ, подобно Гёте, подобно многимъ другимъ поэтамъ (изъ которыхъ, притомъ, иные и не сознались въ своей ереси ни передъ другими ни передъ собой), на почву спинозизма. На почвѣ этой философіи нѣтъ «вольнаго выбора человѣка», о которомъ такъ некстати поется въ «Донъ-Жуанѣ», вся постройка и идея котораго есть отрицаніе вольнаго выбора; на почвѣ спинозизма нѣтъ, стало-быть, ни вины ни возмездія, нѣтъ, вообще, этики, а есть только эстетика. (Я очень хорошо знаю, что главное сочиненіе Спинозы именно называется «Этикой». Однако, всякій, знакомый съ этою книгой, знаетъ, что въ ней-то именно знаменитый мыслитель разрушаетъ и уничтожаетъ этику.)

Можно не раздѣлять пантеистическихъ вѣрованій, можно находить ихъ нецензурными, опасными для нравственности, опасными даже для государства. (Опасность эта, во всякомъ случаѣ, не существуетъ въ сочиненіяхъ А. Толстого. Потому ли, что онъ былъ пантеистъ очень непослѣдовательный, по другой ли причинѣ, но самый строгій глазъ не отыщетъ ничего нравственно-предосудительнаго или политически-злонамѣреннаго въ какой бы то ни было строкѣ, имъ написанной.) Но нельзя отрицать, что духъ романтизма, стремившагося обнять всю совокупность жизни, стремившагося понять произведенія человѣческаго духа на его низ-

шихъ, растительныхъ ступеняхъ, по крайней мѣрѣ, одною своею стороною соприкасается съ пантеизмомъ. Можно было бы итти дальше и сказать, что и вообще для поэзіи ученіе, отрицающее мораль, очень удобное и благопріятное ученіе (объ этомъ предметѣ есть въ исторіи философіи Куно Фишера превосходная глава, подъ названіемъ «Спиноза и Шекспиръ»), такъ какъ поэзія, по самому существу своему, склонна признавать и возводить въ идеаль, а не отрицать, не обличать и не читать наставленій; но я не хочу перенести анализъ на эту широкую арену, потому что еще не покончилъ съ романтизмомъ творца «Іоанна Дамаскина». Итакъ, пантеизмъ, хотя не былъ религіей романтиковъ ни въ Іенѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Петербургѣ, но при другихъ обстоятельствахъ — на примѣръ, если бъ они появились пятьюдесятью годами раньше — могъ бы сдѣлаться ихъ религіей. Теперь мнѣ нужно еще указать на одну, послѣднюю черту сходства между Толстымъ и романтиками шлегелевской школы. Мы видѣли, что романтизмъ есть культъ старины. Вначалѣ этотъ культъ былъ чисто-эстетическій; но такъ какъ произведенія искусства не висятъ въ пространствѣ, а стоятъ на землѣ и соприкасаются съ личною, семейною, общественною и государственною жизнью, то симпатіи поэтовъ и ученыхъ, трудившихся надъ реставраціей древнихъ легендъ, пѣсенъ, пословицъ, памятниковъ архитектуры и живописи и пр., въ скорое время перешли отъ формы къ содержанію. Это — фактъ громадной важности для исторіи человѣческой мысли, не только въ Германіи, гдѣ романтическая эволюція захватила наибольшее число умовъ и потому совершилась съ наибольшою полнотою, но и во Франціи, Англии и Россіи. Сочувствіе къ содержанію старины перешло у нѣкоторыхъ (конечно, не у всѣхъ) въ специальное сочувствіе къ ея учрежденіямъ. Отсюда становятся понятными такія явленія, какъ Жозефъ-де-Местръ, писатель талантливый и элегантный, которому въ жизни среднихъ вѣковъ чуть ли не болѣе всего нравились пытки, костры и, вообще, медленныя казни и который въ своей ненависти къ либераламъ дошелъ до того, что съ наслажденіемъ лакомки описывалъ, на примѣръ, подробности колесованія.

Я договорился до одной стороны въ литературной дѣятельности Алексея Толстого, которая, при его жизни, многимъ изъ его почитателей казалась прискорбнымъ диссонан-

сомъ, а послѣ его смерти тщательно обходится тѣми изъ его либеральныхъ почитателей, которымъ хочется, чтобъ и волки были сыты и овцы цѣлы, т.-е., чтобъ и Толстой былъ восхваленъ и либерализмъ остался въ чести. Но, вѣрный правилу «de mortuis aut veritas, aut nihil» и столь же вѣрный другому правилу, что съ правдою нужно быть въ болѣе интимной дружбѣ, чѣмъ даже съ Платономъ и Сократомъ, я рѣшаюсь сорвать виноградный листокъ, прицѣпленный чопорностью либераловъ къ политическимъ мнѣніямъ Толстого и къ той формѣ, въ которой, въ послѣдніе годы жизни, онъ сталъ ихъ облекать. Ему нѣкогда мнилось, что онъ нейтраленъ въ спорахъ политическихъ правилъ и, такъ-сказать, парить надъ ними въ свободной высотѣ:

Двухъ становъ не боець, но только гость случайный,
писалъ онъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, —

За правду я поднять бы радъ мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими — досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полного не будетъ между нами—
Не купленный никѣмъ, подъ чье бѣ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности людей не въ силахъ снести,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Лучше нельзя было выразить объективнаго отношенія къ политикѣ свободы отъ всякаго узкаго предразсудка, отъ всякаго кумовства и ослѣпленія. Но если даже эта автохарактеристика была вѣрна въ данную минуту (въ чемъ позволительно усомниться), она оказалась вполне ошибочною черезъ нѣсколько лѣтъ. Толстой разсердился на нигилистовъ. Плодомъ его негодованія, въ 1866 году, явилось очень хорошенькое шутовское стихотвореніе «Пантелей-цѣлитель», въ которомъ онъ добродушно проситъ святаго хорошенечко поколотить нигилистовъ. Во всемъ этомъ стихотвореніи видна досада, нѣтъ недостатка въ остроуміи, но ничего ядовитаго, ожесточеннаго нѣтъ; надоѣли мирному поэту эти назойливые крикуны, эти Антоновичи, Писаревы, Зайцевы, Шелгуновы (имъ же имя легионъ), поэтъ обругалъ ихъ крѣпчайшимъ словомъ и, видимо, облегченный, сейчасъ же и раземѣялся. Замѣчу также, что по одной враждѣ къ нигилистамъ нельзя себѣ составить никакого понятія о политическихъ мнѣніяхъ писателя: съ нигилистами враждуютъ и гг. Аскоченскіе, и

г. Костомаровъ, и партія московскихъ славянофиловъ — словомъ, люди самыхъ противоположныхъ мнѣній. Толстой могъ быть прогрессистомъ, и даже весьма нецензурнымъ, и въ то же время сердиться на нигилистовъ, хотя бы, напримѣръ, за материализмъ. Его собственный взглядъ оказался невыясненнымъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ стихотвореніе, появившееся шесть лѣтъ спустя въ 1872 году (здѣсь хронологическая точность необходима) подъ заглавіемъ «Потокъ-Богатырь», въ которомъ бичуются заблужденія мнимыхъ передовыхъ людей современной Россіи. Не стану передавать полнаго содержанія этой тенденціозной баллады, написанной звонкими, порой превосходными стихами; не стану тѣмъ болѣе, что она захватываетъ не только политическій, но и историческій вопросъ, до котораго мнѣ въ настоящую минуту нѣтъ дѣла. Воздержусь также и отъ выписки того мѣста, гдѣ «какой-то аптекаръ, не то патріотъ» пропагандируетъ ученіе, что нѣтъ души, что Богъ есть видъ кислорода, «вся же суть въ безначальѣ народа». Не приведу также открытія «Потокомъ» такого на Руси тайнаго общества, гдѣ проповѣдуютъ, «что править Русью призванъ лишь черный народъ, что по старой системѣ всякъ равенъ, а по нашей лишь онъ полноправенъ». Ограничусь приведеніемъ слѣдующаго пассажа, рисующаго отношеніе поэта къ вопросу о вмѣняемости, т.-е., о такомъ, на который его прямо наводили его же «Донъ-Жуанъ», его же «Алхимикъ».

Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодѣ,
 Входитъ онъ (богатырь) во просторное зданье;
 Видитъ: судьи сидятъ и торжественно тутъ
 Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
 Несомнѣнны и тяжки улики:
 Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
 Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
 Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ—
 Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
 И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
 — Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!
 Тутъ платками имъ слѣва и справа
 Машутъ барыни съ криками: bravo!
 И промолвилъ Потокъ: «Со присяжными судъ
 Былъ обыченъ и нашему міру,
 Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
 Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!»
 А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
 — Вишь какой затесался сюда ретроградъ!

Отсталой онъ, то видно по платью;
Притѣснять хочетъ меньшую братью!

Здѣсь вопросъ поставленъ и отвѣтъ данъ такъ точно, что никакое сомнѣніе дальше существовать не можетъ. Автору не нравится частая снисходительность присяжныхъ.

Я сейчасъ говорилъ о графѣ Жозефѣ де-Местрѣ, большомъ охотникѣ до колесованія. Вкусы и тенденціи разнообразны до крайности, и должно радоваться, что въ нашъ вѣкъ это разнообразіе, сравнительно, высказывается на большемъ просторѣ, чѣмъ то было возможно прежде. Всякое мнѣніе имѣетъ свою *raison d'être*, а тѣмъ болѣе мнѣніе, что въ судахъ слѣдуетъ поменьше миловать, побольше казнить: представителями этого сужденія служить не какой-нибудь журналецъ, не какая-нибудь литературная клика, а цѣлое учрежденіе, основанное государствомъ и окруженное почетомъ, учрежденіе прокуратуры, свойственное именно гласному суду. Если поэтъ, увѣрившій нѣкогда, что онъ не стоитъ ни на той ни на другой сторонѣ, вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ людямъ бѣдно одѣтымъ («отсталый онъ, то видно по платью»), есть иронія (прямой смыслъ которой: я одѣваюсь въ Парижѣ у Помадера и потому я порядочный человекъ, а вы оборвыши), если къ этому отвращенію у него присоединилась потребность выставить сочувствіе оборвышей къ отцеубійству — онъ на это имѣлъ полное право.

Не имѣлъ этого права только писатель, торжественно провозгласившій:

Всѣ явленія вселенной,
Всѣ движенія вещества,—
Все лишь отблескъ Божества,
Отраженьемъ раздробленный!
Врозь лучи его, скользя,
Раздѣлились безпредѣльно,
Миръ земной есть лучъ отдѣльный—
Не свѣтить ему нельзя.

Историческое значеніе поэзіи гр. А. К. Толстого ¹⁾.

I.

Наша критика въ большомъ долгу передъ Алексѣемъ Толстымъ.

Со дня его смерти времени прошло немало, и поэзія его не перестаетъ намъ нравиться. На литературныхъ вечерахъ стихи Толстого—всегда желанная приманка; ихъ декламируютъ и часто поютъ подъ музыку; его Трилогія взошла, наконецъ, полностью на подмостки, не только пересозданная артистами, но и сама создавая ихъ. Проникла его поэзія и въ начальную и въ среднюю школу и получила, такимъ образомъ, возможность вліять непосредственно на выработку нашего эстетическаго вкуса... Тайное желаніе поэта исполнено: нѣтъ среди насъ ни одного грамотнаго человѣка, которому бы нашъ писатель не помогъ при случаѣ искренно и картинно выразить ту или иную мысль, то или другое чувство—и все это, несмотря на бѣгъ времени, на быструю смѣну литературныхъ вкусовъ, въ общемъ неблагоприятныхъ для поэзіи Толстого.

Но если за поэзіей Толстого, дѣйствительно, осталась любовь читателя, то нельзя сказать, что критика отнеслась къ ней съ должной справедливостью. Имя поэта до сихъ поръ остается незанесеннымъ въ исторію нашей жизни. Историческая оцѣнка личности художника пока еще не сдѣлана, и мы, наслаждаясь его стихами, начинаемъ забывать о немъ самомъ, объ этомъ типичномъ и богато-одаренномъ человѣкѣ, который былъ свидѣтелемъ и участникомъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ нашей народной жизни.

¹⁾ «Подъ знаменемъ науки», юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженки. Москва, 1902 г.

Поэзія Толстого стала для насъ теперь также предметомъ лишь эстетическаго любопытства, тогда какъ, не такъ давно, она была интересна именно какъ проявленіе цѣлаго міросозерцанія оригинальнаго и полнаго.

Такое невниманіе къ писателю, какъ къ человѣку, и къ его созданію, какъ къ чему-то стройному, цѣлому, исторически сложившемуся и имѣющему, въ свою очередь, историческую стоимость, является тѣмъ болѣе несправедливостью въ отношеніи къ Алексѣю Толстому, что все, что о немъ было написано, было — за рѣдкимъ исключеніемъ — писано людьми, которые съ нимъ спорили и которые поэтому правый судъ неизбежно должны были замѣнять полемикой, можетъ-быть, очень искреннею и честною, но всегда одностороннею. Еще болѣе несправедливостью, чѣмъ такой неполный судъ, было затѣмъ почти полное молчаніе. Только въ самое послѣднее время редакція «Вѣстника Европы» рѣшилась опубликовать интимную переписку своего сотрудника, и Владимиръ Соловьевъ предпослалъ этимъ письмамъ краткую характеристику творчества Толстого, въ которой сдѣлалъ первую попытку слить въ одно философское цѣлое мысли поэта объ окружающемъ его мірѣ и о своемъ призваніи. До этой статьи, весьма краткой и намѣчающей лишь самыя общія положенія въ міросозерцаніи нашего автора, его судили обыкновенно либо какъ выразителя извѣстныхъ литературныхъ симпатій, либо какъ художника только, либо, наконецъ, какъ автора отдѣльныхъ произведеній. Само-собою разумѣется, что при такомъ судѣ А. Толстой не могъ разсчитывать на вполне оправдательные приговоры. Полемическій задоръ навязывалъ нашему писателю иногда злободневныя стихотворенія, которыя, какъ «поэтическія» созданія, заслуживали справедливыя упреки; внутренняя и внѣшняя художественная техника нѣкоторыхъ стихотвореній допускала также вполне основательныя возраженія; и, наконецъ, развѣ существуютъ поэты, у которыхъ не нашлось бы вообще слабыхъ произведеній?

Но поэзія Толстого озаряется совсѣмъ особымъ свѣтомъ, если взять ее какъ цѣлое, какъ поэтическое воплощеніе оригинальнаго міросозерцанія, этическаго и эстетическаго, и если къ тому же вдвинуть ее въ историческую рамку, т.-е. оцѣнить ее какъ живую силу, дѣйствовавшую въ опредѣленный, весьма важный моментъ нашей общественной жизни.

II.

Задача нашей замѣтки — опредѣлить это историческое значеніе поэзіи Толстого. Въ чемъ оно заключалось?

Это была попытка охватить и изобразить въ символическихъ образахъ то настроеніе и сущность тѣхъ общихъ гуманныхъ взглядовъ, которые съ такою рѣзкой отчетливостью сказались въ нашемъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, въ эпоху реформъ. Какъ бы строгъ ни былъ тотъ судъ, который эта символическая поэзія встрѣтила какъ разъ въ ту эпоху, судъ, отчислявшій поэта чуть ли не въ лагерь ретроградовъ, но поэзія Толстого — все-таки самое законное дитя своего времени. Она, эта эпикурейская поэзія, какъ ее иногда называли, родная сестра той гражданской пѣсни, которая славилась въ тѣ годы своимъ ригоризмомъ и стоицизмомъ.

Извѣстно, что самая задорная и непримиримая ссора, это — ссора между родственниками. Такъ было и въ данномъ случаѣ, при столкновеніи нашего поэта съ передовыми людьми его поколѣнія.

Это столкновеніе было неизбежно, въ виду совершенно особаго склада ума и очень оригинальнаго художественнаго темперамента, которые выдѣляли Алексея Толстого изъ общей компактной и болѣе или менѣе солидарной группы его братьевъ — антагонистовъ. Дѣло въ томъ, что, при весьма сходной этической оцѣнкѣ міропорядка вообще и порядковъ россійскихъ въ частности, Толстой совершенно расходился съ большинствомъ своихъ современниковъ въ пониманіи общихъ основныхъ философскихъ началъ жизни и, главнымъ образомъ, во взглядѣ на культурную роль искусства. Изъ этой разницы и вытекло все разногласіе, а сама эта разница получилась не потому, что люди разное думали о томъ, что для даннаго момента жизни всего болѣе на потребу, а потому, что одинъ хотѣлъ оправдать нужды этого момента общими соображеніями, а другіе думали, что такое обобщеніе въ этотъ именно моментъ только ослабляетъ сознаніе этихъ нуждъ въ человѣкѣ.

Изолированное и нѣсколько загадочное положеніе Алексея Толстого среди борющихся «становъ» его времени вполне объясняется, если мы обратимъ должное вниманіе на темпераментъ и на складъ ума нашего писателя. Его, дѣйствительно, нельзя причислить ни къ одному изъ тогдашнихъ

становъ. Въ эпоху практической и трезвой мысли, направленной на рѣшеніе вопросовъ государственныхъ, политическихъ и экономическихъ, въ періодъ ликующаго торжества разныхъ философскихъ теорій, основанныхъ на опытѣ, иногда, дѣйствительно, научномъ, а иногда и мнимомъ, въ годы возбужденныхъ соціальныхъ страстей, нашъ поэтъ чувствовалъ себя очень неловко.

Владимиръ Соловьевъ утверждалъ, что А. Толстой былъ поэтомъ мысли «воинствующей», поэтомъ-борцомъ. Едва ли. Конечно, бывали минуты, когда онъ сердился и когда въ немъ разыгрывалось желаніе кольнуть или даже больно ударить сосѣда, неуважительно относящагося къ тому, что для него было святыней. Оскорбленный въ своихъ самыхъ глубокихъ чувствахъ, поэтъ бывалъ тогда беспощаденъ въ своей ироніи; но одинъ тотъ фактъ, что эта иронія почти никогда не доходила до степеней озлобленнаго негодованія, а была лишь игривою и злою шуткой, указываетъ на то, что для настоящей борьбы, не щадящей противника, Толстой созданъ не былъ; и въ самомъ дѣлѣ, припоминая «Пантелея-цѣлителя», «Потока», «Порой веселой мая», кто скажетъ, что эти блестящіе остроумія были настоящими ударами? Но пусть они даже и были таковыми: это — легкіе удары сатирическаго бича, а не удары палки, которую такъ часто брали въ руки тогдашніе «незлюбивые» защитники мирной красоты. Толстой-боецъ высказался весь въ одномъ стихотвореніи, и оно въ своемъ спокойномъ замыслѣ и въ своемъ восторженно элегическомъ тонѣ — лучшее доказательство миролюбія автора. Плыть противъ теченія и вспоминать при этомъ о смиренныхъ ученикахъ Христовыхъ, завоевавшихъ міръ терпѣніемъ и страданіемъ, а не мечомъ — развѣ это похоже на вызовъ къ единоборству и, вообще, на призывъ къ битвѣ?

И такимъ незлюбивымъ пѣвцомъ тѣхъ самыхъ гуманныхъ идей, во имя которыхъ нѣкоторые ревнителі ополчились на красоту, такимъ союзникомъ мнимо-враждебнаго передового стана являлся этотъ художникъ среди людей, которые требовали ото всѣхъ прежде всего прямолинейности и полной отчетливости въ мысляхъ и чувствахъ. А могъ ли на эти требованія отвѣтить Толстой, онъ — одинъ изъ типичнѣйшихъ «романтиковъ», когда-либо жившихъ?

Его поэзія была для своего времени явленіемъ настолько оригинальнымъ, настолько необычнымъ, что многіе критики,

встрѣчаясь съ нею впервые, никакъ не хотѣли признать ее за самобытный продуктъ русской жизни и думали, что она — пѣсень съ чужого голоса. Они ожидали найти въ Толстомъ поэта современнаго (какимъ онъ и былъ въ своемъ смыслѣ) и стали искать въ его творчествѣ ясныхъ эстетическихъ и этическихъ взглядовъ. Эти взгляды съ виду оказались совѣмъ непохожими на мысли и вкусы, которые въ тѣ годы преобладали. Въ поэзии Толстого, съ одной стороны, не оказалось въ достаточной долѣ того объективнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, къ которому стремились тогдашніе реалисты, съ другой — того субъективнаго отчужденія отъ переживаемой минуты, которымъ тогда щеголяли творцы разныхъ незлобивыхъ пѣсенъ. Въ нашемъ писателѣ обѣ эти тенденціи сочетались въ объединяющемъ ихъ романтическомъ символизмѣ.

Это подало врагамъ поэта поводъ упрекнуть его въ индифферентизмѣ общественномъ и художественномъ; а близкое духовное родство этого символизма съ прежними литературными теченіями на Западѣ натолкнуло поспѣшныхъ судей на мысль, что нашъ поэтъ вдохновляется не жизнью, а книгой, что онъ, какъ художникъ, живетъ не на счетъ своего собственнаго вдохновенія.

Такое обвиненіе казалось правдоподобнымъ только потому, что весь складъ души нашего писателя казался его современникамъ совѣмъ неправдоподобнымъ анахронизмомъ. Передъ ними былъ дѣйствительно чистокровный романтикъ, запоздавшій рожденіемъ.

Романтическіе порывы души — явленіе довольно обычное, и если понимать ихъ въ широкомъ общемъ смыслѣ, то едва ли можно пріурочить ихъ появленіе къ какому-нибудь опредѣленному времени. Романтики жили и въ древности, и въ средніе вѣка, живутъ и въ наше время, и будутъ жить, сохраняя между собой родственную связь по духу. Вотъ почему слово «романтикъ», примененное къ тому или иному челювѣку, указываетъ только на принадлежность его къ особому общему типу, который можетъ появляться въ самыхъ различныхъ историческихъ условіяхъ и обстановкахъ. Но то же слово, взятое въ тѣсномъ смыслѣ, получаетъ болѣе опредѣленное значеніе: все зависитъ въ данномъ случаѣ отъ глубины романтической мысли и, въ особенности, отъ интенсивности романтическаго чувства, которое мы подмѣчаемъ въ

человѣкъ. Цѣльная романтическая натура, свободная отъ противорѣчій и компромиссовъ съ враждебными ей теоріей и практикой жизни, попадаетъ очень рѣдко. Ея расцвѣтъ можно наблюдать развѣ только въ средніе вѣка и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, въ эти вѣка рѣзкаго перевѣса идеальнаго надъ реальнымъ, религіознаго надъ земнымъ, сверхчувственнаго надъ чувственнымъ.

Поэзія Алексѣя Толстого воскрешала это сложное романтическое міросозерцаніе и настроеніе именно въ ихъ давно уже исчезнувшей цѣльности.

У насъ, на русской почвѣ, настоящій романтизмъ никогда не пускалъ глубокихъ корней. Въ древнія времена наша жизнь была слишкомъ проста и груба, наша мысль слишкомъ недисциплинирована, чтобы вызвать въ человѣкѣ такое броженіе идей и чувствъ, какое на Западѣ создало романтику средневѣковую. Къ началу XIX вѣка мы, правда, стали народомъ полудцивилизованнымъ и приняли даже прямое участіе въ судьбахъ Запада, но все-таки наша духовная связь съ жизнью Запада была столь слаба, что вся тревога духа, которая въ началѣ вѣка породила второе, самое пышное цвѣтеніе романтики у нашихъ сосѣдей, для насъ прошла почти совсѣмъ безслѣдно. Не переживая съ Западомъ его душевныхъ волненій, иногда просто не понимая значенія этихъ волненій, мы, прельщенные красотой того «романтическаго» искусства, въ которомъ эта тревога воплощалась, усваивали лишь внѣшнія формы загадочнаго настроенія и перекраивали его, иногда очень неумѣло, на свой собственный ладъ. У насъ въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ «романтическія» натуры — если вѣрить нашимъ поэтамъ и романистамъ — попадались въ изобиліи во всѣхъ слояхъ общества, но стоило къ нимъ приемотрѣться поближе, чтобы увидать, какой это былъ поверхностный, навѣянный романтизмъ, сколь малаго требовалось, чтобы отъ него избавиться, и, главное, какъ много противорѣчій заключалъ онъ въ себѣ, какъ часто онъ не выдерживалъ своей роли. Тотъ, кто знакомъ съ исторіей нашей литературы начала XIX вѣка, знаетъ, какъ все злоупотребляли этимъ словомъ «романтикъ», быть-можетъ, именно потому, что въ своей средѣ настоящаго романтика не встрѣчали.

И въ позднѣйшіе періоды нашей жизни этотъ типъ оставался такою же рѣдкостью, и развѣ одни лишь славянофилы

40-х годовъ временами къ нему приближались. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ онъ сталъ почти невозможностью, и какъ разъ въ это время поэзія Алексѣя Толстого о немъ напомнила.

Она воссоздала этотъ типъ во всей его цѣльности и законченности. Такого типичнаго сочетанія романтическихъ настроеній, взглядовъ и образовъ, какъ у Толстого, мы ни въ одномъ изъ нашихъ писателей не встрѣтимъ. Оригинальность нашего поэта заключается не въ томъ, что онъ романтикъ при случаѣ, а въ томъ, что онъ такой чистокровный, выдержанный и свободный отъ противорѣчій романтикъ.

Эта выдержанность, столь рѣдкая въ поэтахъ, объясняется отчасти тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что нашъ поэтъ выступилъ со своимъ почти первымъ словомъ въ такомъ возрастѣ, когда другіе поэты начинаютъ обыкновенно задумываться надъ вопросомъ, что имъ сказать дальше. Толстому было подъ сорокъ лѣтъ, когда онъ напечаталъ первое свое стихотвореніе. Онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы внести полный порядокъ въ свое міросозерцаніе.

Но если это обстоятельство и объясняетъ отчасти бросающуюся въ глаза цѣльность и стройность его романтическаго міросозерцанія, то все-таки для своего времени это міровоззрѣніе остается загадкой, тѣмъ болѣе, что — какъ мы увидимъ ниже — нашъ романтикъ сумѣлъ включить въ сферу своего поэтическаго созерцанія цѣлый рядъ современныхъ острыхъ вопросовъ дѣйствительности, что и придало его пѣснямъ настоящее историческое значеніе.

Вникнемъ же въ это міросозерцаніе романтика, чтобы затѣмъ опредѣлить, что оно могло дать для той эпохи трезвой мысли, среди которой ему пришлось развернуться.

III.

Первое, что бросается въ глаза каждому читателю при встрѣчѣ съ поэзіей Толстого, это — ея повышенное религиозное настроеніе. Въ этомъ постоянномъ стремленіи простираť свой поэтическій взглядъ на жизнь за ея земные предѣлы нашъ поэтъ былъ вѣренъ истинно-романтическому исповѣданію, которое обязывало своихъ адептовъ согласовать свое вдохновеніе съ живою вѣрой въ Высшее Существо. Толстой являлся у насъ продолжателемъ той тенденціи, которая въ началѣ вѣка на Западѣ выразилась въ творчествѣ раннихъ

французскихъ романтиковъ, какъ, напримѣръ, Шатобриана, Ламартина и Гюго, въ Англіи — въ сентиментально-пѣтической поэзіи Лакистовъ и въ пантеизмъ Шелли, а въ Германіи — въ этой главной теплицѣ романтизма — въ разсказахъ Вакенродера, гимнахъ и романъ Новалиса, въ повѣстяхъ и драмахъ Тика. Такое религиозное направленіе поэзіи Толстого, на которое современники нерѣдко косились, какъ на попытку передать въ образахъ совсѣмъ неподдающіяся образному изображенію чувства, было въ нашей словесности явленіемъ очень своеобразнымъ.

Хотя у насъ и было немало поэтовъ, которые прославляли величіе Божіе, поскольку оно выражается въ жизни природы и въ судьбахъ человѣчества, но до Толстого у насъ не было ни одного пѣвца, который вносилъ бы въ свои пѣсни столь глубокое религиозное чувство и столь глубокую религиозную мысль, даже не исключая наивно-благочестиваго Жуковского. Толстой имѣетъ нѣкоторое право на названіе богослова, и онъ въ данномъ случаѣ пошелъ дальше своихъ иностранныхъ родственниковъ, которые и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи пристегивали религиозную идею къ какому-нибудь опредѣленному церковному вѣроисповѣданію. Толстой бралъ эту идею въ ея всеобщности, не столько въ извѣстныхъ ея историческихъ формахъ, сколько въ ея отвлеченной сущности. Онъ понималъ эту свою религиозную задачу иначе, чѣмъ ее понимали и его соотечественники — русскіе вѣрующіе и религиозные люди, для большинства которыхъ, если не для всѣхъ, религиозная идея была лишь видоизмѣненіемъ или дополненіемъ идеи патріотической. Толстой же видѣлъ въ ней прежде всего всепоглощающую недробимую идею, парящую надъ всякимъ временнымъ или частичнымъ ея обнаруженіемъ. Онъ не любилъ навязывать Богу земныхъ чувствъ, и религиозный мотивъ звучалъ въ его произведеніяхъ всегда необычайно искренно, такъ искренно, какъ молитва, къ которой нашъ поэтъ, какъ мы знаемъ теперь изъ его писемъ, прибѣгалъ часто въ интимной своей жизни.

«Ни въ какомъ положеніи душа не приобретаетъ болѣе обширнаго развитія, какъ въ приближеніи ея къ Богу, — писалъ Толстой однажды. — Чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Богу, тѣмъ болѣе вы становитесь въ независимость отъ вашего тѣла, и потому ваша душа менѣе стѣснена пространствомъ и матеріей... Я почти что убѣжденъ, что два чловѣка, которые бы молились въ одно время съ одинаково сильною вѣ-

рой другъ за друга, могли бы сообщаться между собой вопреки отдаленію... Душа не забыла совершенно свое первое существованіе, до ея заключенія въ то застывшее состояніе, въ которомъ она теперь находится; если бы мы не были скованы матеріей, мы бы сейчасъ вернулись въ наше нормальное состояніе, которое есть непрерывное обожаніе Бога и единственное, въ которомъ можно быть безъ страданій... Богъ дозволяетъ время отъ времени, чтобы въ этой жизни немного тепла оживило нашу душу и напомнило бы ей случайно то блаженное состояніе, въ которомъ она находилась до своего заключенія... и къ которому возвращеніе обѣщано намъ послѣ смерти. Это бываетъ, когда мы любимъ женщину, мать или ребенка...»

Я вѣрю Богу, и у меня невысокое мнѣніе о разумѣ человѣческомъ; я вѣрю больше тому, что я чувствую, чѣмъ тому, что я понимаю, такъ какъ Богъ далъ намъ чувство, чтобъ идти дальше, чѣмъ разумъ. Чувство—лучшій вождь, чѣмъ разумъ, такъ же какъ музыка совершеннѣе слова...»

Читая такія интимныя признанія этой романтической души, начинаешь понимать многое въ самой технику созданій поэта, въ особенности тѣхъ крупныхъ созданій, въ которыхъ художникъ стремился выразить не мимолетное чувство, а нѣчто болѣе глубокое и широкое. Если Толстой, дѣйствительно, стремился къ тому, чтобы душа его была какъ можно менѣе стѣснена пространствомъ и матеріей, если нормальное состояніе души онъ, дѣйствительно, понималъ какъ непрерывное обожаніе Бога, то ему надо простить многія погрѣшности противъ обычной правдоподобности, которыя онъ допускалъ въ своихъ художественныхъ созданіяхъ.

Тотъ, кто сталъ бы обвинять поэта за то, что въ Дамаскинѣ, въ Грѣшницѣ и въ Донъ-Жуанѣ онъ не выдержалъ мѣстнаго колорита, что допустилъ психологическія несообразности, слишкомъ увлекся пафосомъ и потому погрѣшилъ даже противъ минимума реальной правды, что онъ, наконецъ, не далъ цѣльныхъ законченныхъ образовъ... тотъ можетъ оказаться, какъ эстетикъ и историкъ, правымъ, но онъ будетъ неправъ въ примѣненіи къ Толстому именно этого критическаго масштаба.

Художественная стоимость религиозныхъ поэмъ Толстого измѣряется не цѣнностью выполненія деталей и законченностью главныхъ образовъ, а тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое онъ производятъ на читателя или даже, вѣрнѣе, на зрителя. Въ этихъ поэмахъ столько красоты внѣшней, столько пафоса и блеска и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая въ нихъ скрыта глубокая религиозность, что читателю остается уди-

вляться, какъ можно такими эффе́ктами, т.-е. внѣшними, на зрѣніе и слухъ дѣйствующими приѣмами, производить такое сильное впечатлѣніе на самое интимное, что есть въ сердцѣ человѣка — на его религиозное чувство. Нѣкоторые богословы рекомендовали маловѣрнымъ, какъ лучшее средство почувствовать и познать Бога, — созерцаніе величественныхъ зрѣлищъ природы и величественныхъ судебъ міра. Такія зрѣлища даны намъ и въ поэмахъ Толстого. Иной разъ, за массой эффе́ктныхъ деталей, кажется, что вотъ-вотъ руководящая религиозная мысль потеряется или религиозное чувство начнетъ ослабѣвать; вниманіе читателя какъ-будто отъ общаго начинаетъ обращаться къ частному, но когда послѣдняя строка дочитана и когда мы стали отъ картины на нѣкоторое разстояніе, мы перестаемъ замѣчать всѣ эти погрѣшности въ деталяхъ, и всѣ отдѣльные эпизоды этихъ колоритныхъ картинъ всецѣло покоряютъ насъ настроенію поэта. Толстой въ данномъ случаѣ чистокровный романтикъ, для котораго внѣшность явленія должна служить лишь намекомъ на затаенный въ этомъ явленіи символическій смыслъ и на настроеніе самого художника. Изобразить перерожденіе души человѣческой при ея соприкосновеніи со святынею, т.-е. изобразить своего рода чудо (хотя и не сверхъестественное), дать почувствовать психическое состояніе художника, душа котораго раздвоена между любовью къ Богу и любовью къ искусству и ищетъ примиренія этихъ двухъ страстей, изобразить все это въ пластическихъ образахъ, — задача непомѣрно-трудная, и она была рѣшена нашимъ поэтомъ въ «Грѣшницѣ» и въ «Іоаннѣ Дамаскинѣ». Критики говорили, что она рѣшена несовершенно, съ пристрастіемъ къ эффе́ктамъ и въ ущербъ искреннему чувству. Но, вѣдь, эта задача, въ виду исключительности самаго явленія, и не допускала «совершеннаго» рѣшенія, и автору предстояло лишь дать намекъ, которымъ долженъ былъ воспользоваться уже самъ читатель, чтобы дорисовать картину въ своемъ воображеніи.

Такимъ же пѣвцомъ религиознаго чувства является нашъ поэтъ и въ своемъ любимомъ произведеніи, въ мистеріи Донъ-Жуанъ, въ этомъ мистическомъ трактатѣ, вставленномъ въ рамку ходячей испанской легенды. Этотъ запоздалый цвѣтокъ романтической фантазіи вызвалъ большое недоумѣніе. Современники думали, что время символическихъ

поэмъ прошло, и въ недостаткахъ поэмы Толстого хотѣли видѣть доказательства правоты своего взгляда. Въ «Донъ-Жуанъ», дѣйствительно, недостатковъ было много, но не больше, чѣмъ въ однородныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Фаустѣ» и «Донъ-Жуанѣ» Габбе или даже въ «Фаустѣ» Ленау. Необытность содержанія и широта замысла поэмы повлекли за собою многіе эстетическіе и иные промахи. Одинъ геній Гёте могъ совладать, и то не вполне, съ такою темой: а нашъ писатель шелъ именно по слѣдамъ Гётевскаго «Фауста», стремясь пополнить идею этого мірового произведенія новыми идеями, накопившимися съ того времени, какъ Фаустъ былъ созданъ. Онъ внесъ въ свою поэму, напримѣръ, байроническій элементъ, драпируя своего Донъ-Жуана въ какого-то мрачнаго генія, метящаго за что-то человѣчеству, а за что — неизвѣстно; онъ пересоздалъ Дону-Анну совсѣмъ въ стилѣ нѣмецкой романтики, руководясь, вѣроятно, известнымъ рассказомъ Гофмана, и она стала болѣе походить на святую, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка, психологія котораго намъ родственна; онъ закончилъ драму торжественною сценой покаянія, которая если и не грѣшитъ противъ правдоподобности, то, все-таки, нарушаетъ цѣльность образа главнаго героя; онъ, наконецъ, счелъ нужнымъ теоретическую и догматическую часть своей поэмы поднять до уровня современныхъ философскихъ диспутовъ и потому сталъ въ стихахъ опровергать теорію матеріализма и детерминизма и, искусно лавируя между пантеизмомъ и дуализмомъ, славить единобожіе. Къ этимъ отвлеченнымъ богословскимъ и философскимъ взглядамъ онъ, уступая своему романтическому влеченію къ таинственности, примѣшалъ мистическіе средневѣковые взгляды на «астральное» начало, значеніе котораго ему самому, судя по его письмамъ, было не вполне ясно. Такъ широко понималъ онъ свою задачу — пѣвца Божьяго суда и Божіей правды, явившей свое величіе и милосердіе законѣнному грѣшнику. Для Толстого, впрочемъ, Донъ-Жуанъ былъ не только простымъ грѣшникомъ: какъ можно догадываться изъ рѣчей безплотныхъ духовъ, такъ близко принявшихъ къ сердцу судьбу героя, и изъ туманныхъ словъ самого Донъ-Жуана, онъ долженъ былъ стать символомъ чуть ли не всего человѣчества — страдающаго, обремененнаго страстями и ищущаго идеала здѣсь на землѣ, идеала безконечно широкой любви, понятой вообще въ смыслѣ жизненнаго

начала. Все, и внѣшняя обстановка, и замысловатая рѣчи дѣйствующихъ лицъ въ минуты, когда имъ полагалось бы говорить совсѣмъ ясно, и мораль эпилога и фантастика пролога — все указываетъ на то, что передъ нами настоящая «мистерія», т.-е. дѣйствіе съ таинственнымъ религіознымъ смысломъ. А такъ какъ само дѣйствіе, т.-е. исторія сердечныхъ тревогъ Донъ-Жуана никакого особенно таинственного смысла въ себѣ не заключаетъ и есть явленіе довольно обыкновенное, то попытка нашего романтика придать необыкновенное значеніе этому простому факту и должна была повлечь за собою всякаго рода натяжки въ мотивировкѣ словъ и поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Иное дѣло взять мудреца, познавшаго всю доступную человѣчеству науку, изъ любви къ человѣчеству стремящагося испытать здѣсь на землѣ все земное и вѣчно неудовлетвореннаго, какъ Фаустъ; иное дѣло изобразить, какъ дѣлалъ Байронъ, весь мракъ души идеалиста, разочарованнаго соціальною неурядицей нашей жизни; иное дѣло воскресить стараго Прометея и за любовь его къ людямъ подвергнуть его пыткамъ; иное дѣло, наконецъ, взвалить всю тяготу нашей жизни на плечи Агасеру — какъ это сдѣлалъ Кинэ — и увидать въ немъ символъ челоуѣчества, не признававшаго своего Бога и осужденнаго послѣ вѣковыхъ страданій узрѣть Его торжество при второмъ Его пришествіи на землю. Всѣ эти строгіе образы вполне соотвѣтствуютъ глубинѣ поэтическаго замысла художниковъ; про типъ Донъ-Жуана этого сказать нельзя; расширять и углублять его психическій міръ крайне трудно, въ виду установившагося традиціоннаго представленія объ этомъ типѣ. Толстой не убоился этой трудности, хотя и не осилилъ ее. Но каковы бы ни были ошибки поэмы, для насъ любопытна сама попытка вложить религіозное содержаніе въ такой свѣтскій сюжетъ.

Въ этомъ стремленіи отыскивать во всемъ руководящій идейный принципъ, видѣть во всемъ, даже въ самыхъ земныхъ чувствахъ, религіозный символъ — ярко выразился общеромантической характеръ міросозерцанія нашего писателя.

IV.

Совсѣмъ въ романтическомъ стилѣ созданъ Алексѣемъ Толстымъ и типъ пѣвца — служителя красоты въ мірѣ. Поэтъ возлагаетъ на него также чисто-религіозную миссію.

Мысль о тѣсномъ родствѣ идеи красоты и Божества, эта старая мысль, которая была въ такомъ ходу у нашихъ шеллингианцевъ 20-хъ годовъ, оживаетъ въ пѣсняхъ, балладахъ и поэмахъ нашего автора. Толстого принято считать самымъ смѣлымъ защитникомъ гражданскихъ и иныхъ правъ красоты въ годы, когда эти права подвергались самымъ яркимъ нападкамъ. Да, это былъ, дѣйствительно, рыцарь, выступавшій въ защиту своей царицы, которую въ тѣ годы временно низвели съ престола. Какъ голосъ Іоанна Дамаскина раздавались его пѣсни «противу ереси безумной», которая поднялась на искусство. Вѣрнѣе, впрочемъ, будетъ, если мы скажемъ, что онъ не столько ополчился противъ «ереси», сколько пѣлъ хвалу своей богинѣ.

Онъ былъ натура артистическая, художникъ отъ рожденія. «Я родился художникомъ, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сихъ поръ противились тому, чтобы я сдѣлался вполне художникомъ»,—писалъ онъ въ 1851 году, когда еще самъ не зналъ, на какой художественный подвигъ былъ способенъ. «Все, что я чувствую, я чувствую художественно,—говорилъ онъ,—и рожденъ я художникомъ не только для литературы, но и для пластическихъ искусствъ». Толстой былъ правъ: въ его поэзіи, дѣйствительно, было очень много пластики. Въ юные, въ самые впечатлительные годы, судьба забросила его въ Италію, и онъ жилъ въ ней долго. «Съ жадностью и чутьемъ» набрасывался онъ на все произведенія искусства. Въ очень короткое время научился онъ отличать прекрасное отъ посредственнаго и могъ соревновать со знатоками въ оцѣнкѣ картинъ и изваяній. Не зная еще никакихъ интересовъ жизни, которые впоследствии наполнили ее тревогой, онъ сосредоточилъ все свои мысли и все свои чувства на любви къ искусству. Это была какая-то нервная, не вполне нормальная любовь, которая заставляла его плакать отъ радости, когда онъ смотрѣлъ на истинныя созданія искусства, цѣлыми часами отдаваться созерцанію и чувствовать себя счастливымъ—и все это въ тѣ годы, когда обыкновенный темпераментъ всегда отдаетъ предпочтеніе самой жизни предъ ея отраженіемъ. Проходили годы, и эта экзальтація художника въ Толстомъ только крѣпла. Старикомъ онъ не терялъ этой способности плакать отъ счастья при встрѣчѣ съ красотой... Пусть это была повышенная нервность, но что было дѣлать, если, по собственному его

признанію, вся его жизнь проходила въ такой экзальтации?

Толстой смотрѣлъ на искусство, однако, не только глазами художника; онъ былъ философъ и искалъ въ немъ и эстетическаго наслажденія и общемірового смысла. Учителемъ его въ эстетикѣ былъ Шиллеръ и нѣмецкіе романтики. Съ идеей красоты нашъ художникъ всегда соединялъ цѣлый рядъ другихъ общихъ идей, имѣвшихъ для него такое же абсолютное и объективное значеніе.

«Если бы я видѣлъ полезное дѣло передъ собой,—говорилъ онъ, оправдываясь передъ своимъ вѣкомъ,—если бы я видѣлъ что-нибудь такое, что въ предѣлахъ моихъ дарованій, я бы не отказался отъ дѣла; но мои дарованія слишкомъ диаметрально противоположны дарованіямъ передовыхъ людей, и я могу только махнуть рукой... Остается истинное, вѣчное, абсолютное, что не зависитъ ни отъ вѣка, ни отъ моды, ни отъ вліянія, ни отъ какой-нибудь fashion, и этому я отдаю все дѣло. Да здравствуетъ абсолютное, т. е. человѣчество и поэзія!»

Развитое чувство красоты было въ глазахъ нашего поэта показателемъ общей культурности и для отдѣльной личности цѣлыхъ народовъ.

«Тотъ народъ, въ которомъ это чувство развито сильно и полно,—говорилъ онъ,—въ комъ оно составляетъ потребность жизни, не можетъ не имѣть вмѣстѣ съ нимъ и чувства законности и чувства свободы. Онъ уже готовъ къ жизни гражданской, и законодательству остается только освятить и облечь въ форму уже существующіе элементы гражданства». «Мнѣ больно отъ всѣхъ диссонансовъ жизни,—писалъ онъ однажды—и оттого я и люблю искусство, которое есть ступень къ лучшему міру».

Понятно, что въ минуты особаго раздумья онъ могъ сказать, какъ онъ говорилъ за нѣсколько дней до смерти, что нѣтъ другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кромѣ искусства! Эту эгоистическую фразу ему можно простить въ виду того, что онъ влагалъ въ нее тайный смыслъ, совсѣмъ не эгоистическій, тотъ самый, который онъ вложилъ и въ другое свое извѣстное изреченіе, когда утверждалъ, что его аристократическія влеченія существуютъ гораздо больше для другихъ, чѣмъ для него лично.

Понятіе о свободной красотѣ, какъ о самостоятельномъ двигателѣ общественнаго прогресса, эта завѣтная мысль всѣхъ романтиковъ начала XIX вѣка, проводится въ поэзіи Толстого какъ нельзя болѣе послѣдовательно, вопреки другому господствовавшему тогда взгляду на красоту, какъ на прямое отраженіе этого прогресса и какъ на служебное ору-

діе въ его интересахъ. Пѣвецъ — какъ его понимаетъ нашъ художникъ — прежде всего служитель Божій, проводникъ религіознаго чувства на землѣ; онъ затѣмъ жрецъ своего искусства, одинокій, неподимый жрецъ, самъ себѣ довлѣющій. Богатство, сила, честь и слава — все, чѣмъ дорожатъ люди, въ избыткѣ заключено въ незримомъ мірѣ его души. Вся природа — одно лишь отраженіе, лишь тѣнь таинственныхъ красотъ, которыхъ вѣчное видѣніе живетъ въ душѣ избранника. Господь дозволяетъ художнику заглянуть въ то сокровенное горнило, гдѣ кипятъ первообразы и трепещутъ творческія силы. Вотъ почему и не кажется дерзостью, если поэтъ присвоиваетъ себѣ Божью власть и «благословляетъ» всю природу и небеса и звѣзды... И, дѣйствительно, поэтъ принадлежитъ не себѣ и еще меньше принадлежитъ онъ той средѣ, которая его окружаетъ. Не Гёте создалъ великаго Фауста и не Бетховенъ создалъ свои мелодіи. Всѣ эти слова и звуки всегда существовали въ безпредѣльномъ пространствѣ, и художникамъ оставалось только уловить ихъ. Итакъ, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружи молчаніемъ, будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ, и только напрягай свой душевный слухъ и душевное зрѣніе, внимай, гляди, притаивши дыханіе, и помни мимолетное видѣніе! Не все ли равно поэту, слушаютъ ли его люди, или нѣтъ? Вспомнимъ того слѣпого пѣвца, который думалъ, что онъ поетъ передъ княземъ и его боярами, который грознымъ пророческимъ словомъ вступался за правду и узналъ, что онъ пѣлъ въ полномъ одиночествѣ и что никто не слышалъ его пѣсни. Съ какою спокойною гордостью отвѣчаетъ за него Толстой тѣмъ, кто вздумалъ бы надъ пѣвцомъ посмѣяться: не воленъ пѣвецъ въ своей пѣснѣ; какъ горный источникъ стремится онъ потокомъ по степи, бьетъ, кипитъ и пѣнится, и не хочетъ онъ знать, придутъ ли къ нему пастухи и стада, чтобъ освѣжиться его струями.

Такой романтической взглядъ на красоту нашъ писатель высказывалъ всегда, когда разсуждалъ объ искусствѣ теоретически; но на практикѣ онъ никакъ не могъ устоять на этой точкѣ зрѣнія. Витая въ своихъ мечтахъ надъ землею, поэтъ не терялъ ее изъ вида и вводилъ въ кругъ своего поэтическаго міросозерцанія самые разнообразныя жизненныя вопросы, не измѣняя, однако, своего романтическаго отношенія къ нимъ.

Толстому вообще не легко давалось это соприкосновеніе съ житейскою суетой; легко давалась ему только шутка надъ нею; юмористическое ея изображеніе, при помощи котораго онъ любилъ иногда обходить трудность вопроса. Это была всегда, необычайно остроумная и граціозная шутка, которая показывала именно своею граціей, какъ, въ сущности, далеко былъ поэтъ отъ тѣхъ частныхъ явленій и знаменій времени, которыя онъ вышучивалъ.

V.

Его тянуло къ совсѣмъ иному міру, міру таинственнаго и сокровеннаго. Дѣйствительность отъ малыхъ лѣтъ была ему противна и несносна. Искатель небывалыхъ міровъ, онъ, какъ истинный романтикъ, слышалъ звонъ, не видя колоколенъ. Все чудился ему какой-то неопредѣленный и неуловимый идеалъ жизни, отблескъ котораго и остался на всей его поэзіи.

Эта поэзія, быть-можетъ, потому и заслужила такіе упреки, что очень туманно было очертаніе этого идеала. Въ самомъ дѣлѣ, не всѣмъ была понятна и дорогá страна лучей, незримая нашимъ взорамъ, гдѣ вокругъ міровъ вращаются міры, гдѣ сонмы душъ немолчные дары своихъ молитвъ возносятъ стройнымъ хоромъ, гдѣ сіяющіе блаженствомъ лики отвращены отъ міра суеты, гдѣ не слышно земной печали и земной нищеты не видно. Не всякій хотѣлъ вѣлѣдь за поэтѣмъ вознестись въ отчизну пламени и слова, не всякій хотѣлъ вѣрить, что міръ незримый можетъ стать ему виденъ и что ухо его услышитъ то, что для другихъ неуловимо. Нашему поэту всѣ эти ощущенія были доступны и понятны; его мечты были всегда полны надеждъ; и журчаніе водъ, дыханіе цвѣтовъ, — все звучало ему, какъ обѣщаніе другой, далекой красоты...

Эта другая красота и другой міръ, о которомъ поэтъ такъ грустилъ въ своихъ стихахъ, могъ въ тѣ трезвые годы вызвать у читателей иногда насмѣшку, а иногда сожалѣніе. Поэзія Толстого могла показаться старымъ напѣвомъ временъ прошлыхъ, временъ блаженнаго мечтательнаго романтизма, навсегда, какъ казалось, схороненнаго. И никто не станетъ отрицать, что эта поэзія, дѣйствительно, обладала ароматомъ старины. Но для Россіи она была явленіемъ совсѣмъ ориги-

нальнымъ и новымъ, и ея романтическій спиритуализмъ, если можно такъ выразиться, въ русской литературѣ не имѣлъ аналогій.

И что всего важнѣе, такъ это то, что романтическое миро-созерцаніе нашего автора, ссоря его съ современниками, отнюдь не порывало его связи съ современностью; Толстой съ его нелюбовью къ повседневной дѣйствительности оставался пѣвцомъ тѣхъ самыхъ общихъ идей и чувствъ, которыя придавали этой дѣйствительности ея историческій смыслъ и цѣнность. Уловить эту связь поэта съ его настоящимъ было тѣмъ болѣе трудно, что нашъ писатель всегда подчеркивалъ свою любовь къ прошедшему, къ старинѣ во всѣхъ ея видахъ: и въ формѣ народнаго преданія и мѣта, и въ формѣ исторической легенды и были. Онъ и въ данномъ случаѣ оставался правовѣрнымъ романтикомъ, совсѣмъ въ духѣ своихъ западныхъ предшественниковъ, которые въ началѣ вѣка, увлеченные идеей народности, искали въ туманномъ прошломъ кладезя всяческой мудрости и всяческой красоты.

Эта любовь Толстого къ прошлому могла иногда натолкнуть не вполне внимательнаго критика на послѣднее сравненіе. Могло казаться, что это пристрастіе къ народной старинѣ есть лишь повтореніе стараго мотива, нѣкогда очень распространеннаго и въ русской литературѣ, а именно мотива фальшивой «народности», той самой, которая погибла подъ лучами поэзіи Пушкина и Гоголя и подъ ударами критика Бѣлинскаго. На самомъ дѣлѣ, однако, никто не былъ такъ далекъ отъ этой фальшивой народности, какъ нашъ поэтъ. Славянскій мѣтъ, преданіе и исторія, которыми наши старые романисты и поэты пользовались въ интересахъ довольно узкой патріотической тенденціи, для восхваленія религіозности, семейной нравственности и государственной мудрости россіянъ, — эти мѣты и преданія Толстой хотѣлъ воскресить въ интересахъ, преимущественно, художественныхъ. Онъ искалъ въ нашей мѣтологіи и старинѣ благодарнаго матеріала для поэмъ и балладъ въ стилѣ западно-европейской романтики. Ему хотѣлось доказать, что и славянское племя внесло нѣчто свое въ общую сокровищницу красоты, которую нѣмецкіе, французскіе и англійскіе писатели открыли въ преданіяхъ языческой древности и средневѣковья. Задача была трудна и обязывала Толстого не столько подчеркивать въ старыхъ преданіяхъ бытовья особенности славянскаго племени,

сколько въ этихъ славянскихъ мифахъ выискивать общечеловѣческое, роднящее нашу народную поэзію съ поэзіей нашихъ сосѣдей.

Съ этой западной поэзіей Толстой освоился еще съ юныхъ лѣтъ, и она была ему совсѣмъ родная: стоить, на примѣръ, только вспомнить, съ какою художественной виртуозностью онъ поддѣлался въ своемъ «Драконѣ» подъ стиль староитальянской романтики. Естественно, что подгоняя нашу славянскую старину подъ общій типъ западной романтики, поэтъ долженъ былъ слегка ее подкрасить. Алексѣй Толстой такъ и поступалъ съ нашими мифами и преданіями. Искать въ нихъ настоящей народности, народнаго духа, если такъ можно выразиться, — напрасно. Въ нихъ много этнографическихъ и археологическихъ вѣрныхъ деталей, но въ цѣломъ компановка этихъ деталей и общій тонъ значительно отступаютъ отъ старой народной наивности. Во всемъ чувствуется рука мастера, прошедшаго хорошую литературную школу. Только благодаря этой школѣ, поэту удалось, на примѣръ, изъ избитаго разсказа объ оборотнѣ сдѣлать такую цѣльную и страшную балладу, какъ его «Волки»; та же литературная опытность помогла ему въ хороводѣ стрекозъ подслушать слова и уловить настроеніе, которыя Гёте далъ въ своемъ «Лѣсномъ царѣ»; и, наконецъ, вся великолѣпная поэма о Садкѣ, въ которой такъ много чисторусскихъ словъ и оборотовъ, — развѣ въ ней сохранилась хоть капля наивности стараго преданія и развѣ вся ея удивительная красота не обязана своимъ блескомъ литературному вкусу и образованію автора?

Это стремленіе жертвовать наивнымъ старымъ реализмомъ въ пользу романтической красоты композиціи еще яснѣе выступаетъ наружу въ историческихъ балладахъ и былинахъ нашего поэта. Всѣ эти русскіе богатыри очень смахиваютъ на средневѣковыхъ рыцарей и невольно вызываютъ въ читателѣ литературныя воспоминанія. Князь Ростиславъ, уснувшій тяжелымъ сномъ на рѣчномъ днѣ, какъ-то невольно заставляетъ думать о Рейнскихъ никсахъ²⁾. Алеша Поповичъ вызываетъ въ памяти пѣсни Прованса; читая Боривоя, думаешь о сѣверныхъ скандинавскихъ ле-

²⁾ Водяные духи, являющіеся то въ видѣ жестокихъ, хитрыхъ старцевъ, то въ образѣ прекрасныхъ русалокъ.

гендахъ... Гаконъ слѣпой и Гаральдъ напоминають Роланда и пѣсни трубадуровъ. Три побойща могутъ показаться переложениемъ изъ Вальтеръ-Скотта, а описаніе двора Владимира Краснаго-Солнышка — страницей изъ рыцарскаго романа.

Среди балладъ Толстого встрѣчаются, конечно, и такія, въ которыхъ чисто-народный колоритъ болѣе или менѣе удержанъ; есть у него пѣсни въ старо-русскомъ стилѣ, которыя своимъ славянскимъ духомъ даже подкупили славянофиловъ, какъ, напримѣръ, Хомякова и Аксакова. Но славянофилы не долго считали Алексѣя Толстого своимъ, и были правы. Если въ поэзіи Толстого не было фальшивой народности, то не было и настоящей. Народность въ его стихотвореніяхъ своеобразная, субъективная и романтическая, родственная западной, но не списанная съ нея. Самъ поэтъ никому не подражалъ, но по духу онъ былъ ближайшій родственникъ романтиковъ Запада. Стремленіе отыскать особую красоту въ старой народной мистикѣ и въ произведеніяхъ доисторической фантазіи — было у нихъ общее. Общими явились поэту и художественные приемы. А такъ какъ, кромѣ того, въ самыхъ мотивахъ народной фантазіи русской было много сходнаго съ мотивами обще-европейскими, то естественно, что наши богатыри стали нѣсколько походить на паладиновъ, и наши мнѣческіе образы на своихъ европейскихъ родственниковъ. Произошло это не потому, что нашъ поэтъ навязывалъ русскому образу нерусскую мысль, чувство или поступокъ, а потому, что онъ навязывалъ имъ свое собственное міросозерцаніе и свои чувства, какъ это вообще дѣлали всѣ романтики въ мірѣ, для которыхъ объективное интересно лишь постольку, поскольку въ него можно вложить субъективное содержаніе.

На такія же соображенія наводятъ насъ и чисто-личныя лирическія стихотворенія Толстого. Лирическое стихотвореніе, положимъ, всегда субъективно; но въ самомъ способѣ выраженія лирическихъ чувствъ, лирикъ-романтикъ все-таки отличается отъ лирика-реалиста. Одинъ стремится къ простотѣ, отчетливости и ясности въ передачѣ своихъ ощущеній и тѣхъ впечатлѣній, которыя ихъ вызвали. Другой любитъ намеки и неохотно позволяетъ читателю заглянуть въ самую глубь своего сердца. Онъ предпочитаетъ говорить о своихъ чувствахъ иносказательно, и всего охотнѣе поясняетъ ихъ

какимъ-нибудь поэтическимъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ жизни природы внѣшней. У Толстого, за немногими исключеніями, почти всѣ лирическія стихотворенія — такія картинки природы, слегка набросанныя или болѣе детально вырисованныя. Вездѣ чувствуешь это стремленіе — не быть слишкомъ яснымъ и увѣрить читателя, что въ каждомъ чувствѣ, самомъ простомъ, таится что-то безконечное и невыразимое.

VI.

Если свести къ одному всѣ эти разрозненныя впечатлѣнія, которыя мы выносимъ изъ знакомства съ поэзіей Толстого, то и романтическое содержаніе его творчества и всѣ романтическіе приемы исполненія выступаютъ ярко наружу.

Всѣ внѣшній міръ — въ его прошломъ и настоящемъ, а также міръ внутренний, міръ мысли и психическихъ движеній, былъ въ глазахъ поэта лишь символомъ чего-то, внѣ этихъ міровъ лежащаго. Къ этому таинственному началу Толстой относился съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Въ красотѣ онъ видѣлъ одну изъ эманаций этого Божества, которая обладаетъ способностью земного воплощенія и проникаетъ собою всю земную жизнь, какъ проникаютъ ее и другія эманации Бога — лучи Его добра и истины. Всѣ эти силы совершаютъ свое предназначеніе лишь въ тѣснѣйшемъ союзѣ и между собой и съ людьми, жизнь которыхъ есть великая религіозная мистерія, — исторія постепеннаго восхожденія человѣчества къ Божеству, — стремленіе въ иной міръ идеала. Въ этотъ міръ идеала человѣкъ можетъ войти, однако, не путемъ добровольнаго отреченія отъ земли, ея судебъ и ея страстей, а лишь послѣ добровольной борьбы съ этими страстями.

Такой мистическій взглядъ на міропорядокъ, взглядъ, раздробленно высказанный въ стихахъ нашего писателя, долженъ былъ, конечно, отзываться и на всемъ ходѣ его личной жизни. Ожидать отъ этого романтика большой привязанности къ переживаемому имъ историческому моменту нельзя. Для людей съ такой идеалистическою вѣрой въ связь земного и небеснаго, реальнаго и идеальнаго — жизнь минуты имѣетъ малую цѣнность, и если что въ этой минутѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе и любовь такого идеалиста, такъ развѣ только ея самый общій философскій смыслъ.

Изъ интимной переписки нашего поэта мы, дѣйствительно, узнаемъ о томъ, какъ мало онъ любилъ самый процессъ будничной жизни, которая для него могла быть, если бы онъ только захотѣлъ, сплошнымъ праздникомъ. Судьба поставила его въ такія условія, что, захоти онъ, и эта жизнь дала бы ему всѣ наслажденія, за которыми такъ гонятся люди, все, что называется житейскимъ благомъ. Толстой не воспользовался этими преимуществами своего положенія и прожилъ свою жизнь, насколько могъ, скромно, внѣ колеи официальной дѣятельности.

И, между тѣмъ, никто не скажетъ, что этотъ человѣкъ стоялъ внѣ интересовъ переживаемой имъ эпохи и былъ лишь скучающимъ зрителемъ того, что вокругъ него творилось. Наоборотъ, весь общій прогрессивный идейный смыслъ того знаменательнаго историческаго момента, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, нашелъ себѣ откликъ въ его поэзи, и только этимъ его поэзія приобрѣла значеніе историческое рядомъ съ тѣмъ значеніемъ художественнымъ, которое она сохраняетъ, какъ плодъ истинно-поэтическаго вдохновенія.

VII.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что общаго между этою романтикой, столь законченной въ своей внѣшней и внутренней цѣльности, и этимъ прогрессивнымъ движеніемъ, столь трезвымъ и положительнымъ во всѣхъ своихъ помыслахъ и дѣянiяхъ?

Поэзія Толстого въ основныхъ своихъ чертахъ, какъ мы видѣли, была поэзіей религіозною; передовое поколѣніе тѣхъ лѣтъ относилось къ религіозному чувству и идеѣ болѣе, чѣмъ скептически; поэтическая мысль нашего писателя всегда витала надъ землею и искала небесной отчизны; мысли его либеральныхъ современниковъ (по крайней мѣрѣ, руководящаго большинства изъ нихъ) сосредоточивались почти исключительно на интересахъ земныхъ и ко всякому спиритуализму въ мысляхъ и чувствахъ относились равнодушно, чтобы не сказать враждебно. Поэтъ нашъ былъ влюбленъ въ красоту, какъ въ идею, и въ искусство, какъ въ ея земное воплощеніе; онъ искалъ въ ней смысла жизни—его слушатели иной разъ даже насильно оберегали себя отъ ея влiянiя, боясь, какъ бы она не отвлекла ихъ отъ прямыхъ жи-

тейскихъ и, главнымъ образомъ, гражданскихъ обязанностей; красота была имъ подозрительна, и въ своемъ подозрѣніи они доходили часто до очень несправедливыхъ упрековъ. Всѣ они были большіе политики и политиканы, люди борьбы насущной за извѣстную соціальную программу; Алексѣй Толстой ни для какой борьбы не былъ годенъ и всякое практическое дѣло, какъ бы онъ самъ ему ни симпатизировалъ, тяготило его однимъ своимъ процессомъ. Наконецъ, и аристократизмъ поэта не гармонировалъ съ общею демократической тенденціей его эпохи.

Можно было бы эту параллель и продолжить, и сопоставленіе поэта съ окружающими его передовыми людьми говорило бы только объ ихъ несходствѣ. Тѣмъ не менѣе, въ исторіи идейнаго движенія шестидесятыхъ годовъ имя Толстого стоитъ въ ряду именно этихъ передовыхъ двигателей, а не ихъ противниковъ.

VIII.

Прогрессивный образъ мыслей Толстого не принималъ, правда, никогда рѣзкаго направленія, — что вполнѣ объясняется темпераментомъ нашего писателя — но во всякомъ случаѣ программа реформъ Александра II нашла себѣ въ его близкомъ другѣ самаго искренняго союзника. Толстой не только стоялъ за новое, но и былъ противъ стараго, какъ видно изъ весьма многихъ его стихотвореній юмористическаго и обличительнаго характера, которыя такъ и не попали въ печать при его жизни.

Противникъ дореформенной Россіи, несмотря на романтическую идеализацію ея старины — поэтъ требовалъ отъ находящихся сыновъ своей родины живого дѣла. Еще въ крѣпостную эпоху, въ 1851 году, онъ указывалъ и «празднопатающимъ» и «вольнодумцамъ» изъ своего круга на ихъ прямую обязанность — на заботу объ участи тѣхъ, судьба которыхъ ввѣрена имъ Богомъ; и въ себѣ самомъ онъ чувствовалъ много силы для такого нравственнаго воздѣйствія на крѣпостную массу. Эта готовность служить народу не поколебалась въ немъ и тогда, когда реформа изъ области сентиментальныхъ чаяній перешла въ область фактовъ. Онъ былъ убѣжденъ, что если бы его употребили на дѣло освобожденія крестьянъ, онъ шелъ бы своею дорогой съ чистою и ясною со-

вѣстью, даже если бы пришлось идти противъ всѣхъ. Та же ясная совѣсть тяготила его при рѣшеніи дѣла о сектантахъ, которое противъ его воли было на него возложено. Онъ былъ настолько чутокъ къ переживаемой минутѣ, что иногда расположеніе его духа изъ мрачнаго становилось свѣтлымъ, если ему удавалось сообщить государю что-нибудь такое, что царю необходимо было знать и чего онъ не узналъ бы отъ другого. «Когда это мнѣ случается, — говорилъ нашъ поэтъ, — я оживаю...»

И какой онъ былъ просвѣщенный патриотъ!

«Вы говорите, — пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ, — что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милые дѣти, посмотрите въ лексиконъ, что такое національность? Вы смѣшиваете государства съ національностями. Нельзя допустить разныя государства, но не отъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности... Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была желательна. Вы говорите: уравниемъ все, понижая уровень чужихъ народностей. Я же говорю: уравниемъ все, возвышая русскій уровень... Катковецъ съ ногъ до головы, когда дѣло касается классицизма... я дѣлаюсь неприятелемъ Каткова, когда онъ поднимаетъ знамя крестоваго похода противъ балтійскихъ провинцій...»

Много можно найти въ письмахъ Толстого строкъ, которыя продиктованы самымъ прогрессивнымъ духомъ его эпохи. Говорить ли онъ объ общихъ вопросахъ или о тѣлесномъ наказаніи — онъ человѣкъ новыхъ взглядовъ и, главное, даже къ рѣзкостямъ этихъ новыхъ взглядовъ онъ готовъ отнестись съ терпѣливою справедливостью. Много ли было лицъ его положенія, круга и образа мыслей, которыя рѣшились бы сказать, какъ онъ говорилъ: «Съ неожиданнымъ удовольствіемъ читаю «Отцы и дѣти». Какіе звѣри тѣ, которые обидѣлись на Базарова! Они должны были бы поставить свѣчку Тургеневу за то, что онъ выставилъ ихъ въ такомъ прекрасномъ видѣ. Если бы я встрѣтился съ Базаровымъ, я увѣренъ, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить»...

Оставимъ, однако, Толстого какъ человѣка. Надо надѣяться, что близкіе поэту люди когда-нибудь да рѣшатся вспомнить о немъ и подробно разскажутъ его жизнь, и тогда, конечно, связь поэта съ его временемъ, какъ гражданина и человѣка, вполне разъяснится. Вернемся къ его поэзіи.

IX.

Въ каждой эпохѣ, болѣе или менѣе знаменательной по своему идейному или практическому значенію, необходимо отличать общее направленіе, въ какомъ работаютъ человѣческія мысль и чувство, отъ повседневныхъ, исторической необходимостью или случайностью вызванныхъ, частныхъ проявленій этихъ духовныхъ силъ человѣка. Всякое сильное движеніе вызываетъ далеко не равномѣрное напряженіе силъ.

Такимъ неровнымъ ходомъ шло и наше общественное движеніе въ шестидесятыхъ годахъ. Сколько было увлеченій, крайностей, противорѣчій, сколько было недосказаннаго или неясно сказаннаго во всѣхъ убѣжденіяхъ и направленіяхъ, разъединявшихъ тогда наше передовое общество!

Но все-таки всѣ эти повседневныя, необходимостью или случайностью вызванныя теченія мыслей и настроеній имѣли у всѣхъ лицъ передового лагеря одну объединяющую ихъ общую тенденцію, одинъ общій историческій смыслъ. Прогрессивное движеніе шестидесятыхъ годовъ при всѣхъ его крайностяхъ и ошибкахъ было въ его дѣломъ — моментомъ укрѣпленія и расцвѣта въ нашемъ обществѣ нѣкоторыхъ идей и чувствъ, имѣющихъ не историческое, временное, а общеміровое и вѣчное значеніе. Къ числу такихъ идей относится идея о соціальной солидарности между отдѣльными классами общества — демократическая тенденція уравнивать всѣхъ людей передъ закономъ и способствовать ихъ дальнѣйшему духовному уравниванію путемъ поднятія общаго уровня образовательнаго и нравственнаго. Къ числу такихъ идей относится признаніе свободы мысли, не преклоняющейся ни передъ какимъ авторитетомъ, мысли, иногда несправедливой въ низверженіи этихъ авторитетовъ, но зато безусловно враждебной всякой умственной косности. Къ числу такихъ идей относится и понятіе о власти, которая опирается не на грубую силу, а на добровольное признаніе ея превосходства со стороны тѣхъ, надъ кѣмъ эта власть поставлена, т.-е. идея власти разумной и гуманной. Къ числу такихъ чувствъ относится и чувство человѣческаго достоинства, на признаніи котораго за всѣми людьми такъ настаивала обличительная литература шестидесятыхъ годовъ. Наконецъ, къ числу отличительныхъ чертъ этой знаменательной эпохи относится и

вообще повышенное чувство альтруизма, готовое на великія жертвы и страданія.

Этотъ общій смыслъ цѣлой исторической эпохи передовые люди того времени стремились выразить и осуществить на дѣлѣ весьма разными программами. Борьба между этими людьми была неизбѣжна въ виду разницы въ пониманіи религиозныхъ, философскихъ, національныхъ, политическихъ и иныхъ вопросовъ жизни. Но все они, — и сторонники реформы наверху, и славянофилы, и почвенники, и умѣренные либералы 40-хъ годовъ, и рьяная радикальная молодежь шестидесятыхъ — въ сущности трудились надъ однимъ дѣломъ и имѣли одного врага — людей, не признававшихъ необходимости новизны и противниковъ того общаго смысла эпохи, на который указано.

Поэзія Алексѣя Толстого заняла среди этихъ споровъ совершенно особое мѣсто, именно въ виду своего романтическаго міропониманія и настроенія, которыя держали ее всегда на нѣкоторомъ разстояніи отъ волненій и споровъ минуты. Среди этихъ споровъ поэтъ занималъ позицію нейтральную и рѣдко покидалъ ее, но зато ему и удалось схватить и выразить въ своихъ стихахъ весь общій гуманный смыслъ развернушагося передъ нимъ общественнаго теченія. Самый общій смыслъ, разумѣется.

Религиозное чувство, живое и глубокое, не осложненное никакими національными или обрядовыми симпатіями, и чувство эстетическое, отъ развитія котораго въ человѣческомъ обществѣ поэтъ ожидалъ прямого улучшенія соціальной этики, — были для Толстого двумя главными духовными двигателями нашей жизни. При ихъ помощи надѣялся онъ достигнуть повышенія общаго культурнаго уровня; въ нихъ видѣлъ онъ уравнивающую людей духовную силу, съ которою вполне могли ужиться и свобода мысли и свобода совѣсти; отъ нихъ ожидалъ онъ установленія на землѣ соціального мира. Въ интересахъ этого же мира должна была дѣйствовать и власть, данная Богомъ человѣку надъ его ближними. Надъ призваніемъ и назначеніемъ этой власти Толстой думалъ много, и вся его знаменитая Трилогія была косвеннымъ наставленіемъ властителю, своего рода *école des rois*, какъ назывались въ старину такія драмы. Нашъ поэтъ былъ рѣшительный противникъ деспотизма, все-равно какого — единоличнаго или массоваго; онъ былъ сторонникъ

просвѣтительной и гуманной монархіи. Вотъ почему онъ такъ не любилъ московскій періодъ нашей исторіи, осуждая его съ этической точки зрѣнія и не всегда считаясь съ точкою зрѣнія исторической. «Моя ненависть къ московскому періоду, — говорилъ онъ, — есть идиосинкразія, и я не подвигиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что говорю». А говорилъ онъ иногда о Москвѣ очень жестоко, называя ее «отвратительной и болѣе позорной, чѣмъ монголы». Онъ былъ противникомъ, какъ онъ выражался, и «эгалитарности» — внѣшней, государственной, социалистической. Онъ не любилъ ее за то, что она, какъ, напримѣръ, «проклятая» община, враждебна принципу индивидуальности — единственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиваться цивилизація вообще и искусство въ особенности. Отъ власти нашъ поэтъ требовалъ самой либеральной опеки, признающей и уважающей человѣческое достоинство въ опекаемыхъ, и вполне искрененъ былъ онъ, когда, восхваляя свой вѣкъ, говорилъ:

«Я ненавижу деспотизмъ такъ же, какъ я ненавижу Сень-Жюста и Робеспьера и т. д. Я готовъ кричать это съ крышъ, но я слишкомъ художникъ, чтобы втискивать это въ художественную работу, и я слишкомъ монархистъ, чтобы нападать на монархію. Но развѣ монархія и то или другое лицо, носящее корону, одно и то же? Нужно быть черезчуръ глупымъ, чтобы на императора Александра II сваливать дѣла и поступки Юанна IV или Феодора».

При такомъ взглядѣ на власть, разумную, благую, опирающуюся не на силу, а на свой нравственный авторитетъ, признанный тѣми, надъ кѣмъ эта власть поставлена, — нашъ поэтъ, монархистъ самъ убѣжденный, могъ себѣ позволить помечтать о далекихъ временахъ нашей жизни, когда властитель былъ патриархальнымъ опекуномъ своей широкой семьи, почти-что первый среди равныхъ, и когда онъ цѣнилъ въ своей власти, главнымъ образомъ, то довѣріе, которое ему оказывали его подчиненные. И Толстой, какъ мы знаемъ, любилъ поминать въ своихъ стихахъ блаженные полумифическія времена кіевского эпоса или идилліи и героическія времена новгородской вольницы. Въ этихъ его симпатіяхъ повинна не одна только романтика; и въ своихъ новгородскихъ балладахъ и драмѣ нашъ поэтъ прикрывалъ романтическимъ вымысломъ современную мысль, почему и патриотизмъ его казался нѣсколько подозрительнымъ черезчуръ яркимъ ревнителямъ національной идеи.

Какъ онъ самъ понималъ эту идею, мы уже знаемъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ патріотовъ, который чувство національнаго достоинства тѣснѣйшимъ образомъ связывалъ съ признаніемъ человѣческаго достоинства за каждымъ человѣкомъ.

X.

Поэзія Толстого — вполне искреннее отраженіе его гуманной личности.

Эту личность поэта можетъ, конечно, игнорировать тотъ, кто оцѣниваетъ его творчество, но если ужъ говорить о связи Толстого, какъ человѣка и писателя, съ его эпохой, то нельзя умолчать объ этой искренности въ стихахъ, которая была отзвукомъ искренности въ чувствахъ и которую почему-то нѣкоторые критики просмотрѣли, когда утверждали, что въ поэзіи Толстого много аффектаціи. Если она гдѣ была, то никакъ не въ той симпатіи къ униженнымъ и оскорбленнымъ, гонимымъ, мучимымъ и грѣшнымъ, примѣровъ которой такъ много въ его поэзіи.

Положимъ, что всякая поэзія гуманна уже сама-по-себѣ, — но есть художники, которые эту общую гуманность понимаютъ въ нѣсколько болѣе узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ возбужденія въ себѣ и въ другихъ чувствъ чисто-альтруистическихъ. Такихъ поэтовъ въ эпоху, когда жилъ Толстой, было много, и ихъ поэзія, какъ таковая, нерѣдко страдала отъ избытка тенденціознаго гуманизма. Алексѣй Толстой не совершалъ насилія надъ своею поэзіей и въ своихъ созданіяхъ былъ прежде всего художникъ, а затѣмъ уже гуманистъ и, притомъ, не умышленный, а невольный, т. е. наиболѣе убѣдительный.

XI.

Итакъ, если взять все творчество нашего художника въ его цѣломъ, сопоставить поэтическое міросозерцаніе Толстого съ общимъ направленіемъ прогрессивной мысли въ эпоху, когда онъ дѣйствовалъ, то получится очень оригинальный примѣръ сочетанія старыхъ приемовъ художественнаго творчества съ новымъ содержаніемъ. Поэзія Толстого — романтическая поэзія очень строгаго стиля. Все въ ней полно символовъ и намековъ; все отвлекаетъ отъ жизни дѣйствительной; все

говорить о будущемъ и прошедшемъ, почти не касаясь настоящаго. А между тѣмъ, общій смыслъ и главныя общія духовныя стремленія этого настоящаго проникаютъ собой эту поэзію и придаютъ ей историческое значеніе. Она — старый романтическій узоръ, но вышитый по новой канвѣ. И въ этомъ ея оригинальность.

Бывали у насъ въ тѣ годы и новыя пѣсни на новыя темы и старыя пѣсни на старыя, но такого оригинальнаго сочетанія стараго съ новымъ не встрѣчалось. Гончаровъ былъ правъ, когда говорилъ, что Толстой стоитъ совершенно особнякомъ въ русской литературѣ, что онъ внесъ въ нее новый элементъ и что онъ ни въ чемъ на другихъ не похожъ.

Эта мысль заслуживала бы подробнаго развитія, и она дополнила бы исторію нашего передоваго, общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ новою очень красивою страницей. Некрасовъ не оставался бы столь одинокимъ, и мы бы лишній разъ убѣдились, какой поэтической смыслъ и какую поэтическую внѣшность имѣла правда того времени, о трезвости, прозаичности и антихудожественной грубости которой такъ часто въ наше время приходится слышать.

Н. Котляревскій.

Выпускъ второй (1864—1875 гг.).

Во второй выпускъ вошли статьи: Д. И. Писарева, А. М. Скабичевского, Н. К. Михайловскаго, В. П. Буренина, барона П. А. Корфа, Герце-Виноградскаго, В. Г. Австенко, О. Миллера и др.; статьи изъ „Русскаго Слова“, „Эпохи“, „Спб. Вѣдомостей“, „Вѣстника Европы“, „Недѣли“, „Новаго Времени“, „Русскаго Мира“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Одесскаго Вѣстника“, „Сына Отечества“, „Искры“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Гражданина“ „Новостей“ и т. д. М. 1905. Цѣна 1 руб.

Выпускъ третій (1876—1881 гг.).

Въ третій выпускъ вошли статьи: А. М. Скабичевского, В. В. Маркова, В. С. Соловьева, С. А. Венгерова, В. Буренина, Евг. Маркова, А. Введенскаго, Е. Утина и др.; статьи изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „Сына Отечества“, „Недѣли“, „Гражданина“, „Современныхъ Извѣстій“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Молвы“, „Дѣла“, „Голоса“, „Спб. Вѣдомостей“, „Русскаго Мира“, „Новаго Времени“, „Новостей“, „Сѣвернаго Вѣстника“, „Русской Рѣчи“, „Кіевлянина“, „Вѣстника Европы“ и т. д. М. 1905. Цѣна 1 руб.

Выпускъ четвертый (1882—1888 гг.).

Въ четвертый выпускъ вошли статьи: К. К. Арсеньева, А. П. Введенскаго, М. Протопопова, В. Буренина, П. К. Щербальскаго и др.; статьи изъ „Вѣстника Европы“, „Русскаго Вѣстника“, „Вага“, „Дѣла“, „Новаго Времени“, „Русской Мысли“, „Гражданина“ и т. д. М. 1905. Цѣна 1 руб.

Выпускъ пятый (1889—1899 гг.).

Въ пятый выпускъ вошли статьи: А. Пыпина, Н. Михайловскаго, А. Скабичевского, К. Арсеньева, В. Чуйко, С. Трубищева, К. О. Головина (Орловскій), Н. Каблукова, Евг. Соловьева (Андреевичъ), Р. И. Сементковскаго и т. д. М. 1905. Цѣна 1 руб.

Н. Денисюкъ:

Гр. Алексѣй Константиновичъ Молстой.

Его время, жизнь и сочиненія (биографическій очеркъ).

Печатается:

Н. Денисюкъ:

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Его жизнь, время и труды (биографическій очеркъ).

